МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АРМАВИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЛАВЯНСКИЙ-НА-КУБАНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

Ю.Ю. Клычников, А.А. Цыбульникова

«ТАК БУЙНУЮ ВОЛЬНОСТЬ ЗАКОНЫ ТЕСНЯТ...»: БОРЬБА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ С ХИЩНИЧЕСТВОМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(исторические очерки)

Под редакцией и с предисловием Б.В. Виноградова

Пятигорск – Армавир – Славянск-на-Кубани
2011

ББК 63.3 (24)
К51

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Пятигорский государственный
лингвистический университет»

Рецензенты:
ЕРМАКОВ Виктор Павлович
профессор, кандидат исторических наук
ЛАЗАРЯН Сергей Степанович
доцент, кандидат исторических наук

К 51 **Клычников А.Ю., Цыбульникова А.А.**
«Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. - Пятигорск, Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011. - 256 с.

ISBN 978-5-89314-326-3

Исторические очерки освещают борьбу России с набеговой практикой, имевшей место на Северном Кавказе в период его вхождения в состав единого государства.

Издание рассчитано на всех, кто интересуется прошлым Северного Кавказа.

Работа издана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 10-01-38101 а/Ю.

© Клычников А.Ю.,
Цыбульникова А.А., 2011 г.
© ПГЛУ, 2011 г.
© СГПИ, 2011 г.
© АГПА, 2011 г.
© Издательство «РИА-КМВ», 2011 г.

ISBN 978-5-89314-326-3

СОДЕРЖИНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА....4

«Хищничество» и «пленопродавство» на Северном Кавказе (Ю.Ю. Клычников)....10

Кавказские женщины как объект пленопродавства в XVIII-XIX вв. (А.А. Цыбульникова)....38

Торговля российскими женщинами на Северном Кавказе в XVIII-XIX веках (А.А. Цыбульникова)....75

«Явиться России и быть вечно подданным оной...»: беглецы-горцы в российских пределах (Ю.Ю. Клычников)....114

Половозрастные признаки российских пленных на Северном Кавказе в первой половине XIX века (А.А. Цыбульникова)....117

Об участии армянских дворян, мещан и купцов в выкупе людей из горского плена (по материалам 20-40-х годов XIX века) (Ю.Ю. Клычников)....129

«Русских же пленных в горах проживает много...» Деятельность российской администрации по возвращению из плена и реабилитации жертв горских набегов (по материалам 30-х гг. XIX в.) (Ю.Ю. Клычников)....135

К вопросу о мерах кавказской администрации по реабилитации жертв горских хищничеств в 30-е годы XIX века (по материалам ГАСК) (Ю.Ю. Клычников)....149

«Тот мальчик оказался не его сын...»: штрихи к судьбе детей-пленников (Ю.Ю. Клычников)....160

Хищничество в северокавказской повседневности первой половины XIX века (по материалам ГАСК) (Ю.Ю. Клычников)....164

«О выдаче за убитого горскими хищниками...»: рекрутские квитанции как исторический источник (Ю.Ю. Клычников)....178

«Подвергая жизнь свою опасности...»: Эпизоды биографии российских чиновников на Северном Кавказе (Ю.Ю. Клычников)....184

Злоключения персидско-подданных в Кизляре в 1842 г. (Ю.Ю. Клычников)....209

О бедных артистах замолвите слово или нетеатральные страсти на Водах в 1849 г. (Ю.Ю. Клычников)....219

«Сострадая к несчастным пленным...» Из опыта освобождения невольников на Северном Кавказе в XIX веке (Ю.Ю. Клычников)....229

Список убитых и похищенных горцами казачек Кубани с конца XVIII до середины XIX в. (А.А. Цыбульникова)....240

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Специфика российско-горского взаимодействия в широком хронологическом диапазоне остается весьма дискуссионной проблемой отечественной исторической науки. Это определяется, в частности, современной обстановкой на Северном Кавказе, отнюдь еще не побежденным сепаратистским движением, для явных и скрытых сторонников которого оценивание истории российского присутствия в регионе представляет несомненную значимость. Не секрет, что так называемая «чеченская революция» имела своей прелюдией планомерное и системное очернение политики России в отношении Чечни, и соответствующие «научные открытия» привносились в общественное сознание чеченского народа. Правда, наряду с этим происходило всяческое оплевывание и деятельности советской власти, что для конца 80-х – начала 90-х годов являлось тем механизмом, посредством которого осуществлялся развал Советского Союза – драматический и кровавый (вопреки нынешним разглагольствованиям на этот счет г-на Сванидзе и К). 90-е годы XX века ознаменовались конкретными и серьезными угрозами существованию российского Северного Кавказа, территориальной целостности Российской Федерации. Запущенный на рубеже 80-х – 90-х годов маховик обличения «царской» и советской политики на Северном Кавказе был почти готов отбросить российскую власть к Дону и Волге, как о том мечтали наиболее одиозные лидеры местного сепаратизма. При этом забрасывание грязью деятельности России в регионе для идеологов сепаратизма было условием не менее необходимым, чем наличие банд вооруженных боевиков.

Между тем, обличения российской политики в отношении народов Северного Кавказа имеют историографическую традицию. Одним из первых ее зачинателей на уровне исторических изысканий был Владимир Кудашев, который в «Исторических сведениях о кабардинском народе» [1] еще в 1913 году, то есть до революции, обвинял местные российс-

кие власти в невнимании к обычаям и традициям горцев, в неуважении их. Конечно, в условиях императорской России подобные утверждения не могли стать преобладающими, тем более что в XIX веке был издан ряд научных трудов, в известной мере идеализировавших политику России в регионе, но одновременно подметивших особенности горского конфликтного потенциала [2].

Ситуация резко изменилась с победой советской власти. И вплоть до середины 30-х годов присоединение к России Кавказа (как, впрочем, и иных «нерусских» территорий) считалось «абсолютным злом» для его автохтонного населения. Подобная конструкция была политически выгодной в контексте упрощенных противопоставлений идеалов «светлого будущего» ужасам «самодержавного ада». Именно с этого времени российская политика на Северном Кавказе стала именоваться колониальной, захватнической, а антироссийские движения горцев – справедливыми и национально-освободительными. Молодая советская историческая наука, сделав огромный шаг вперед в исследовании проблематики социально-экономического развития горских сообществ, не смогла избежать соблазна своеобразной редукции – сведения сложности и многофакторности российско-горского взаимодействия к упрощенным, но «классово выдержанным» постулатам, которые, к тому же, опирались на высказывания российских революционеров-демократов и классиков марксизма-ленинизма. Между тем, и тех и других трудно заподозрить в знании региональной специфики, зато налицо у них присутствовала «революционная политизированность» в оценивании деятельности России на иноэтничных окраинах, во взгляде на национальную политику Российской империи.

Хотя с середины 30-х годов произошел отказ от концепции «абсолютного зла», и в дальнейшем деятельность России на Кавказе преподносилась более взвешенно, догматы о колониальной политике России и справедливой освободительной борьбе против нее горцев чрезвычайно надолго задержались в советском кавказоведении. Естественно, что в данных усло-

виях анализ набеговой традиции горских народов, влияния данного фактора на характер и перспективы российско-северокавказского взаимодействия не мог находиться «на острие» исследовательского внимания. Показательно, что предпринятая М.М. Блиевым в начале 1980-х годов попытка привлечь внимание к собственно горским факторам обострения отношений с российскими властями [3] вызвала длительную, консолидированную и местами озлобленную критику «национальных» историков, для которых за десятилетия советской власти правота «своих» народов в столкновениях с «царской Россией» стала незыблемой догмой. Не менее негативную реакцию сторонников правоты по этническому признаку вызвали последующие фундаментальные труды М.М. Блиева [4].

Зато с рубежа 80-х – 90-х годов почти повсеместно в северокавказских автономиях, а впоследствии – субъектах Российской Федерации оказались востребованными для национальных элит, неформальных и откровенно сепаратистских движений те оценки российской политики в регионе, которые были характерны для концепции «абсолютного зла». Заметим, что верность марксизму-ленинизму с определенного момента ушла в прошлое за ненадобностью, уступая место вполне конкретным интересам «этнократов» в составе России или сепаратистских движений. Учитывая то, что проблема горских набегов (то есть «хищничеств» по терминологии российских документов XVIII-XIX вв.) уже не подлежала умалчиванию и подвергалась дальнейшему анализу [5], силами ряда «национальных» историков выдумывается новая конструкция, по которой горцы посредством набегов боролись с российской колониальной экспансией, то есть набеги являлись партизанской борьбой горцев против «завоевания» [6]. Между тем, в некоторых «знаковых» обобщающих изданиях набеги, не получая столь лестных оценок, большей частью вообще выводятся из зоны читательского внимания, не рассматриваются ни как фактор обострения отношений с Россией, ни как составляющая местного традиционного уклада [7].

Следует отметить, что пик безудержных обличений де-

ятельности России на Северном Кавказе на первый взгляд прошел. Однако нынешние суждения и оценки многих «национальных» историков в адрес российской политики хоть и отличаются от беспредельного очернительства 90-х годов, но все же содержат принципиальную мысль о том, что все же Россия, именно и только она ответственна за обострение отношений с горцами, за начало «колониальной экспансии» и т.п. При этом горские традиционные «доблести», такие как набеги и работорговля либо не рассматриваются в качестве хронического дестабилизирующего фактора, либо, как уже было отмечено, подаются в выгодном свете.

Подобный подход к историописанию весьма напоминает «постулаты» так называемой «альтернативной истории», следуя которым «свой» народ является самым древним, самым развитым, самым правым в конфликтных ситуациях с другими народами и государствами. Последняя позиция у многих «национальных» кавказоведов проступает наиболее рельефно, хотя и примеров первых двух вполне хватает в ряде работ, претендующих на научность. Так или иначе, однозначно позитивный и героизированный образ исторического прошлого «своего» народа («своих» народов) стал выступать в качестве необходимого атрибута современной этнической идентификации народов Северного Кавказа. Однако такое «этническое самолюбование» весьма опасно, так как порождает перекладывание ответственности за кризисные ситуации в прошлом и настоящем на кого угодно, чувство безнаказанности и вседозволенности. Примеров тому за последние десятилетия было более чем достаточно.

Набеговая традиция в том виде, в котором она реально существовала, не является украшением образа горско-российского взаимодействия и не вписывается в конструкт о героической правоте горцев в борьбе с «российским завоеванием». Однако в течение XVIII – первой половины XIX века ее проявления и последствия стали повседневной действительностью и взаимодействия горских сообществ меж собой, и складывания российского Северного Кавказа. Именно горская набеговая экспансия в совокупности с завершением исламизации боль-

шинства местных народов и предопределила Северокавказский кризис XIX века (то явление, которое по историографической традиции часто именуется не вполне адекватным термином «Кавказская война»). Стадиальная обусловленность набеговой активности не подлежит сомнению для тех, кто не ослеплен идеей безусловной и во все времена правоты «своего» народа. Не подлежит, на наш взгляд, сомнению и то, что значительная стадиальная разница между российским государством и горскими до- или полугосударственными сообществами предполагала объективные сложности во взаимодействии сторон (правда, на этот счет есть не единичные попытки «нахождения» у горцев развитого феодализма, признаков сословно-представительной монархии и т. п. [8]).

Если набеговая активность была проявлением горского традиционного уклада, это не означало, что российские власти обязаны были, вопреки интересам безопасности, мириться с подобным положением вещей, уважать и поощрять подобные атрибуты местной «вольности». Тем более что прекращение набегов закреплялось в подданнических присягах горцев по отношению к России.

В предлагаемых исторических очерках на документальной основе объемно и рельефно показано, как горские набеговые «доблести» (как правило, вовсе не обремененные идеей освободительной борьбы) осложняли складывание российского Северного Кавказа, приносили несчастье простым людям, а не «царизму», как-то и сегодня повторяют некоторые с упорством, достойным лучшего применения.

Проблему можно увидеть только беспристрастным взглядом. И только увиденная и понятая проблема может быть решена. Эти почти банальные констатации остаются актуальными. Ведь в совсем недавнем прошлом набеговая традиция и практика работорговли нашли свое воплощение на Северном Кавказе в новых условиях и на новом уровне. Быть может истязание людей в зинданах предприимчивых сепаратистов кто-то тоже захочет назвать проявлением освободительной партизанской борьбы? И имеем ли мы право допускать подоб-

ное? Ведь вседозволенность, как правило, начинается со слов – устных или письменных. И не следует нам вновь безучастно ждать замыкания логической цепи «самолюбование, безнаказанность, вседозволенность». Слишком высока цена...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913.

2. См., например: Броневский С.М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. – М., 1823; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – Ч. 1-3. – СПб., 1869; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1886; Потто В.А. Кавказская война. – Т.1 – 5. – Ставрополь, 1994; Фадеев Р.А. Кавказская война. – М., 2005 и др.

3. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР. – 1983. – №2.

4. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М., 2004.

5. См., например: Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции народов Кавказа. – СПб., 1996.

6. См., например: Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2008.

7. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик, 2007; История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. – Махачкала, 2009.

8. См., например: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик, 2004; Хотко С.Х. Цивилизация Кабарды. – СПб., 2008; Чирг А.Ю. Политическое развитие западноадыгских княжеств в первой трети XIX в. // Информационно-аналитический вестник. – Майкоп, 2003. – Вып.6, 7 и др.

«ХИЩНИЧЕСТВО» И «ПЛЕНОПРОДАВСТВО» НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Среди базисных причин, определивших своеобразие Северокавказского региона, на первом месте, безусловно, стоит хозяйственно-экономический уклад местных народов, напрямую связанный с географическими особенностями края. Равнины и горы Северного Кавказа предопределили не только особенности хозяйственной деятельности, но и специфику социального развития северокавказских обществ [1]. Анализ хозяйственной деятельности живущих в горах «вольных» обществ Дагестана и Чечни, а также «демократических племен» Северо-Западного Кавказа позволяет прийти к выводу, что у них ведущую роль занимало скотоводство, которое являлось носительницей патриархальных основ в общественной жизни [2]. Земледелие, хотя и характеризовалось интенсивными формами труда [3], не давало большого экономического эффекта. И даже на равнинах Чечни, которая, казалось бы, самой природой была предназначена для получения обильных урожаев, земледелие становится доминирующей формой хозяйства лишь во второй половине XIX века после проникновения сюда товарно-денежных отношений [4]. Отсутствие необходимых для развития любого общества излишков продуктов труда приводило к тому, что их искали в набегах или наездничестве, выступающих в качестве компенсирующего экономического фактора [5].

Подобная практика существовала на Кавказе повсеместно. Издревле таким способом происходило перераспределение собственности внутри горских обществ и в случае неурожая, эпизоотии и т.п. бедствий можно было добыть необходимые средства выживания у соседей. С уверенностью сказать о том, когда возникла такая практика, не представляется возможным. Природно-географические условия Кавказа неизменно диктовали подобную модель поведения. Но только с вступлением горских народов в период формирования иерархических отношений, набеги стали средством накопления

богатства и приобрели невиданную до этого масштабность и системность. В Дагестане это явление фиксируется с XVIII в., что в немалой степени обусловлено проникновением сюда товарно-экономического влияния России. Перестав быть лишь средством к выживанию, набеги сделались достаточно эффективным инструментом собирания собственности. Недаром помимо традиционной военной добычи участники грабежа начинают стремиться к захвату земли. Проживающее на этих землях население постепенно превращается в данников, что видно на примере Кахетии, подвергавшейся непрестанным ударам со стороны горцев (преимущественно Джарского вольного общества). К середине XVIII в. территория, попадающая в зону набеговой экспансии, заметно расширилась, и уже жители Западной и Южной Грузии, Азербайджана, Армении испытали на себе все ужасы горского «молодчества» [6].

С многотысячными горскими ополчениями не всегда могли справиться даже части российской регулярной армии, введенные на территорию Грузии согласно договору 1783 г. Безуспешны оказывались усилия и другого активного «игрока» на Кавказе – Османской Порты. У П.Г. Буткова описан весьма показательный эпизод, когда «турки, владея Грузиею, хотели, было закрыть крепостцою знатнейший проход Лезгинцов для грабежа в Грузию чрез Джары, называемый Топкарагань, и Джаров привесть в послушание; но Джары по побуждению Сурхая собрались тайно, напали нечаянно на Турков и побили из них более 500 человек, остальных рассеяли и начатую крепость до основания разорили» [7]. Не смогли обуздать дагестанскую вольницу даже свирепые иранские владыки. Но уж тем более ситуация накалилась, когда Турция и Персия, отстаивая свои политические интересы в Закавказье, целенаправленно поощряли горцев в их набеговом промысле [8].

Высокой эффективностью отличались вторжения, организованные Аварским ханством – государственным образованием раннефеодального типа. Возглавлявшему его в 80-х годах XVIII в. Умма-хану соседние народы ежегодно отдавали

85 тыс. руб. серебром. Но даже выкуп не гарантировал спокойствия, что видно на примере многострадальной Грузии, где царь Ираклий «давал Лезгинам и прочим Дагестанцам ежегодно от 60 до 100 т. рублей, и хотя содержал от них у себя до 60 аманатов, однако Лезгины не преставали делать на Грузию воровские набеги. За жалованьем приезжали иногда до 500 человек, которые в самом Тифлисе производили всякие наглости и убийства ненаказанно, ибо царь боялся их раздражать» [9].

По престижности военное дело оказалось куда более привлекательным для горцев, нежели скотоводство, земледелие или занятия обычным ремеслом. К тяготам воинских испытаний готовились с детства, и фактически все мужское население зрелого возраста было готово к участию в набеге, либо защите собственной территории. Подобный этап исторического развития можно проследить на примере и других народов (славяне VI-IX вв., монголы в XIII в. и т.п.), и всегда их повышенная социальная и военная активность становились серьезной проблемой для сопредельных территорий, на которые обрушивались за добычей завоеватели.

Анализируя обстановку, сложившуюся в Дагестане в XVIII-первой половине XIX вв., М.М. Блиев пришел к выводу, что «разложение родовых отношений, формирование сословно-иерархической организации общества, военная демократия и набеги, а затем и Кавказская война – это закономерное явление и вместе с тем разные звенья единого процесса классообразования» [10].

Начиная с последней трети XVIII в., происходит переориентирование вектора набегов дагестанцев с юга на север. Объяснялось это, прежде всего, экономическими факторами, возможностью захвата большей добычи на равнинах Северного Кавказа. Постепенно формируется образ врага в лице России, которая, в свою очередь, стремилась закрепиться в регионе, исходя из своих геополитических интересов. Противоборство со столь мощным противником заставляло горцев объединять усилия, приступить к военно-политической цен-

трализации, выработать для этого идеологию, которая позволяла преодолеть все еще крепкие стереотипы трайбалистской замкнутости. Пиком успехов в этом процессе станет имамат Шамиля – теократического государственного образования, объединившего часть горцев Дагестана и Чечни.

Активно осваивающие с конца XVIII в. равнину чеченцы также перешли в это время от эпизодических набегов к широкомасштабной, систематической экспансии на своих соседей. И чем успешнее шло их закрепление на плоскости, чем состоятельнее становились «потомки Нахчой», тем агрессивнее они воплощали в жизнь свой лозунг «Мир наш, кто, кроме нас, на свете» (Дуне вайн деци)!» [11]. Успешно справившись со своими конкурентами в лице дагестанских и кабардинских феодальных владельцев, в борьбе с которыми вайнахи (вейнахи) стремились заручиться поддержкой России, они отныне не нуждались в прежнем покровительстве «северного соседа» [12]. Напротив, богатые российские поселения стали лакомой добычей для предприимчивых бяччи (военных предводителей).

Не отставали в навыках набегов от своих восточных земляков и адыгские народы. У них они приобрели системный характер даже раньше и были направлены против Крымского ханства, которое при всей его военной мощи нередко уступало в кровавом единоборстве северокавказским удальцам, доведшим, без преувеличения, технику набега до уровня искусства.

Утверждать, что набеги были присущи лишь жителям горных районов, неверно [13]. На примере тех же адыгов видно, что существовало две формы набегов – княжеский (характерный для «аристократических», преимущественно равнинных племен) и «военно-демократический», каждый из которых решал свои социальные задачи. Княжеский отряд расширял собственность своего сюзерена, и за счет этого тот мог содержать постоянное войско, без которого немыслимо создание раннефеодальной государственности. (Схожие процессы можно было наблюдать при создании Дуранийской державы

в Афганистане) [14]. Ополчение же свободных общинников, благодаря добыче, приобретало новый, более высокий социальный статус, ускоряя, таким образом, классообразовательные процессы [15]. Кроме того, набеги являлись механизмом поддержания военной мобильности общества, что позволяло достаточно эффективно противостоять внешней угрозе [16]. На призыв прекратить нападения горцы отвечали: «А что же станет с нами, когда перестанем хищничать? Мы сделаемся из воинов пастухами» [17]. Но, в свою очередь, это же и провоцировало соседей на жесткие меры по пресечению агрессивной набеговой практики [18].

Набеговая система опиралась на сложившуюся идейную основу. Захват добычи не считался у горцев чем-то постыдным. Наоборот, удачливый похититель окружался ореолом всеобщего почитания и пользовался уважением. Ему первому на пирах подносили почетную чашу [19]. Это нашло отражение в фольклоре, в различных песнях и поговорках, например: «От непохищенного мяса у волка делается оскомина» [20]. Черкесская девушка нередко могла бросить язвительный упрек своему юноше: «О, ты трус! Ты даже не смог похитить

Неизвестный художник. Сражение казаков и черкесов

черноморскую корову...» [21]. Набежчик должен был быть щедр. Эта черта прославлялась народными сказителями, подчеркивалась в песенном эпосе [22].

Есть мнение, что жажда славы, заслуженной в набеге, была для горцев предпочтительнее экономической выгоды [23]. И этот факт вполне объясним, т.к. слава являлась синонимом власти и могущества, возвышала социальный статус человека [24]. Отказавшийся от набегов князь мог лишиться влияния в народе и потерять свое положение [25]. Аналогичный кодекс поведения – «drergeskapur» - мы можем найти в истории у «пенителей морей» викингов, чьи набеги наводили ужас на жителей побережья Европы, Азии и Северной Африки [26].

По словам писателя-реалиста, зачинателя адыгской художественной литературы, прекрасного знатока адыгского менталитета А.Г. Кешева (Каламбия), в черкесском обществе, особенно среди молодежи, сформировалось «пагубное убеждение, что воровство есть признак удальства и предприимчивости». Объяснял он это тем, что «черкесы, как и все народы, имели свой героический период, когда умение обманом или мечом добывать средства к существованию, естественно, сделались необходимой принадлежностью человека в такую эпоху» (Из рассказа «Два месяца в ауле») [27]. В силу объективных исторических обстоятельств Россия должна была решать для себя кавказскую проблему, когда часть местных племен как раз и находилась в подобном «героическом периоде». В повести «Абреки» Каламбий передает следующий, весьма характерный психотип горского удальца: «Ты сам знаешь, какой человек адыге. В пустяках он шагу не сделает против воли старших, притворяется таким скромным, безгласным... Но как только дело коснется его интересов в разделе добычи или в чем другом, тогда лучше зажмурь глаза, заткни покрепче уши и отвернись в сторону» [28]. Величайшим позором считалось потерять захваченную добычу. В своей работе «Черкесы (адыге)» Н.Ф. Дубровин писал по поводу грабежа у горцев: «Страсть к хищничеству была у черкесов повсеместна. Но не

одна жажда добычи побуждала черкеса к разбою и грабежу: слава заставляла его ходить на хищничество. Желание приобрести известность, сделаться храбрым джигитом (витязем), прославиться своею удалью, не только в одном каком-нибудь селении, но в целом обществе, в долинах и по горам, составляли его цель, его желание и, вместе с тем, лучшую награду переносимых трудов. Во многих случаях черкес брался за оружие. Не знал отдыха, презирал опасности во время хищничества и боя для того только, чтобы стать героем песни, предметом былин и длинного рассказа у очага бедной сакли» [29].

В вайнахском фольклоре сюжет набега и добычи фигурирует также довольно часто [30]. При этом предводитель, как правило, выступает в роли благородного разбойника, старающегося не для себя, борца за социальную справедливость. Вот, что говорит один из бяччи (военный предводитель), обращаясь к соратникам: «Клятву я дал, что у этого князя / Для бедняков я табун уведу. / Если хотите, я вас поведу, / А не хотите – один я пойду» [31].

В качестве объекта набегов выступала Грузия и богатые русские поселения, располагавшиеся на равнине Северного Кавказа [32]. Набеги докатывались даже до Волги и Дона [33]. В одной из аварских песен предводитель, обращаясь к участникам набега, призывает: «Выступим юноши, туда, в Голода, – / Сделаем красной синюю Алазань! / Готовьтесь, друзья, в поход за хребет, / Чтобы неверный Гурджистан в крови потопить. / Чтобы цорских красавиц менять на серебро. / Один небольшой отряд горцев / Отправился в Цор, в Гурджистан: / Имущество грузин в добычу захватить / И взять дочерей товадов в плен» [34].

Это, впрочем, не означало, что от них не страдали и сами северокавказские народы [35]. Так, сохранился один из вариантов кабардинской песни, текст которой гласил: «Из Чечни приходят / И страну грабят. / Чечня издавна – / Страна враждебная...» [36].

В качестве вежливого обращения иногда использовались такие слова-пожелания: «Да умножится добыча ваша добром, отнятым у дальних народов!» [37]. Благодаря набегам, проис-

ходили «с одной стороны усиление власти, рост богатства и влияния феодализировавшейся знати, а с другой – удовлетворение минимальных материальных запросов общинников и, благодаря этому, сглаживание внутри общества социальных противоречий» [38]. В таких условиях наездничество теряло ореол удальства и благородства и превращалось в обычное «коммерческое» предприятие. «Наездничество прежних черкесов в наше время превратилось в разбойничество. А между этими видами огромная нравственная разница. Наездничество покраснело бы от мысли уворовать у соседа лошадь, изменить своему слову; его цель была – слава, отвага; а теперешнее разбойничество, как развратница, не знает тени стыда; его цель – корысть», – сокрушался по этому поводу видный адыгский просветитель первой половины XIX века Хан-Гирей [39].

В исламе с его призывом к войне против неверных набеговая система нашла свою идеологическую базу. В восьмой суре Корана с весьма красноречивым названием «Добыча» в аяте 40 (39) говорится: «И сражайтесь с ними, пока не будет искупления, и религия вся будет принадлежать Аллаху» [40]. Как писал барон Сталь: «Воровство приняло религиозный характер. Хищничество и набеги в наши пределы считаются делом душеспасительным, а смерть, понесенная на хищничестве в русских пределах, дает павшему венец шагида или мученика» [41]. Но весьма показательно, что, как только удавалось захватить добычу, религиозный пыл набежчиков быстро остывал. Даже в период могущества Шамиля его приближенные осмеливались возражать имаму, посылавшему их в бой, говоря, что «обычай наших отрядов – не встречаться в битве с врагом после того, как в руки отряда попала какая-либо добыча» [42].

Противопоставление правоверных неверным и, таким образом, оправдание грабежа, мы находим в фольклоре: «О, пророк, пусть будет уделом пуля, / Тем кяфирам, что пьют водку! / О всемогущий, пусть достанут наши сабли / Тех врагов, что едят свинину! / Взаимный мир между нами – это / Разящие друг друга длинные сабли. / Бывшая при предках дружба – это / Посылаемые друг другу свинцовые пули»! [43].

П. Соколов. Возвращение с набега

Между тем российскую сторону такое положение вещей, естественно, устраивать не могло, а потому власти делали все, чтобы нейтрализовать эти набеги. Один из участников т.н. «Кавказской войны» М.Ф. Федоров так изложил российскую позицию по этому вопросу: «Гор житель отважный, в бездумье своем, / Разбоем себя утешает; / И в наши пределы с мечом и огнем, / Непрошеным гостем въезжает. / Он к вольным наездам привык среди скал, / В разбоях лишь радость находит, / И в грудь он ребенка вонзает кинжал, / И дев в плен позорный уводит. / Захватит ли старца на русских полях – / Смеется его сединами: / И старец наш стадо пасет на горах, / Опутанный рабства цепями. / На воина ль бросить свой меткий аркан – / Он требует выкуп безмерный; / Тем временем, пленный, страдая от ран, / Как раб угасает презренный. / Что ж делать нам, русским? Пора положить / Конец этой зверской забаве; / Пора хоть штыками им путь преградить / В пределы могучей державы» [44].

Не менее интересный и показательный разговор произошел между находящимся в плену Ф.Ф. Торнау и одним из горцев, Алим-Гиреем. Первый вспоминал: «Набеги черкесов на Линию и русских за Кубань он находил в порядке вещей, но никак не хотел признавать нашего права строить укрепления и утверждаться на черкесской земле. Подобно ему рассуждали почти все горцы. Однажды он просил меня при большом числе абазехских гостей объяснить ему, на чем русские основывают право отнимать землю у черкесов, когда она им принадлежит с незапамятных времен... В ответ я рассказал ему сказку

про баранов и волков да спросил, почему они все не только защищают баранов, а даже гоняются за волком в лес, составляющий Богом дарованное ему убежище. «Потому что от баранов мы имеем прок, а волк только вреден», – закричали все в один голос. «Вы произнесли ваш приговор, – сказал я тогда. – На Линии и в Грузии наши бараны, вы волки: оставить вас в покое, так вы их всех поедите». ... Абадзехи не нашли возражения против моего доказательства» [45].

Впрочем, российские власти также применяли традицию набегов с целью захвата добычи у горцев, т.н. «баранты», чтобы возместить экономический ущерб, понесенный от их «хищничеств». Как говорилось в одном из наставлений Кизлярскому коменданту, «ежели горцы будут у наших людей чинить захваты, то нашим людям в отмщении отнюдь запрещения не чинить, ибо горцы от того делаются смирнее, а только смотреть, чтоб наши люди чужим обидам начинателями не были» [46]. Известны также случаи, когда «приязненным» горцам разрешалось захватывать их «немирных» сородичей, но подобное было временной тактической мерой, скорее исключением, чем правилом [47]. Таким образом, отбирались «те обычно-правовые нормы, которые в данный момент можно было использовать» [48].

Ситуация в регионе осложнялась еще и тем, что в данный период среди «вольных» обществ и «демократических племен» происходила социальная революция, в результате которой к власти приходила новая элита – феодализировавшаяся родовая знать, старшины. Эту непростую проблему глазами горца мастерски описал в своем очерке «Бесльний Абат» Хан-Гирей [49].

Замкнутость, характерная для горских сословий, приводила к тому, что старая элита не могла регулярно обновляться, а это необходимо, по мнению итальянских политологов В. Парето и Г. Моска, для нормального функционирования общества. Без этого невозможна социальная стабильность. Со временем старая элита деградировала и неминуемо уступала власть новой [50]. Процесс смены элит почти всегда сопровождается общественными катаклизмами, а в условиях Кавказа он был усугублен третьей силой – российскими влас-

тями, которые поддерживали социально близких им и понятных феодалов «старой формации» и противопоставили себя «новой» элите [51]. На этот счет весьма прозорливой кажется точка зрения Н.Н. Раевского, который в конце 1840 г. высказал в своей записке «О политическом состоянии Восточного берега» следующее: «Лет двадцать тому назад... власть находилась в руках Узденей.., им принадлежали земля, и простой народ... Но возле Узденей родилось сословие Тохов, вольных людей, обогатившихся торговлею и ремеслами». Эти вольные люди стали претендовать на власть в обществе и, естественно, встретили противодействие со стороны знати. Как пишет Н.Н. Раевский: «Мы вступились за Ханов и Узденей и завели религиозную войну, столь вредную для нас» [52]. Впрочем, подобного вмешательства не избежала в свое время и Турция, также стремившаяся использовать социальные противоречия адыгского общества в своих целях [53]. Данное явление не учитывается рядом современных исследователей, которые, игнорируя происходящую социальную трансформацию, излишне идеализируют горское крестьянство, противопоставляя его демократизм деспотии аристократии [54]. Аналогичные действия произошли и на Северо-Восточном Кавказе, что имело не менее драматические последствия [55].

Одной из болевых точек Северокавказского региона издревле являлась торговля рабами. Об этой стороне местных реалий писали Мартин Броневский (XVI в.), Эмиддио Дортели д'Асколи (конец XVI в.–XVII в.), Джиовани Лука (XVII в.), Адам Олеарий (1603-1671 гг.), Жан Баптист Тавернье (1605-1689 гг.), Николай Витсен (1640–начало XVIII в.), Жан Шарден (1643-1713 гг.), Ферран (конец XVII–начало XVIII вв.) и др. [56]. Такая деятельность играла важную роль в системе жизнеобеспечения горцев [57]. Проблема «пленопродавства» уже не раз становилась объектом пристального внимания со стороны исследователей [58]. Это не случайно, т.к. будучи обыденной, повседневной реальностью местной действительности на протяжении многих веков, она проявляет свои трагические рецидивы и поныне. Прочное вхождение Северного

Кавказа в состав России, казалось бы, окончательно решило эту проблему, переведя ее в плоскость «седых преданий», но, как только фундамент российской государственности дал трещину, это явление вновь напомнило о себе.

В XIX столетии о кавказских пленниках любили рассуждать падкие на сенсации журналисты [59]. Как правило, их рассказы были далеки от реального понимания вопроса, но сам по себе интерес широкой общественности к нему примечателен. Рабство было своеобразной «визитной карточкой» Кавказа наряду с буркой, шашлыком и т.п. экзотикой.

Помимо подобной легковесной информации встречались и достаточно объективные труды, чьи авторы не понаслышке знали регион и населявшие его народы, а то и на собственном горьком опыте испытали тяготы горского заточения. Среди подобных исследований заслуживает внимания труд С. Броневского, который опубликовал в 1823 г. свою энциклопедическую работу о южной окраине империи. Среди информации, касающейся географических, исторических, лингвистических и т.п. особенностей края, есть сведения и о «пленопродавстве». В разделах, посвященных кабардинцам, жителям Дагестана, автор упоминает об этом источнике дохода местных «удальцов», но особенно подробная информация посвящена «славнейшим в Кавказе разбойникам» – чеченцам. По словам С. Броневского, они «приходят к Российским границам, ...подстерегая неосторожных путешественников, или работающих в полях худо вооруженных земледельцев». Захватив свою добычу, они всячески стараются оберегать ее, стремясь побыстрее увезти в глубь своих земель. Пленнику «завязывают глаза и, посадив на лошадь, возят взад и вперед по горам и лесам, но не вдруг привозят до назначенного места, дабы рассеявши, таким образом, внимание пленника, отнять у него все способы к побегу. Ежели пленник, значащий или зажиточный человек, офицер, купец, словом, такой, за которого они могут получить большой выкуп, то приковывают его за шею, за ногу и за руку к стене, худо кормят, не дают спать и потом через несколько дней приносят перо и чернила, и при-

казывают ему писать, куда знает, письма, с объявлением назначенной выкупной цены». Если поступало подтверждение о готовности внести деньги за свободу, отношение к невольнику менялось, его начинали лучше кормить и заботиться о здоровье. «Но буде пленник из простых людей, не стоющих труда, чтобы их мучить, то годных к продаже отвозят в Андреевскую деревню, главную в сей стороне ярманку, а старух и увечных определяют в пастухи, которые, обжившись там, нередко женятся и остаются на всегдашнее жительство» [60].

Аналогичные данные приводятся и другим автором – И.Ф. Бларамбергом, который в ходе подготовки своего труда имел возможность опираться на самый широкий пласт материалов, собранных на Кавказе российскими офицерами по поручению Генерального штаба. Он отмечал, что подобная деятельность являлась хорошо отработанной индустрией, и «хищники» старались «разузнать о благосостоянии каждой семьи казаков, живущих на Линии. Поэтому, захватив пленника, они назначают сумму выкупа в соответствии с достатком семьи, к которой он принадлежит. Кроме выкупа, они заставляют заплатить и за пищу в тот промежуток времени, который узник был в горах, и за крышу над головой, и даже за цепи, которые он носил» [61]. Подобная рачительность, доходящая до скупости, указывает на коммерческий характер такого рода деятельности, и попытка притянуть эти факты к «национально-освободительной борьбе горцев с царизмом» критики не выдерживает.

Надо отметить, что отношение «набежчиков» к своей добыче исключало чувство личной неприязни. Так, говоря об осетинах, И.Ф. Бларамберг отмечал, что они «плохо обращаются со своими пленными лишь тогда, когда они пытаются сбежать, а в остальных случаях их рассматривают как членов семьи» [62]. Аналогичное патриархальное рабство мы наблюдаем и у чеченцев. Как замечал У. Лаудаев, «рабство чеченских холопов было на других условиях, чем у соседних горских племен. У этих холопы или рабы составляли низший класс народа; чеченцы же, всегда стремившиеся к равенству, не отказывали в нем и холопам. Тогда как у других горцев холопы

составляли особую категорию людей, у чеченцев они составляли младших членов семейства» [63].

Подобные свидетельства фиксируются и на Северо-Западном Кавказе. В мемуарах Жака Виктора Эдуарда Тэбу де Мариньи (1818 г.) есть упоминание о русском драгуне, которого захватили в плен; он так и остался на чужбине, женившись на черкешенке, и растя совместных детей [64].

Но такое отношение практиковалось не всегда. Некоторые (в основном, поляки [65]) добровольно бежали в горы в надежде найти там лучшую долю, но не выдерживали жестокого с собой обращения и возвращались обратно, или даже кончали жизнь самоубийством [66]. Кстати, стремление поженить пленников зачастую имело корыстную подоплеку, и как только у них «рождались дети, их отнимали у них и растили на стороне до того времени, когда можно было продать их с выгодой. Эти бедные невольники были настоящими производителями детей» [67].

Рабы обычно использовались в сельском хозяйстве [68]. Но особенно ценились те, кто являлся искусным ремесленником. Таких, чаще всего, стремились оставить у себя [69].

Беда, если «рабовладельцы» узнавали о стремлении пленника совершить побег. В этом случае условия содержания становились ужасными. Широкий резонанс на Кавказе и в России имело пленение чеченцами майора Грузинского гренадерского полка Павла Швецова. Узнав о попытке выручить его, предпринятой кабардинскими князьями, похитители «вырыли яму глубиной до четырех аршин, вкопали в нее толстый столб, и Швецова, скованного опять по рукам и ногам, спустили на веревках в это подземелье, там приковали его к столбу и бросили для подстилки ему пук гнилой соломы. Верх ямы они заделали толстыми досками, оставив одно небольшое отверстие для воздуха» [70]. В таком положении ему пришлось находиться почти полтора года.

Чтобы пресечь возможность побега, пленных сознательно калечили. Им подрезали сухожилия ног или вкладывали в пятку конский волос [71].

Неудивительно, что власти делали все для освобождения страдальцев, идя даже на их неэквивалентный обмен на горцев [72]. Последнее было одной из причин репрессалий царских войск, которую нельзя сбрасывать со счетов, объективно анализируя российскую политику в регионе [73]. К чести российской администрации и русских людей все ищущие спасения и вышедшие из плена находили кров и покровительство в пределах Российской державы, и никого не интересовала национальность беглеца [74]. Выделялись особые суммы для выкупа невольников, но, как свидетельствовала практика, «людокрады» предпочитали продавать их на рынке, где выгода от сделки была больше той цены, которую могли предложить российские чиновники [75]. Таким образом, оставался преимущественно силовой способ решения данной проблемы.

Весьма содержательный и ценный материал содержится в воспоминаниях российского разведчика Ф.Ф. Торнау, чья рекогносцировка горских земель, предпринятая в 1836 г., закончилась пленением храброго офицера. Делясь воспоминаниями о захватившем его черкесе, Ф.Ф. Торнау отмечал, что «не имея иногда, чем кормить жену и детей, он в моем выкупе видел последнее средство поправить свое бедственное положение. Моя смерть или бегство угрожали ему окончательным разорением. Поэтому он ухаживал за мною, как мать за своим ребенком, когда надежды его на выкуп начинали возрастать, и подвергал меня самым нестерпимым мучениям, когда они исчезали» [76].

Вместе с русским офицером судьбу невольника разделял и мусульманский единоверец хозяина из числа ногайцев. Но в данном случае конфессиональная близость роли не играла, хотя и ее старались использовать в переговорах о выкупе. Хозяин его «не сковывал, кормил и ласкал, называя своим братом мусульманином, не пленным, а гостем, и каждый день приходил торговаться с ним по целым часам насчет выкупа» [77].

Крупнейшими рынками продажи рабов до того, как российская власть пресекла их позорное существование, были «Кара базар» (ныне пос. Кочубей Тарумовского района) и аул Эндери в

Дагестане, а также Анапа на Северо-Западном Кавказе. По воспоминаниям иностранцев-путешественников, «людокрады», продавая пленных, обращались с ними хуже, чем с животными [78].

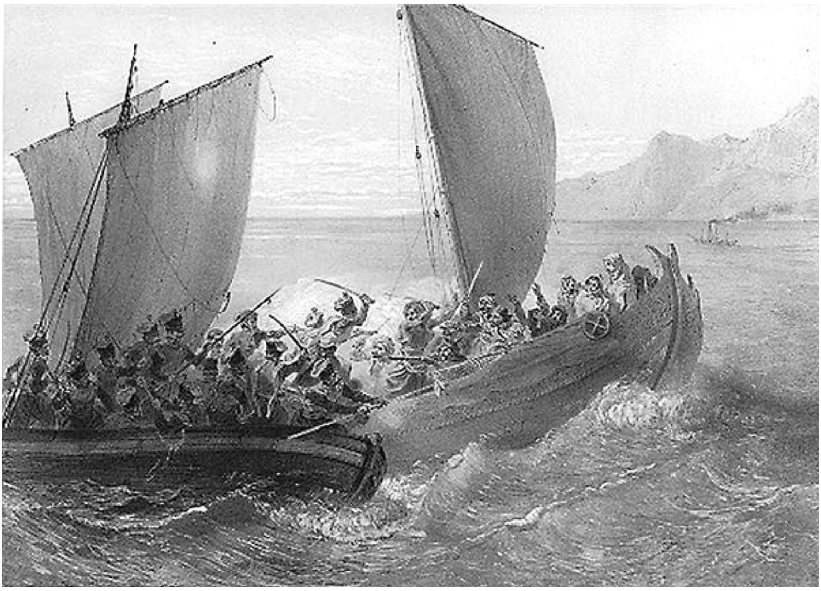
Документы, хранящиеся в ЦГАКБР, свидетельствуют о многих исковерканных пленом судьбах. Так, сохранилась информация о жителе Москвы Дементии Алексееве Хохлове, который в 1800 г. в пятнадцатилетнем возрасте, будучи со своим приемным отцом на Минеральных Водах, попал в плен и был продан чегемцам. Неоднократные попытки бежать оказались тщетными. Лишь в 1843 г. с помощью российской администрации ему удалось обрести свободу: сбылась его мечта окончить жизнь «в стране, обитаемой христианского закона людей» [79].

Судьба Андрея Иванова Кречетова сложилась иначе. Он отрекся от веры отцов, обрел новую семью и просил российское командование оставить его среди абазин, т.к. «при древности и по болезням не желаю нигде искать другого рода жизни, прошу начальство оставить меня окончить жизнь при теперешнем семействе и владельце, дающего мне дневное пропитание» [80].

По мере разрастания «Кавказской войны» судьбу пленных нередко определяли политические интересы. Так, трагической гибелью закончилась неволя для 29 российских военнопленных, захваченных Шамилем и казненных в преддверии Даргинской экспедиции князя М.С. Воронцова [81]. Эта была акция устрашения, предназначенная для деморализации русских воинов. Есть и другие свидетельства о массовых расправах над пленными, практикуемых имамом [82].

Знатных невольников горцы иногда использовали для обмена на своих соплеменников. Среди наиболее известных случаев, безусловно, выделяется возвращение Шамилю его сына Джемалэддина, которого обменяли на княгинь А.И. Чавчавадзе и В.И. Орбелиани [83].

Уже после присоединения Кавказа к России к числу факторов, способствовавших сохранению работорговли, относилась контрабанда, достигавшая широкого размаха. В погоне за барышами торговцы не останавливались ни перед чем. По воспоминаниям Н.Н. Раевского, случалось так, что контра-



Г.Г. Гагарин. Побережье Черного моря. Азовские казаки берут на абордаж турецких пиратов

бандисты, преследуемые русскими крейсерами, «во избежание наказания, привязывают балластовые камни на шею русским пленным и бросают их в море». Эти слова генерала подтверждали бежавшие от черкесов невольники [84]. По сообщению бежавшего из горского плена летом 1835 г. русского солдата Василия Сабельникова, «к черкесским берегам на реку Дзют, находящуюся между крепостями Геленджикскою и Сухум-Кальскою, приходило разновременно из города Трапезонта 25 турецких купеческих судов... Сабельников лично видел, что суда сии возвратились в Трапезонт с товарами черкесского произведения, а некоторые хозяева оных остались в горах для покупки черкесских товаров и пленных людей» [85]. Англо-турецкие коммерсанты пользовались негласной поддержкой со стороны своих правительств, весьма заинтересованных в этом процессе, как из экономических, так и политических соображений [86]. Впрочем, это явление объясняется не только враждебными происками официального Лондона и Стамбула, но и теми выгодами, которые имели моряки, занимавшиеся

контрабандой. «У многих важных сановников, по женам, есть родственники в Черкесии. По этой причине контрабандная торговля с Кавказом пользуется скрытым покровительством многих из местных начальников, несмотря на запрещение и фирманы Порты. Осман-пашу трапезундского обвиняют в косвенном потворстве промыслам такого рода. Брат его Абдулла Бейсам занимается контрабандою, в Синопе Мусселим принимает участие в торговле невольниками», – говорилось в обзоре политического положения в Черкесии в июле 1837 г. [87]. А вот, что писал уже упомянутый Э.Спенсер, воспользовавшийся услугами контрабандистов при поездке на Кавказ: «Я понял от капитана, что до строгой блокады, учрежденной русским правительством, очень активные торговые отношения с черкесами осуществлялись жителями Трапезунда и других турецких портов Эвксина, но сейчас по причине нарушения права народов, путем которого Россия присвоила себе навигацию на этих морях, множество трудолюбивых моряков было доведено до крайней нищеты. Некоторые смелые души, поощряемые безмерными прибылями, получаемыми от черкесских грузов, продолжают посещать страну, не боясь русских крейсеров...» [88].

К контрабанде активно подключились и черкесские феодалы, переселившиеся в Турцию в начале 30-х годов. Они совершали ежегодные рейсы на историческую родину и привозили оттуда партии рабов [89]. Работорговля приносила баснословные барыши. Если в Черкесии за женщину и девушку просили от 200 до 800 руб. серебром, то после доставки цена подскакивала до 1500 руб. серебром [90]. Это позволяло турецким контрабандистам утверждать, что «если из 10 судов они потеряют 9, то последнее окупает всю потерю» [91]. Не удивительно, что «турки, доставлявшие горцам разный товар, не меняли его иначе как на девушек и на мальчиков» [92]. Согласно российским источникам ежегодно из Черкесии вывозилось до 4000 человек невольников [93]. От работорговли, провоцирующей набеги, страдали не только соседние народы, но и сами черкесы. Никто не был застрахован от потери свободы. Вот, что говорилось в «Песне о славном тфокотле», где

главный герой услышал разговор о себе трех княжичей: «Этот едущий всадник есть тфокотль, / Уздечку его лошади схватим, / Толкнем его и сбросим, / С лошади красивой его спешим, / Поменяем на штаны» [94]. Выражение «поменять на штаны» означало продать в рабство. Весьма показательно, что «борец за независимость Черкесии» Э. Спенсер, умиляясь подобной практикой работорговли, утверждал: «Черкес мудро предпочитает более выгодную форму обращения в рабство: рабы обычно работают в сельском хозяйстве или ухаживают за мелким и крупным рогатым скотом... Когда число рабов или пленных превышает необходимое для дома, их продают туркам или персам, и, т.к. черкесы постоянно обращаются по-доброму, будучи заинтересованными, нельзя не радоваться этой корыстной гуманности, которая вынуждает их сохранять жизни тех пленных, которые могут попасть в их руки, вместо того, чтобы хладнокровно принести их в жертву, как это иногда делается даже цивилизованными народами» [95]. Более чем сомнительное оправдание! Кстати, сами англичане, надеясь распространить свое влияние на Кавказ, терпеть эту особенность местного менталитета не желали. Как одно из обязательств со стороны горцев в обмен на британскую помощь они называли прекращение «хищнических привычек» [96].

России пришлось предпринять обременительные военные и экономические усилия, чтобы, если не полностью, то частично парализовать контрабандную торговлю. Несмотря на кажущееся, на первый взгляд, благородство таких замыслов российской стороны, сами горцы смотрели на работорговлю, или вернее «пленопродавство», совсем с других позиций. Для них торг «живым товаром» с мусульманскими единоверцами был делом естественным и, как не покажется парадоксальным, даже предпочтительным для жертвы. «Проданные мальчики нередко делались в Турции знатными людьми, а черкешенки почти всегда первенствовали в гаремах богатых турок» [97]. Бывали случаи, когда освобожденные русскими судами пленницы турецкой кочермы, везущиеся для продажи на чужбину, вместо благодарности готовы были выброситься за борт и кидались с кулаками на своих нежеланных освободителей

[98]. Это был конфликт двух во многом не похожих психологий, и здесь необходима была государственная твердость и последовательность, чтобы изменить менталитет горцев и их взгляд на подобные вещи. «Неси это гордое Бремя – / Ты будешь вознагражден / Придирками командиров / И криками диких племен: / «Чего ты хочешь, проклятый, / Зачем смущаешь умы? / Не выводи нас к свету / Из милой Египетской Тьмы!» – писал о подобном цивилизационном конфликте Р. Киплинг [99]. Такая неблагодарная работа тем не менее была необходима и в конечном итоге принесла положительные плоды для Кавказа.

Неизвестный художник. Возвращение с набега

Сюжет горского плена не раз становился объектом внимания со стороны русской литературы. Это не случайно, т.к. подобного рода события были не редкостью на Кавказе, и по мере того, как все большее число людей знакомилось с этим «ужасным краем чудес», интерес к специфике местной жизни возрастал. Широкой известностью пользовалась поэма «Кавказский пленник» А.С. Пушкина. Гениальный поэт заставил российскую общественность сопереживать своему герою, который «...раб. Склонясь главой на камень, / Он ждет, чтоб с

сумрачной зарей / Погас печальной жизни пламень, / И жаждет сени гробовой» [100].

До сих пор не утихают споры, что легло в основу этого произведения, был ли реальный прототип у пушкинского персонажа [101]? Это лишний раз свидетельствует об обыденности подобного рода происшествий на Кавказе. Недаром Александр Сергеевич вернулся к данной тематике в своем «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года», где упомянул «пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состарившегося в неволе» [102].

Вслед за А.С. Пушкиным подобный сюжет использовали и другие поэты и писатели. Лермонтовский герой, «...обреченный тяжкой долей, / Почти сдружился он с неволей. / С товарищами иногда / Он пас черкесские стада» [103]. Как и тысячи других страдальцев, он осознает свою судьбу: «Мне будет гробом эта степь; / Не на остатках, славных, бранных, / Но на костях моих изгнанных / Заржавит тягостная цепь!» [104]. Тем не менее он делает попытку освободиться с помощью полюбившей его юной черкешенки и гибнет от пули преследователя.

Яркий образ судьбы русских невольников создал Л.Н. Толстой. Свой рассказ «Кавказский пленник» он охарактеризовал как быль, и, действительно, происходившие с его героями злоключения напоминают те невзгоды, о которых неоднократно повествуют официальные документы и личные воспоминания современников событий [105].

В трудах менее даровитых авторов, затрагивающих кавказскую тематику, тоже, как правило, присутствует мотив плена и рабства [106]. Объединяет их осуждение подобных варварских обычаев, но при этом отсутствует ненависть к кавказским народам, что отражает особенность русского менталитета, для которого характерно стремление понять и принять другую культуру. В этом проявляется феномен «российскости», который успешно исследуется кавказоведческой Школой В.Б. Виноградова [107].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. – С.10.

2. Там же – С. 36. См. также: Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории. – 1981. – №1. – С. 35-50.

3. Керашев А.Т. Социальная сущность адыгского наездничества // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Майкоп, 1991. – Вып.VIII. – С. 171-173; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. – Майкоп, 1994. – С.88-89.

4. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 22.

5. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. – Краснодар, 1995. – С.29.

6. Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф. дис... докт. ист. наук. – Тбилиси, 1972. – С. 26.

7. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. – СПб., 1869. – Ч.I. – С.88.

8. Гамрекели В.Н. Указ. соч. – С. 29-32.

9. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. – СПб., 1869. – Ч.II. – С. 119.

10. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М., 2004. – С. 31-32.

11. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о Кавказских горцах. – Тифлис, 1872. – Вып. VI. – С. 26.

12. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Нальчик, 2002. – Вып. II. – С. 82-84.

13. Керашев А.Т. Указ. соч. – С. 171.

14. Панарин С.А. Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-Закавказском регионе // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 37.

15. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С.144-145.

16. Керашев А.Т. Указ. соч. – С.181-182.

17. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Нальчик, 2002. – Вып. I. – С.147.

18. Бондарь В.В. Роль наездничества в российско-кавказских отношениях в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. – Краснодар, 1995. – С.131.

19. Хан-Гирей. Избранные произведения. – Нальчик, 1974. – С.71; Кабардинский фольклор. – Нальчик, 2000. – С.382-384, 413-416 и др.

20. Хан-Гирей. Указ. соч. – С.223; Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков. – Нальчик, 1973. – С.45.

21. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. – Майкоп, 1993. – С.59; Попка И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы в двух частях. – Краснодар, 1998. – С. 169; Леонтович Ф.И. Указ. соч. – С.148.

22. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. – М., 1986. – Т.3. – Ч.1. – С.184.

23. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М., 2001. – С.30-31.

24. Марзей А.С. Черкесское наездничество – «Зекуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII - первой половине XIX века). - М., 2000. – С.113-115.

25. Леонтович Ф.И. Указ. соч. – С.163.

26. Викинги: Набеги с севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. – М., 1996. – С.34-35.

27. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. – Нальчик, 1987. – Т. I. – С.70.

28. Там же. – С.129.

29. Дубровин Н.Ф. Черкесы (адыге). – Краснодар, 1927. – С.4-5.

30. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. - М., 1972. – С.116-117.

31. Антология чечено-ингушской поэзии. – Грозный, 1981. – С.10.

32. Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. – Махачкала, 1968. – С.43; Боцвадзе Т.Д. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. – Тбилиси, 1965. – С.46; Милютин Д.А. Воспоминания. 1816-1843. – М., 1997. – С.309-310.

33. Хан-Гирей. Указ. соч. – С.56.

34. Цит. по: Ахлаков А.А. Указ. соч. – С.54.

35. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. – Тифлис, 1900. – Т.XXI. – С.122-123.

36. Цит. по: Аутлева С.Ш. Указ. соч. – С.60.

37. Хан-Гирей. Указ. соч. – С.220.

38. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С.117.

39. Хан-Гирей. Указ. соч. – С.227.

40. Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. - М., 1990. – С.157.

41. Сталь. Указ. соч. – С.125.

42. Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. – М.-Л., 1941. – С.161.

43. Цит. по: Ахлаков А.А. Указ. соч. – С.56.

44. Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. – Тифлис, 1879. – Т.III. – С.162.

45. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик, 1999. – С.322-323.

46. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. – СПб., 1869. – Ч.I. – С.163.

47. Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX вв. // Вопросы Северокавказской истории. – Армавир, 2004. – Вып. 9. – С.26.

48. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. – Армавир, 2001. – С.108.

49. Хан-Гирей. Указ. соч. – С.23-289.

50. Проблемы политологии. – Краснодар, 1992. – Ч. I. – С.80-82.

51. Хан-Гирей. Указ. соч. – С.324-325.

52. Архив Раевских. – СПб., 1910. – Т. III. – С.340.

53. Сталь. Указ. соч. – С.98.

54. Бижев А.Х., Хаширов М.Ю. Адыгское крестьянство в годы Кавказской войны. – Нальчик, 2000.

55. Покровский Н. Мюридизм у власти («Теократическая держава» Шамиля) // Историк марксист. – 1934. – №2 (36). – С.34; Олейников Д.И. Шамиль // Вопросы истории. – 1996. – №5. – С.60.

56. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост., ред. переводов, введение и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик, 1974. – С.54, 66, 71, 81, 89,105, 111 и др.; Олеарий А. Описание путешествия в Московию. – Смоленск, 2003. – С.394, 412.

57. Чирг А.Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Майкоп, 1991. – Вып. VIII. – С.251-264.

58. Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX веке // Вопросы Северокавказской истории. – Армавир, 2001. – Вып.6. – Ч. I. – С.45-50.

59. См. об этом: Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Торнау. – Нальчик, 1999. – С.7-8.

60. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. – Репринтное издание. – С.179-181.

61. Бларамберг И. Кавказская рукопись. - Ставрополь, 1992. – С.230.

62. Там же. – С. 159.

63. Кавказ в сердце России: На вопросы современности ответы ищем в истории. - М., 2000. – С.161-162.

64. Тебу де Мариньи. Путешествие по Черкесии / Пер. В.М. Аталикова. – Нальчик, 2002. – С.41.

65. Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. - Нальчик, 2002. – С.172.

66. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму / Пер. В.М. Аталикова. - Нальчик, 2002. – С.96.

67. Там же. – С.20.

68. Спенсер Э. Путешествие в Черкесию. - Майкоп, 1994. – С.124.

69. Лапинский Теофил (Теффик-бей) Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 1995. – С.144.

70. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Т.2: Ермоловское время. – Ставрополь, 1994. – С.55.

71. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – М., 2001. – С.227.

72. Цыбульникова А.А. К вопросам о «вымене» казачек на Кавказской Линии // Вопросы Северокавказской истории. Сборник научных статей. – Армавир, 2001. – Вып.6. – Ч.I. – С.54.

73. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). – Ессентуки, 1999. – С.40-41.

74. Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ в зеркале художественной литературы. – Армавир, 2003. – С.25-26; Суздальцева И.А. Грузинская диаспора низовьев Терека в XVIII–первой половине XIX вв. // Вопросы Северокавказской истории. – Армавир, 2004. – Вып.9. – С.29.

75. Бутков П.Г. Указ. соч. – Ч.I. – С.164-166; Иноземцева Е.И. Указ. соч. – С.24.

76. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик, 1999. – С.295.

77. Там же. – С.324.

78. Иноземцева Е.И., Виноградов Б.В. К вопросу о работорговле в Дагестане в XVII – начале XIX вв. // Вопросы Северокавказской истории. Сборник научных статей. – Армавир, 2000. – Вып.5. – С.46-52.

79. Судьбы кавказских пленников. Документы 1817-1853

гг. / Сост. Е.С. Тютюнина. Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова. – Армавир, 1998. – С.11.

80. Там же. – С.30.

81. Даргинская трагедия. 1845 год. – СПб., 2001. – С.147-148.

82. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе... – С. 224.

83. Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. – М., 1995. – Репринтное издание. – С.78-82.

84. Архив Раевских. – СПб., 1910. – Т. III. – С.53.

85. Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений. 20-50-е годы XIX в. – М., 1956. – С.87.

86. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик, 1992. – С.86.

87. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов) / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси, 1953. – С.127; Лазарев М.П. Сборник документов. – М., 1955. – Т. II. – С.233.

88. Спенсер Э. Указ. соч. – С.14.

89. Шамиль – ставленник... – С.127.

90. Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. - Ростов-на-Дону, 1989. – С.24.

91. Архив Раевских. – С.52-53.

92. Торнау Ф.Ф. Указ. соч. – С.318.

93. Шамиль – ставленник... – С.127.

94. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков. – Нальчик, 1973. – С.98.

95. Спенсер Э. Указ. соч. – С.123-124.

96. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. – Владикавказ, 1992. – С.59.

97. Спенсер Э. Указ. соч. – С. 231.

98. Гунаропуло С.А. Встреча с абреками // Исторический вестник. – 1902. – Август. – С.450.

99. Киплинг Р. Рассказы. Стихи. Сказки. – М., 1989. – С.243.

100. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.2. – М., 1986. – С.6.

101. Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань (историко-литера-туроведческие этюды) / Под ред. В.П. Невской. – Армавир, 1999. – С.18-24; Тютюнина Е.С. Об исторической основе фабулы поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник» // Вопросы Северокавказской истории. Сборник научных статей. – Армавир, 2000. – Вып.5. – С.53-62.

102. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.3. – М., 1987. – С. 376.

103. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Т.I - М., 1988. – С.237.

104. Там же. – С.245.

105. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. - М., 1984. – Т.IX. – С.265-287.

106. Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у черкесов // Кавказский легион. Сборник произведений. - Нальчик, 1996. – С.462-526.

107. Вопросы Северокавказской истории. Вып.7. «Российскость» в истории Северного Кавказа. – Армавир, 2002; Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., Нарожный Е.И. «Российскость» в новейших научных изданиях Северного Кавказа // Вопросы Северокавказской истории. – Армавир, 2004. – Вып.9. – С.3-11.

КАВКАЗСКИЕ ЖЕНЩИНЫ КАК ОБЪЕКТ ПЛЕНОПРОДАВСТВА В XVIII-XIX ВВ.

В XVIII-XIX веках торговля пленниками была широко распространена на всем Северном Кавказе, чему способствовал не только сам уровень социально-экономического развития горских обществ, но и торговый интерес Османской империи и Ирана, замешанный на вполне понятных геополитических устремлениях. Причем традиции пленопродавства в кавказской среде сложились значительно раньше названного времени.

Например, в 1692 году известный государственный деятель Нидерландов XVII века Николай Витсен публикует свою работу «Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов». Находясь в свите нидераландского посланника в Москве в 1660-х годах, он собрал в Посольском приказе сведения о тех странах и народах, с которыми взаимодействовала Россия, в том числе и о народах Кавказа. По поводу торговли людьми у горцев он пишет следующее. «Черкесы, живущие у Каспийского моря, когда женятся, покупают себе жену у старейшины или у друзей за муку, скот или за что-нибудь другое... Если муж поссорится с женой и докажет ее неправоту, вождь деревни продает ее... Самые знатные среди них не обрабатывают землю, но стараются набрать большую кучку людей и ночью грабят. Угоняют скот и похищают людей как у друзей, так и у врагов, ибо воровство – врожденное свойство этого народа... Воровство у них не наказывается или очень мало и редко, а если воруют ловко, то даже хвалят... Рабы этой национальности очень ценятся» [1].

Энгельберт Кемпфер, секретарь шведского посла в Россию и Иран в 1680-х годах, немец по происхождению, в 1723 году опубликовал свои путевые записки в книге «Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и многие другие, царю, султану и шаху плативщие дань и подвластные...». В главе, посвященной Черкесии, он пишет, что горцы «торгуют рабами, медом, воском и шкурами всяких животных, которых

они продают не за деньги, но обменивают на другие товары»; «их молодежь проводит время, главным образом, в грабежах и разбоях». «Дворяне целый день ничего не делают; вечером они выезжают на место сбора, где их собирается 30-40 и более людей и договариваются. Когда и где идти на добычу. Эти набеги производятся не только на соседние страны, но и в их собственной земле, так как они похищают все, что можно, и продают друг друга туркам, персам и прочим в качестве крепостных» [2].

На Северо-Восточном Кавказе торговля женщинами также была широко распространена. Еще в 1670 году голландский путешественник Ян Стрейс, сам побывавший в рабстве в Дагестане, свидетельствовал: «Главная торговля... жителей (Дербента – А.Ц.) состоит в купле и продаже невольников, которых доставляют сюда... людокрады для перепродажи через персов и другие места. Прибывают дагестанские... татары, которые торгуют лошадьми, людьми, мужчинами, женщинами и детьми, краденными друг у друга, а большей частью у русских» [3]. Во время похода русских войск в Прикаспий в 1796 г. командующий граф В.Зубов изъял в Дербенте у местных владельцев более 50 рабов, из них 24 женщины. Общая стоимость рабов исчислялась суммой в 71760 рублей [4].

М.А. Зичи. Похищение

Одним из главных объектов пленоторговли в регионе (в силу своей незащищенности) были женщины. В исследуемый период у горцев рабыня нередко заменяла деньги и могла послужить эквивалентом обмена наравне со скотом, оружием или со-

лью. Так, Н.Ф. Дубровин приводит такие расценки: «лучший панцирь» стоил «двух рабынь; другой панцирь стоил одной рабыни; налокотники – одной рабыни, другие налокотники и шишак – одной рабыни; шашка – одной рабыни, еще шашка похуже – пять лошадей», при этом хорошая лошадь могла стоить одной рабыни.

Даже калым (гебен-хак) за невесту достаточно часто платился рабынями [5]: за княжну – от трех до восьми девочек, а за простолюдина – от одного до двух детей» [6]. Французский врач Ферран, служивший у крымского хана в самом начале XVIII века писал по этому поводу: «Учитывая мое благоразумие и происхождение, хан черкесский предложил мне в супруги свою племянницу, за которую в приданое назначал тридцать невольников...» [7]

«Девочки эти «приобретались покупкой преимущественно детей рабов или захваченных в плен и, за неимением их, часто заменялись соответственным числом рогатого или другого скота» [8]. Например, кавказский офицер Ф.Ф. Торнау в своих мемуарах упоминает, что князь Карамурзин выменял «за двух лошадей молодую башилбаевскую пленницу» для перепродажи ее затем туркам [9].

Как показывает анализ источников, свободная горянка могла стать объектом продажи в результате нескольких событий:

1) ***Если она была похищена в результате организованного индивидуального рейда для выкупа или продажи работорговцам в силу своей необычайной красоты или высокого положения.***

2) ***Если она была захвачена в результате нападения на аул крымских или ногайских татар, или самих горцев.***

До 1770-х гг. торговля женщинами на Северном Кавказе велась традиционно: крымские и ногайские татары и сами горцы захватывали в набегах женщин, основная масса рабынь – это пленницы-горянки, а главный потребитель невольниц – Османская империя.

К концу XVIII века, благодаря активной внешней военной политике России крымские и ногайские татары практи-

чески выпали из системы пленопродавства, освободив место горцам-похитителям и туркам-покупателям.

Как отметил в начале XIX века С. Броневский, «торг пленниками на Кавказе производится по праву войны, то есть пленниками, отбитыми в сражении; а поскольку кавказские народы всегда между собою в войне внешней или домашней, то и не бывает остановки в сем торге...» [10]. В одной из российских публикаций середины XIX века подчеркивалось, что «до пришествия русских весь край только думал о личной безопасности, от чего и по ныне еще сохранился обычай не расставаться с оружием» [11].

Захват молоденьких пленниц был одной из главных целей горских набегов. По замечанию английского путешественника Эдмонда Спенсера, побывавшего на Кавказе в первой половине XIX века, горские племена «привыкли совершать грабительские набеги на территории друг друга исключительно для цели похищения юных женщин» [12].

Эта особенность горского быта закрепилась даже в национальном фольклоре. В одной кабардинской легенде говорилось: «Тот не джигит, кто после ночного похода не пригонит в горы пленного гяура с петлей на шее, или не приведет в свой гарем круглолицей калмычки или большеглазой высокогрудой уруски. Таких презирал не только родной аул, от них всюду отворачивались и горные красавицы» [13].

Дележ захваченных пленниц у горцев подчинялся обычному праву. По свидетельству С.Т. Званбы, у убыхов первым «выбирал для себя одного пленного или пленницу и из всех награбленных предметов по одной вещи» предводитель. Для раздела остальных пленных отряд разделяли на соответствующее число частей [14]. Но, по мнению А.С. Мирзоева, распределение пленников по их хозяевам происходило по-разному. Так, у адыгов если пленников «захватывали не в сезон наездничества, а во время войны, то они считались собственностью тех, кто их непосредственно пленил» [15]. Согласно адату шапсугов и натухайцев «кто во время боя первый овладеет пленником или чужестранцем, не имеющим в этой земле

кунаков, тот и считается полноправным его владельцем» [16]. Таким образом, если горцы совершали запланированный набег за пленницами, то захваченных девушек делили поровну. Но если женщина была схвачена во время разорения вражеского аула в ходе межплеменного военного столкновения, то ее хозяином считался тот, кто непосредственно ее пленил.

3) ***Если она была дочерью пленников, то продавалась как собственность господина по достижению девичества, когда ее цена становилась максимально высока [17].***

Французский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере в первой половине XIX века записал: «Другую цель преследует еще черкес женитьбой своих рабов: рождающиеся дети также его невольники...; горькая участь ожидает этих детей пленников...: властелин отнимает их у родителей и отправляет куда-нибудь на воспитание для того, чтобы продать затем туркам...» [18]

4) ***Если она была уличенной в измене женой.***

По замечанию кавказского офицера Ф.Ф. Торнау, у черкесов «утрата чести вменяется замужней женщине в преступление, влекущее за собою смерть или рабство» [19].

На этот кавказский обычай обращали внимание и многие иностранные путешественники. Так, француз Тэбу де Мариньи записал в своем дневнике, что у черкесов изменившую жену «наказывают побоями или продажей; некоторые жестокие мужья отрезают им нос или уши...» [20]. Хотя англичанин Эдмонд Спенсер – дает противоположное описание, утверждая, что «черкес не столь безжалостен, как его сосед, турок, довольствующийся тем, что побьет ее (жену – А.Ц.) или, в чрезвычайных случаях, пошлет обратно к родителям – увы без ушей и носа; законы страны не разрешают какую-либо более строгую месть, за исключением продажи ее как рабыни» [21].

Кавказский офицер Ф.Ф.Торнау, побывавший в плену у горцев, заметил, что у абазин и черкесов разнятся обычаи, связанные с наказанием неверной супруги. Так, у абазин «в минуту доказанной неверности муж имеет право убить ее. По суду она обращается только в его рабу, что ему дает возмож-

ность продать ее». У черкесов же наоборот, муж изначально «пользуется правом продать неверную жену, если он не хочет подвергнуть ее суду шариата, неумолимо наказывающего смертью подобного рода преступления» [22].

5) ***Могла быть продана в рабство нищими родителями в надежде поправить их благосостояние или обеспечить лучшую долю ей в богатых гаремах Турции или Египта.***

В начале XVIII века французский дипломат и путешественник Абри де ла Мотрэ, совершивший поездку на Северный Кавказ в 1711 году, писал, что «на Кавказе очень обычным явлением для отцов, матерей, дядей, тетей и т.д. является обмен или продажа детей, племянников и племянниц. Жизнь научила их, что кроме выгоды, получаемой ими самими от этой продажи, их дети, и в особенности девушки, получают таковую еще в большей степени, так как этим способом они проникают в гаремы богатых турок и даже часто во дворец самого великого султана, становясь государынями, одеваясь как принцессы и великолепно питаясь. Является ли это результатом полученного воспитания или предубеждения, но девушки, отданные в обмен или проданные своими родителями, покидают их без сожаления и слез, в то же время как эти последние желают им со своей стороны удачи и приятного путешествия...» [23]

При этом дальше он отмечает: «...Отцы и матери охотно уступают своих дочерей для продажи, однако они им предписывают сохранять девственность, потеря которой влечет уменьшение их цены вдвое. Мужчина, который изнасиловал какую-нибудь девушку, считается нарушившим закон гостеприимства и его принудили бы купить ее у родителей, которые одни имеют право располагать ею, за ту цену, как если бы она была еще девственницей. Но после покупки он может располагать ею как ему заблагорассудится, сделать из нее наложницу или продать» [24].

Обычно свободный горец не продавал своих дочерей в рабство – главный торг составляли юные пленницы, хотя из этого правила встречались и исключения. Французский путе-

шественник Дюбуа де Монпре, заметил, что у черкесов «отцу дано право продажи своих детей, хотя этим правом пользуются только бедняки, которых толкает на это их нищета...» [25] По замечанию Морица Вагнера (1840-е годы) у черкесов «большей частью туркам продаются дочери пшитлов (крепостных) и тхфокотлей (освобожденные крепостные); ворк (дворянин) реже решается отдать свою дочь или сестру за блестящие пиастры, но, однако, все-таки иногда это случается» [26].

Англичанин Дж. А. Лонгворт более тщательно рассмотрел нюансы этого вопроса: «...Дворянин или вольноотпущенник может продать в Черкесии свою дочь только человеку, равному ему по положению; но за пределами страны он может продать ее кому заблагорассудится. Это право никогда не оспаривается, хотя для узденя или вольноотпущенника с хорошим состоянием считается недостойным их чести продавать своих детей работорговцу. Большую часть продаваемых за пределы страны женщин составляют представительницы четвертого класса, то есть класса сервов, который, как я уже указывал, берет свое происхождение от пленных, захваченных в войнах». [27].

Видимо то, что горцы редко продавали в рабство родных дочерей, позволило сделать кавказскому офицеру Ф. Торнау вывод: «Черкесы не продавали своих дочерей, а только рабынь или пленниц, отдавая их в руки своих единоверцев. «Тот же самый черкес скорее решился бы убить женщину, чем продать ее гяурам на осквернение!» [28]

Как ни парадоксально, но факты показывают, что большинство кавказских женщин вполне лояльно относились к возможности быть проданной в рабство. По мнению Ф. Торнау, служившего на Кубани в 30-х гг. XIX в., это объяснялось тем, что «у мусульман девушка, выдаваемая замуж, равномерно продается» [29] (почему для нее продажа в рабство и является лишь сменой хозяина, причем зачастую в лучшую сторону). Именно поэтому, по словам Н.Ф. Дубровина, «в этой продаже, смотря глазами продаваемых, не было ничего оскорбительного их человеческому достоинству» [30].

Впрочем, в большей степени на лояльное отношение кавказских девушек к продаже в рабство была возможность попасть в восточные гаремы, славящиеся своим богатством, избежав той нищеты, которая ожидала их в случае замужества в горах. А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд писал о проданных туркам пленницах, что «черкешенки, проданные в рабство, не особенно жалеют о своей участи. Подобно грузинкам, они считают это избавлением от невыносимо тяжелых условий своей жизни на родине» [31].

Положительное отношение к возможности попасть наложницей в турецкий гарем формировалось у горянок с детства. Мориц Вагнер в 1840-х годах заметил, что черкесским девушкам, «чтобы смягчить бесчеловечность этой насильственной разлуки с их родными, уже с самого детства рассказывают много о пышности и роскошной жизни в турецких гаремах», поэтому они «покидают обычно без большого горя свои суровые горы и бесчеловечных родителей» [32]. Французский путешественник Дюбуа де Монпре тоже отметил, что «не всегда с осуждением относится дочь к этому варварскому поступку своего отца; если девушка красива, она надеется занять место в турецком гареме...» [33]

Рассказы о богатой жизни кавказских невольниц в восточных гаремах имели под собой реальное основание. Н.Ф. Дубровин отмечал, что проданные черкешенки «почти всегда первенствовали в гаремах богатых турок, а когда им выпадала несчастная жизнь, то тут никто не винил продавца, объясняя, что проданной так было написано в Книге судеб. Почти каждая черкешенка, шедшая на продажу, мало горевала, лаская себя надеждой на будущие блага. «Я здесь рабыня, – говорила она, – а там, сказывают, буду непременно госпожой: мне дадут хорошие платья, дадут деньги; я стану пересылать их отцу и матери, а если будет много денег, так выкуплю их на волю и перевезу к себе за море» [34].

В середине XIX века Карл Кох отметил следующее: «Тщеславие стать полновластной повелительницей в гареме побуждает часто девушку самой просить отца о продаже в га-

рем. Нередко случается так, что такая девушка через много лет возвращается на родину, нагруженная богатством, и охотно рассказывает о радостях, испытанных ею, и о чести, которая ей была оказана» [35]. По замечанию И.Ф. Бларамберга «зачастую быть проданной является единственным желанием молодой девушки, уверенной в том, что ей удастся занять место в гареме где-нибудь в Турции... Некоторые из них, после нескольких лет пребывания в гареме, получали свободу и возвращались на родину с небольшим состоянием» [36].

Современный исследователь С.Х. Хотко считает, что «невольничество черкешенок, как правило, носило лишь номинальный характер: существовала устойчивая тенденция попасть в Стамбул и выйти замуж за богатого пашу или сановника. Технически это осуществлялось при посредстве работорговцев, в данном случае выступавших в роли посредников. Естественно, что эта тенденция была более свойственна для представительниц низших сословий» [37].

К подобным выводам склонялся, например, и Дж. А. Лонгворт, побывавший на Северо-Западном Кавказе в 1839 году: «Если девушек продают работорговцу, это обычно бывает по их собственному согласию и исходя из их честолюбивых намерений, поскольку у них есть перспектива выгодно устроиться в лучших турецких гаремах. Их взгляды в этом отношении вполне сходны со взглядами наших молодых леди, отправляющихся из Англии в Индию; но место их назначения не столь удалено, будучи всего лишь в нескольких днях плавания на судне от их родины; подобное решение их вовсе не предполагает их постоянную разлуку с подругами; наоборот, это зачастую дает им возможность оказывать им услуги...» [38]

Поэтому по традиции во время продажи девушкой-горянкой внешне выражалось недовольство этим фактом, но данные проявления горя в большинстве случаев носили сугубо обрядовый характер. Жизнь невольницы в Турции была для большинства кавказок так привлекательна, что иногда «освобожденные русскими судами пленницы турецкой кочермы,

везущиеся для продажи на чужбину, вместо благодарности готовы были выброситься за борт и кидались с кулаками на своих нежеланных освободителей» [39]

Эту особенность подметил и англичанин Эдмонд Спенсер, записавший, что у черкесов «отец будет продавать свою дочь и брат – свою сестру. Однако это не считается ничем иным, как самым почетным способом обеспечить их; и прекрасная женщина, которая провела свою молодость в гареме богатого перса или турка, возвратясь в свою родную страну, одетая во все свои наряды, никогда не перестанет возбуждать в памяти ее юных подруг желание последовать ее примеру, следовательно, они прыгают на борт судна, предназначенного, чтобы увезти их, возможно, навсегда от дома и друзей с такой живостью, как если бы им переходила в обладание корона» [40].

Очень этнографично передал отношение горянок к продаже их в восточные гаремы Василий Немирович-Данченко в своем романе «Рыцари гор»: «Турецкие кочермы и фелюги ползут с ветром домой, тяжело нагруженные... купленными в горах черкешенками и мальчиками, живым товаром, высоко ценившимся на турецких базарах. Все эти девушки казались ему (Неручеву – А.Ц.) несчастными и похищенными в горах. Он представлял себе, как они, жертвы тогдашнего пиратства, бьются в бессильных рыданиях, молят у работорговцев отпустить их в родные аулы. Как бы он был разочарован, если бы знал, что они первые рады своему невольничеству. Жизнь дома, полная лишений и труда, преждевременно старившая красавиц, осталась позади. Они даже не оглядывались на таинственные миражи голубых гор навеки оставляемого Кавказа. Там, за скрытым далью и расстоянием Анатолийским берегом, ждала их впереди сладкая лень и нега богатых гаремов, роскошь иной, только снившейся им до сих пор, жизни! Предложи любой из них вернуться назад в свои свободные орлиные гнезда, они бы только засмеялись. Они не считали этого рабством. В чужую жизнь они входили полноправными женами и быстро осваивались с нею. Вера их мужей была их верою, – а язык?.. Во-первых, он

им понятен, а во-вторых, черкешенки были слишком одарены природою, чтобы это являлось для них затруднением. Не анатолийки или левантийки могли соперничать с ними, и такие «девы гор», в тишине и тайне турецкого гарема, делались очень скоро любимыми женами и «властительницами дум» важных и влиятельных людей Оттоманской империи. Жены и матери султанов, родившиеся в безвестных аулах адыге, не раз руководили судьбами народов и предписывали законы всему мусульманскому востоку...» [41]

Конечно, далеко не все кавказские красавицы продавались на Восток. Печальна была участь большинства из тех женщин, кто оставался в качестве рабынь на Кавказе. Ян Стрейс, побывавший в рабстве в Дагестане в конце XVII века, отметил: «Весьма жалкое зрелище являют собой несчастные рабы и рабыни, когда их раздевают, трогают и ощупывают и обращаются с ними хуже, чем в нашей стране с быками и лошадьми...» [42]

В мемуарах одного из кавказских офицеров был описан гарем дагестанского владетеля Шамхала Тарковского (правитель городка Тарки): «...У Шамхала находилось 12 жен и до 100 наложниц: грузинок, черкешенок, армянок, жидовок и персиянок. Жены... были не слишком привлекательны, а некоторые даже в летах. Одалиски, – это другое дело!.. Азиатцы, считая этих дев товаром, не слишком с ними церемонятся». [43]

В «Докладной записке начальника Дагестанской области Главнокомандующему Кавказской армией кн. Барятинскому» от 30 марта 1861 года сообщается буквально следующее: класс рабов «образовался большею частью из пленных христиан, захваченных в хищнических набегах, и находится в самом унизительном состоянии, какое только можно создать для человека. Рабы и рабыни считаются принадлежностью владельцев своих как и всякое другое домашнее животное, с которым хозяин вправе поступить как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельцев и они берегут невольников своих ...потому, что лишившись раба, понесут материальный ущерб...» [44]

Дж. А. Лонгворт, побывавший в 1839 году на Северо-Западном Кавказе, посетил гарем одного из черкесов: «...Манера, в которой хозяин говорил о своих женщинах, почти заставила меня подумать, что мы направляемся в его конюшню, но отнюдь не в гарем. Когда вам рассказывают о их существовании и при этом много жестикулируют и многократно упоминают суммы стоимости, вы, естественно, предполагаете, что речь идет о домашнем скоте. У черкесов весьма оригинальные суждения на этот счет: и мужчины, и женщины у них имеют свою стоимость, как и любое прочее имущество на Кавказе, и для женщин может в какой-то мере служить утешением то, что при наличии намека на красоту их стоимость возрастает раз в десять по сравнению с мужчиной» [45].

Невольница считалась собственностью господина, с которой он мог поступить по своему усмотрению. По заключению Н.Ф. Дубровина, «раба не имела права отказаться от сожительства со своим господином, и изнасилование такой женщины не осуждалось обычаем» [46].

Изредка хозяева женились на своих рабынях, ведь по мусульманским обычаям «брак с невольницами разрешается тому, кто по бедности не может содержать жены свободного происхождения» [47].

Так, в Осетии, Кабарде и Балкарии феодалы путем покупки приобретали себе так называемых вторых жен, уплачивая за них двойной калым. Зачастую ими становились представительницы иных, соседних, народов. Так, в 80-х годах XIX века вдова Налкуда Дзаниукова – холопка Джанхота Елоева, по освобождении от крепостной зависимости была выдана в качестве второй жены замуж в поселок Текаевский за Амерхана Дзаниукова, «причем, имела двух незаконнорожденных сыновей» [48]. Иногда случалось, что пленные или купленные женщины давали начало новым, самостоятельным родам, как это произошло с холопкой Давлет-Гирея Елоева – пленницей Хаджыкыз, «чеченкой по рождению», которая положила начало осетинской фамилии Хаджиказовых [49].

Интересно, что иногда в плен к горцам попадали женщи-

ны кавказского происхождения, проживавшие в российских населенных пунктах. Например, декабрист А.П. Беляев был очевидцем подобного случая при обороне города Моздока в июне 1840 года. «Моздокский первой гильдии купец, человек очень богатый, Улуханов, имевший большое семейство, понадеялся увезти свое семейство на свой хутор, верстах в двадцати от города, посадил жену и дочерей-девиц в коляску и отправил их из города. К несчастию, в это самое время передовые черкесы.., видя скачущую коляску, бросились за ней, догнали ее и заворотили назад лошадей, посадили чеченца кучером и, конвоируя свою добычу, направились прямо на паром и перевезли их на другой берег (Терека – А.Ц.)... Семейство моздокского гражданина было потом выкуплено, что, конечно, стоило больших сумм; но краса этого семейства, младшая дочь, стала любимою женою Шамиля до конца его жизни, разделяя с ним и его плен в Калуге... Потом она, став матерью, уже сама не захотела вернуться, хотя ее и выкупали» [50]. А.П. Беляев имеет ввиду 18-летнюю армянку Анну, которая после захвата в плен ее наибом Шамиля Магомедом Ахвердиловом добровольно стала младшей женой имама [51], сменила религию и получила новое имя – Шуаннат [52]. Примечательно, что она была единственной женой, которой позволялось навещать Шамиля на театре военных действий [53].

В целом потребность внутреннего горского рынка в женщинах-пленницах была меньше спроса восточных работорговцев на кавказских красавиц, поэтому торг пленниками в прибрежной полосе Черного и Каспийского морей обрел к XVIII веку значительные масштабы. По замечанию Д.Г. Анучина, «на всем протяжении восточного берега Черного моря до Гагр горцы... производили значительный... торг с турками, особенно невольниками» [54]. Согласно российским источникам в XIX веке ежегодно из Черкесии вывозилось уже до 4000 тысяч человек [55] невольников обоего пола.

Основными рынками продажи рабов в XVIII-XIX веках были: на Северо-Восточном Кавказе «Черный рынок» или «Кара базар» (ныне пос. Кочубей Тарумовского района), Де-

рбент, Тарки, Аксай и аул Эндери в Дагестане, селение Джар на границе Дагестана с Грузией [56]; на Северо-Западном Кавказе – турецкая крепость Анапа [57], а также припортовые поселения Туапсе, Сухуми и др.

В XVIII веке, чтобы вывезти из Черкесии купленного пленницу, надо было обязательно получить на нее «билет» с указанием особых примет и возраста. Этот документ должен был облегчить поимку невольницы в случае ее бегства. «Билет» выдавался мусульманским судьей, и если владелец его не получил, то его могли принять за вора, незаконно завладевшего чужой рабыней [58].

Привезенные на побережье невольницы обычно проводили несколько недель в ожидании погрузки на корабль. Как записал в 1840-х годах Мориц Вагнер, «обычно проходит несколько недель, пока торговцы девушками заканчивают с черкесами свои дела» [59].

А. Фонвиль, будучи очевидцем продажи невольниц, так описал условия проживания купленных работорговцами девушек до их отправки за море: «...Мы пустились немедленно в путь и вечеру того же дня прибыли в Туапсе. О Туапсе нам всегда говорили, что это есть торговый центр всего края и что местность здесь чрезвычайно живописна. Представьте же наше удивление, когда мы приехали на берег моря, к устью небольшой речки, ниспадавшей с гор, и увидали тут до сотни хижин, подпертых камнями из разрушенного русского форта и покрытых гнилыми дырявыми досками. В этих злосчастных хижинах проживали турецкие купцы, торговавшие женщинами. Когда у них составлялся потребный запас этого товара, они отправляли его в Турцию на одном из каиков, всегда находившихся в Туапсе» [60].

Российские военные корабли даже в начале XIX века периодически вступавшие в бой с подобными работорговыми судами препровождали в российские карантины десятки пленников-горцев, среди которых преобладающую часть составляли кавказские женщины. Так, в 1810 году российский корвет «Крым» снял с побежденного турецкого судна куплен-

ных турками у черкес русских и кавказских пленников. Из 82 рабов 70 были горцами (преимущественно абазинами), среди которых было 29 мужчин и 41 женщина [61].

После того, как по российско-османскому мирному договору 1829 года черноморское побережье отошло к России, и вывоз пленников стал трактоваться царским правительством как контрабанда, объемы вывоза женщин-рабынь стали снижаться – правда, на первых порах довольно незначительно. Вот как объяснял в 1840-х годах эту ситуацию Мориц Вагнер: «Торговля черкесскими девушками производится все еще в том же объеме, но требует теперь большей осторожности, чем раньше и ограничивается исключительно месяцами морских бурь, с октября по март, когда русские крейсера удаляются от берегов, лишенных гаваней» [62].

Высокая активность контрабандистов на Черноморском побережье Кавказа была связана в первую очередь с высокой рентабельностью работорговли. В архиве Раевских хранится запись о том, что турецкие контрабандисты утверждали: «если из 10 судов они потеряют 9, то последнее окупает всю потерю» [63]. Как отметил в своих мемуарах Ф.Ф. Торнау, торговля женщинами «для турецких купцов составляла источник самого скорого обогащения. Поэтому они занимались этою торговлей, пренебрегая опасностью, угрожавшею им со стороны русских крейсеров. В три или четыре рейса турок, при некотором счастии делался богатым человеком и мог спокойно доживать свой век; зато надо было видеть их жадность на этот живой, красивый товар» [64].

Чтобы обеспечить максимальную рентабельность судна, турецкие работорговцы нагружали свои галеры максимально возможным количеством «живого товара», не задумываясь о комфорте перевозимых пленниц.

В 1840-х годах Мориц Вагнер так описал процесс перевозки кавказских невольниц в Турцию: «Каждый корабль набит 30-40 девушками, которые, как сельди в бочке, посажены друг на друга, с большой покорностью подчиняются мученьям этого морского путешествия, которое они надеются ско-

ро переменить на медовую жизнь в хваленом городе султана. Шкиперы очень хорошо знают все особенности Черного моря. Раз или два в каждый зимний месяц дует свежий ветер с Кавказских гор, который, как правило, продолжается, не прекращаясь, много дней подряд. Этим ветром пользуются турецкие шкиперы, чтобы со своим прекрасным грузом как можно скорее выбраться. Они привозят своих девушек обычно в Ризе или же в Синоп или Самсун, но никогда не везут их прямо в Трапезунд, так как тамошний русский консул, господин фон Гире, довольно зорко следит за этими кораблями; он по крайней мере не хочет, чтобы эта торговля велась дерзко на его глазах, хотя он, впрочем, часто смотрел на это сквозь пальцы, чтобы угодить своему другу Абдуллах Паше» [65].

Высокая прибыль обеспечивалась в первую очередь большой разницей в ценах закупки женщин на Кавказе и ценах продажи их на восточных невольничьих рынках. В XIX веке в Черкесии за женщину и девушку просили от 200 до 800 руб. серебром, а после доставки в Турцию цена подскакивала до 1500 руб. серебром [66].

Причем, турки покупали у горцев невольниц не только за деньги. Ф.Ф. Торнау в своих мемуарах отметил, что турки доставляли горцам «товары, соль и разные военные припасы в промен на женщин и мальчиков» [67]. Хотя Мориц Вагнер утверждал, что «на обмен черкесы идут не очень охотно; они согласны отпускать своих красавиц в турецкие гаремы только за чистое серебро» [68].

Большое значение играла невинность продаваемой рабыни. Так, если девушка еще не потеряла целомудрие, то ее цена вырастала в несколько раз. В начале XVIII века французский дипломат Абри де ла Мотрэ отметил: «...Отцы и матери охотно уступают своих дочерей для продажи, однако они им предписывают сохранять девственность, потеря которой влечет уменьшение их цены вдвое» [69]. А в первой половине XIX века российский офицер Ф.Ф.Торнау в своих мемуарах упоминает, что за молоденькую пленницу-черкешенку князь Карамурзин получил от турок «две лошади и два вьюка бумаж-

ных материй. За нее дали бы вчетверо больше [70], если б она была девушка» [71].

При этом по численности наибольшее количество пленников на невольничьих рынках Северного-Восточного Кавказа (и особенно Дагестана) было из христиан «мужска и женска полу, природы из Грузии, ясырей» [72], а на Северо-Западном – из черкесов и абхазов. По замечанию А.А. Каспари «когда-то Абхазия славилась своими красавицами, и турки, скупая горских красавиц, до последних дней предпочитали им только гуриек» [73].

В середине XVIII века М. Пейсонель писал, что «в зависимости от того, к какой национальности принадлежат порабощенные, назначается и их цена. Черкесские невольники привлекают покупателей в первую очередь. Женщин этой крови охотно приобретают в наложницы татарские князья и сам турецкий султан. Есть еще рабы грузинские, калмыцкие и абхазские. Те, кто из Черкесии и Абазы, считаются мусульманами, и людям христианского вероисповедания запрещено их покупать» [74].

Нередко цена невольницы напрямую зависела от ее красоты. Так, Иоганн Густав Гербер в 1728 году писал, что кабардинских черкешенок «сообразно красоте продают от 1, 2, 3, 4 до 500 рублей туркам, персам и татарам или каким-нибудь другим народам, которые хотят их купить» [75]. В середине XIX века Карл Кох заметил, что «цена черкесской женщины зависит от ее красоты и от других обстоятельств и составляет часто от шести до восьми тысяч пиастров, что иногда понижается до нескольких сотен» [76]. При этом, согласно архивным документам, рабыни обычно оценивались дороже мужчин [77].

Наиболее дорогими рабынями на кавказском черноморском побережье были черкешенки и грузинки. В середине XVIII века М. Пейсонель писал, что «грузины составляют второй класс рабов; женщины их красивы, но толсты и не грациозны. Они не обладают такой деликатностью, какая свойственна черкешенкам» [78]. Французский путешественник де

Монпере заметил, что «черкешенки могут поспорить своей красотой с грузинками, и не знаешь, за кем из них признать первенство» [79].

При этом на невольничьих рынках часто под видом черкешенок продавали именно грузинок. Ж.Ш. де Бесс подметил, что молоденьких грузинок на Константипольских рынках выдавали «обычно за черкешенок» [80]. По замечанию И.Ф. Бларамберга «большинство прекрасных черкешенок, которые появились в Турции, привозились туда из Имеретии и Мингрелии» [81]. Генрих-Юлиус Клапрот в начале XIX века писал, что черкешенки, действительно, «обычно самые красивые на всем Кавказе. Однако, я должен заметить, что повсеместное мнение, как будто бы они являются обитательницами турецких сералей (гаремов), является необоснованным... Большая часть красивых женщин попадает в Турцию из Имеретии и Мингрелии...» [82].

То, что представительниц различных народов Кавказа на невольничьих рынках старались выдать за черкешенок, объясняется стереотипным мнением об их совершенной красоте, распространенным на Востоке. В XIX веке голландец Жан Стрюи повсеместные факты подмены объяснил так: «...Слава об их красоте так хорошо распространилась, что на трапезонтском и константинопольском базарах за черкешенку почти всегда вдвое, иногда втрое больше платят, чем за женщину, красота которой, при первом взгляде, показалась бы нам равною с первой и даже превосходящею» [83].

Показательно, что после того как в 1830-х гг. работорговля в Северо-восточном Причерноморье стала пресекаться российским флотом, цены на женщин внутри Кавказа заметно снизились. Эту особенность подметил английский путешественник Эдмонд Спенсер: «В настоящее время, вследствие ограниченной торговли между жителями Кавказа и их старыми друзьями, турками и персами, цена женщин значительно упала; те родители, у которых полный дом девочек, оплакивают это с таким же отчаянием, как купец грустит об оптовом магазине, полном непроданных товаров. С другой стороны, бедный черкес ободряется этим состоянием дела, так как вместо

того, чтобы отдать весь свой труд в течение многих лет или отказаться от большей части своего крупного и мелкого рогатого скота, он может теперь получить жену на очень легких условиях – ценность прекрасного товара падает от огромной цены сотен коров до двадцати или тридцати» [84].

Впрочем, Н.Ф. Дубровин отметил, что даже в 1830-1840-х годах «вывоз в Турцию женщин производился в таком большом количестве, что некоторые приписывают черкешенкам улучшение турецкой породы. Сцены торговли женщинами ежедневно повторялись на черкесском берегу, несмотря на все старания наших крейсеров прекратить эту торговлю» [85].

В 60-70-е гг. XIX века, когда происходила массовая эмиграция горцев в Османскую империю [86], из-за многократного увеличения количества продаваемых кавказских женщин их цена на невольничьих рынках резко упала. Прибыв на территорию Османской империи, большинство из горцев оказалось в крайне тяжелом положении, что вынуждало их продавать своих детей, жен и сестер [87]. В.М. Покровский отметил: «...Переселение горских народов в Турцию вызвало настоящий ажиотаж по линии гаремных поставок живого товара со стороны турецких купцов. Не удовлетворяясь закупкой девушек и женщин в прибрежных пунктах, турецкие работорговцы проникали в самые отдаленные места, и там выискивали особенно ценный «товар», ведя вместе с тем агитацию за переселение в Турцию» [88]. Стараясь обойти российское законодательство во второй половине XIX веке работорговцы, чтобы придать своей деятельности легальный вид, даже стали доставлять девушек из Черкесии под видом своих жен [89].

Р.А. Фадеев так написал о судьбе переселяющихся в Турцию горцев: «За неимением денег или вещей, – писал он далее, – расплата происходила женщинами и детьми. Для черкешенок это было, впрочем, все равно, потому что в каком бы качестве они ни достигали турецкого берега, их потом все-таки гуртами отправляли на базар» [90].

Г.З. Орбелиани в своем рапорте от 4 мая 1862 года военному министру подчеркивал: «Усилившаяся в настоящее время

продажа в Турции черкесских детей и женщин есть естественное следствие переселения в течение последних двух лет значительных масс кавказских горцев. Те из них, кои возвратились уже на родину, сами рассказывают, что они вынуждены были... распродать детей, жен, чтобы сохранить им и себе жизнь» [91].

Количество продаваемых на Востоке кавказских женщин выросло в 1860-х годах в несколько раз. В эти годы на невольничьих рынках можно было увидеть партии в 40-50 женщин, принадлежащих одному хозяину [92]. По данным, относящимся к середине 1865 года, трапезундский генерал-губернатор Эммин Мухмес-паша отправил в Константинополь своего зятя со 130 черкесскими невольницами, предназначенными для подарков разным влиятельным лицам в столице [93]. В конце 1860-х годов, по сообщению российской прессы, «около Галаты было захвачено судно, наполненное 800 молодых черкешенок, которых отправляли в Александрию. Судохозяин позаботился обо всех необходимых формальностях; у него было teskere (паспорт), где он называл себя членом почтенного esnaf (общество торговцев рабами). Таким образом, на виду у посольств, утверждающих о несуществовании этого торга, константинопольские уполномоченные свидетельствуют документы общества торговцев человеческим мясом, продолжающих свою торговлю менее явно, но в таких же размерах как и прежде» [94].

Несмотря на подобные свидетельства, некоторые современные исследователи считают, что черкешенки были редким товаром на восточных невольничьих рынках, причем даже во второй половине XIX века. Так, С.Х. Хотко пишет, что на самом деле «черкешенки составляли как бы верхушку айсберга: их численность от общего количества невольниц была крайне невелика, 1-2 процента». Для подтверждения своего вывода этот исследователь приводит данные, указанные в монографии Реда Мовафи «Работорговля и попытки ее отмены в Египте и Судане»: из 8092 рабов обоих полов, черных и белых, ввезенных в Египет с августа 1877 г. по ноябрь 1882 г., лишь 76 были черкесскими невольницами [95].

На самом деле, о том, что большой приток горянок на

восточные невольничьи рынки вызвал обвал цен зафиксировано многими очевидцами. Например, в 1870-годах Ф. Канитц писал, что традиционно на невольничьих рынках Востока «цена на женский товар с Кавказа стояла высокой. До 1864 г. прекрасные черкешенки продавались не менее, чем по 50000 пиастров за штуку, что равняется 80000 гульденам; но вследствие сильного наплыва их на рынках и крайней нужды продавцов цена на них понизилась...» [96].

Известно, также, что в декабре 1863 года в Трапезунде местный паша приобрел 8 «самых красивых девушек» по 60-80 руб., чтобы послать их «для подарков» в Константинополь. По сообщению российской прессы, в это время «гаремы наполнились черкешенками от 11 до 14 лет, которые продавались прежде за 400 и 600 франков, теперь же их покупали за четверть и даже восьмую часть этой цены. Стамбул был наполнен ими, остальных же отправляли в Сирию и Египет» [97].

Обычно кавказских пленниц продавали на рынках в Константинополе и Самсуне, Каире и Александрии, а также в странах Африки: Марокко, Тунисе, Судане, Алжире, Ливии, Мавритании, Эфиопии и даже на Мадагаскаре.

Как отметила в 1870-х годах Блэнт Джон Элиа наличие женщин-невольниц в турецких семьях в этот период было традиционной нормой: «Невольничество в Турции в настоящее время ограничивается преимущественно одним только полом. Мужчины-невольники, за исключением евнухов, попадаются довольно редко, хотя от времени до времени суда, нагруженные ими и пробираются контрабандой в тот или другой порт, где они тайком сбывают свой груз. Но невольничество для женщин составляет необходимую принадлежность гаремной системы, существующей в Турции. Состав сераля пополняется, конечно, из невольниц... Невольница... обходится гораздо дешевле, чем свободная женщина. Отцы также обыкновенно дают невольниц своим сыновьям, во избежание расходов, сопряженных с женитьбой. Девушки, при выходе, тоже получают невольниц для служения. Кроме того, невольницы очень ценятся как домашняя прислуга...» [99].

И.К. Айвазовский. Взятие русскими матросами турецкой лодки и освобождение пленных кавказских женщин

В большинстве своем красивые юные кавказские невольницы попадали в гаремы восточных правителей или аристократов. По мнению Н.А. Караулова, «египетские фараоны, турецкие султаны, крымские ханы, персидские шахи и их феодалы старались заполучить в свои гаремы девушек страны «черкас пятигорских», отдавая им предпочтение перед всеми другими» [100]. Б. Дж. Элиа писала, что «гаремлике султана живет от 1000 до 1500 женщин... Это толпа женщин всех званий и возрастов вся без исключений составилась из тех грузов невольниц, которые ежегодно привозятся в Турцию из Кавказа, Грузии, Абиссинии и Аравии, невзирая на то, что торг невольниками запрещен» [101]. Ф. Дубровин также отмечал, что «покупка турецкими сановниками черкешенок была не редкость... Гаремы наполнялись черкешенками...» [102].

Покупателями кавказских рабынь нередко становились знатные мусульманки – воспитание девочек-невольниц с 8-10 летнего возраста среди дам высшего сословия рассматривалось как весьма выгодное финансовое предприятие.

Например, в 1880-х годах А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд пи-

сал, что «Бага-Ханым, жена одного из величайших и наиболее уважаемых государственных людей, Фуада паши, умершего в Ницце в 1869 году, принимала участие в продаже невольниц. Она была изобретательница знаменитой «волшебной рубашки», которая, по ее словам, сообщала надевшей ее черкешенке такую демоническую сверхъестественную прелесть, что покупатель послушно вынимал требуемую сумму, как бы не была она баснословно велика» [103]. Интересно, что из 42 стамбульских торговцев, зафиксированных в период с 1881 по 1884 годы вторым драгоманом британского посольства, 14 были женщинами из высшего общества [104].

По достижении совершеннолетия наиболее красивые девушки продавались, хотя внешне это выглядело как выдача замуж, богачам из разных мусульманских стран, тунисским беям, египетским принцам и мамлюкским эмирам. А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд писал, что, вырастив красивую девочку-невольницу, хозяйка пускала «в ход все рычаги, чтобы поместить ее в законные жены или продать какому-нибудь богачу-любителю... Случай к сближению найти легко, если только его ищешь. Обыкновенно собственница девушки посещает общественные увеселения или ездит с нею в открытом экипаже по самым оживленным улицам Стамбула. Прозрачная вуаль выставленной напоказ девушки нисколько не скрывает ее красоты. Многие из таких продавщиц нажили себе значительное состояние, и у одной из них Атидже-Ханым существовал даже особый лист с обозначением цены. Из него мы узнаем, например, что некая Джемалифа была продана Хамшею Паше за 1000 фунтов стерлингов; Аниферу купил на аукционе один египетский сановник за 750 фунт, стерлин.; Анделиба досталась Рифат паше за 650 фунт.; Афитаба Махмеду паше из Туниса за 600 фунт, стерлингов; Френкису и Дильбер удалось продать за меньшие цены 170 и 190 фунт, стерл... Этот список относится к шестидесятым годам нашего столетия» [105].

В XVIII-XIX веках и некоторые европейцы принимали активное участие в торговле пленницами. По заключению Х.О. Лайпанова, «западные державы... приняли активное

участие в работорговле. Невольники из Турции перевозились на английских и австралийских пароходах» [106]. Английские и французские дворяне нередко покупали на восточных невольничьих рынках экзотических рабынь – например, черкешенок. Помимо сугубо политических и финансовых причин, значительную роль здесь играло распространенное в Европе мнение, выраженное в свое время знаменитой французской путешественницей и вероятно возлюбленной М.Ю. Лермонтова А.Оммер де Гель в ее книге «Путешествие по Прикаспийским степям и Югу России»: «слово «черкешенка» еще имело для меня некоторое очарование, напоминая, что гаремы Константинополя и Малой Азии всегда славились горскими девушками» [107].

На всю Европу в XVIII веке прогремела история черкесской красавицы Аиссе [108]. Она была куплена в 1698 году французским дипломатом графом Шарлем де Ферриолем на стамбульском невольничьем рынке за 1500 ливров [109]. На момент продажи ей было года четыре, и она отзывалась на имя Гаиде; первоначальный владелец ее утверждал, что происходила она из знатного, возможно, даже княжеского рода. Во Франции она была крещена и наречена Шарлоттой-Элизабет, но в свете стала известна под именем Аиссе. Уже с 1711 года черкешенка была вынуждена стать возлюбленной графа де Ферриоля, который так и не предоставил ей свободу. В 1720 году начался ее пожизненный роман с рыцарем Мальтийского

Ф.Г. Вексельберг. Мадемуазель Аиссе

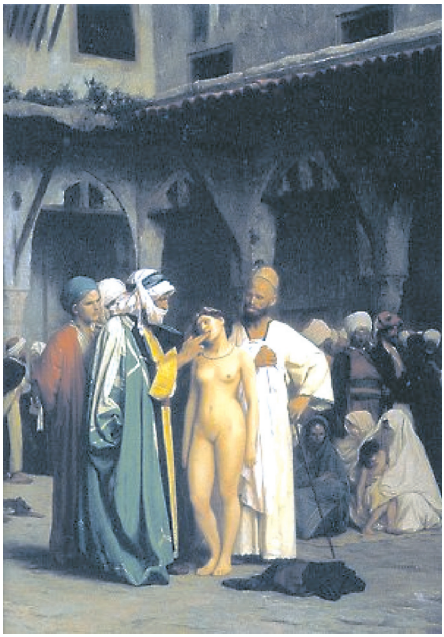
ордена Блезом-Мари д'Эди; в 1721 году у них родилась дочь. В 1733 году Гаиде умерла от чахотки; после ее смерти широкую литературную известность получили ее письма к госпоже Каландрини [110].

В XIX веке контрабандным «пленопродавством» активно занимались не только турки, но и черкесские феодалы, переселившиеся в Турцию в начале 30-х годов [111]. Являясь генералами и сановниками Османской империи они вывозили с территории бывшей родины большое число юных красавиц-горянок, делая на этом состояния. Известно, что в 30-х гг. XIX века представители 370 черкесских семей ежегодно ездили в Черкессию, Абхазию и Мингрелию и вывозили оттуда невольников [112].

Юные красавицы-черкешенки, проданные в Османскую империю, достигая положения кадин [113], валиде-султан [114] либо валиде-эфенди [115] также оказывали протекцию своим соплеменницам, скупая на невольничьих рынках и воспитывая в своих дворцах сотни горянок. Хотя известны случаи, когда не только черкешенки рабского происхождения попадали в сераль, но и лично свободные девушки становились кадинами [116].

Например, в своих воспоминаниях Н. Каменев писал: «В 1864 году, в бытность мою Нижнелабинским приставом, для заблаговременного выбора девушек в гаремы из числа горских семейств, изъявивших готовность переселяться в Турцию, приезжала отжившая одалиска из черкешенок фамилии Устова» [117].

В Стамбуле купленных кавказских девушек их хозяева распределяли по разным домам, где их смотрели покупатели и развозили по гаремам. Как правило, девочек-невольниц обучали шитью одежд, вышиванию золотом. Все красивые рабыни обязательно получали религиозное образование; их учили читать по-арабски с последующим обучением основных положений Корана. Наиболее способные ученицы получали образование и становились секретарями. А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд писал, что обычно «покупательница воспитывает



Жан-Леон Жером. Невольничий рынок

девочку, учит ее игре на фортепиано и иностранным языкам, особенно французскому» [118].

Дж. А. Лонгворт, побывавший на Северо-Западном Кавказе в 1839 году, отметил, что «одной из лучших рекомендаций для черкесской красавицы на константинопольском базаре служит ее искусство домашней хозяйки, которое ценится превыше всего в ее родной стране и которое после приобретения ею внешнего лоска и приятных манер в стиле турецкой «ханум» делает куда более желанным объектом приобретения по сравнению с ленивой и болтливой грузинкой. По прибытии в Константинополь прекрасных черкешенок помещают на два-три года в заведения под наблюдением опытных матрон, во многом напоминающие выпускные классы наших школ. Их воспитание здесь касается манер и этикета, столь строго соблюдаемых в турецком гареме, и довольно часто доходит до обучения чтению и письму, а также изучения арабской и персидской литературы» [119].

Традиционно считается, что кавказские невольницы (особенно черкешенки) достигали в восточных гаремах довольно высокого положения. Это утверждают многие авторы XVIII-XIX веков. Например, в середине XVIII века М. Пейсонель писал: «Черкесские женщины одни только разделяют ложе с турецкими султанами и татарскими князьями» [120]. В середине XIX Осман-бей утверждал: «...Судьба черкешенок гораздо привлекательнее судьбы турчанок. Можно сказать,

что между черкешенками и турчанками даже не существует никакой конкуренции, так как черкешенки делают почти исключительно все самые лучшие партии. Не говоря уже о гареме султана, состоящем исключительно из одних черкешенок...» [121].

Хотя немецкий ученый А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд считал, что не только черкешенки, но и грузинки играли ведущие роли в восточных гаремах: «Грузинки, подобно черкешенкам... играли важную роль на всех рынках турецких невольниц... Грузинки гораздо интеллигентнее черкешенок, властолюбивее и искуснее в интригах, поэтому они не только быстро осваивались с новой участью, но и умели добиваться решительно полной власти в гаремах магометанских вельмож» [122].

По мнению современного исследователя Л.Х. Сабанчиевой, гаремы в Восточных странах являлись одним из каналов невидимого политического влияния женщин. Турецкие султаны, крымские ханы, персидские шахи старались заполучить в свои гаремы девушек страны «Черкасс пятигорских». Являясь, как правило, главными женами они имели большое влияние на мужей [123]. В российской и зарубежной литературе довольно распространенным во второй половине XIX века было мнение о «сильном черкесском влиянии в гаремах, так как все знатные паши имеют у себя самых красивых черкешенок» [124].

Действительно, М.Т. Лорис-Меликов в записке от 3 октября 1858 г. подчеркивал: «Турецкий элемент сильно развит между убыхами; у редкого из них нет сестры либо дочери, проданной в Турцию; многие из этих невольниц сделались женами тамошних сановников...» [125]. М.И. Венюков также подметил что «многие черкесские семейства имели дочерей в константинопольских гаремах» [126]. Это подчеркивал также полковник Краншин в рапорте от 17 (29) января 1863 года из Константинополя: «В больших константинопольских гаремах очень много черкесских женщин, и они считают для себя честью жить в окружении своих родственников» [127].

Известный кавказовед Г.А. Дзидзария приводит в своей

работе следующий рассказ одного паши, являвшегося молочным братом турецкого султана: «Прежде еще, чем я родился на свет, мать моя была выписана с Кавказа; она родила меня в серале за несколько недель до появления на свет его султанского величества. Когда я стал подрастать, щедроты султана относительного моего семейства не ограничились моей матерью и мною, но распространились и на остальных моих родственников; все они были выписаны в Константинополь и осыпаны подарками и почестями» [128]. «Кроме того..., – продолжает Г.А. Дзидзария, – многие абхазские и черкесские феодалы своих дочерей и сестер выдавали замуж за турецких сановников и знатных людей. Так, двоюродная сестра Михаила Шервашидзе Аше-ханум была замужем за пашой Эссадом Мухлисом; сестра садзкого князя Решида Геч (Гечба) была выдана за одного знатного человека в Турции. Любимая жена султана Абд-Уль-Азиза была Черкешенка (из племени шапсугов), которая «много способствовала своим единоплеменникам, и в короткое время дворец наводнился выходцами с Кавказа». Мать (валидэ) султана Абдул Хамида II по происхождению также черкешенка, и все окружающие ее женщины были с Кавказа» [129].

В свете этого не вызывает удивления утверждение Б.Дж. Элиа, о том, что «для ребенка, рожденного в серале, кормилица обыкновенно выписывалась с Кавказа» [130].

Конечно, не все кавказские красавицы достигали властных высот. А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд писал: «Не все черкешенки достигают блестящей цели, о которой мечтают с самой юности. Некоторые, конечно, не только проникают в гаремы высочайших вельмож, но делаются кадинами или «подругами султана». Другие достигают власти и влияния и становятся супругами высокопоставленных турецких сановников. Случается, что подобная невольница несколько раз меняет повелителя, прежде чем достигнет желанного могущества, между тем как другие бесследно теряются в гареме» [131].

Это не удивительно, ведь юные горянки, с детства мечтавшие о сытой богатой жизни в гареме, в полной мере стара-

лись насладиться этими дарами судьбы. Один из авторов начала XIX века отметил, что черкешенки «совершенно стройны, особливо в молодости. Спокойная жизнь, сочная пища и частое употребление теплых бань придают им в последствии дородность, выходящую несколько из пределов соразмерности, но которую турки отменно любят» [132].

После того, как горянка теряла очарование юности, ее удаляли из гарема, чтобы освободить место для новых одалисок. А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд писал, что обычно «устаревшая и нелюбимая черкешенка отдается в супруги близким ко двору особам. Награжденный много терпит от высокомерия этих невыносимых интриганок, которые делаются похожими на демонов» [133].

Таким образом, кавказские женщины в XVIII-XIX веках несомненно являлись одним из основных объектов системы северокавказского пленопродавства. Выросшие в окружении овеянных славой джигитов-набежчиков они потерю собственной свободы нередко воспринимали как волю судьбы, с который было необходимо смириться. При этом возможность попасть в восточный гарем многими из них представлялась как счастливый случай. Горские девушки действительно могли достичь в турецком серале значительных высот и богатства, и это не могло не повлиять на систему ценностей их землячек. Борьба российских властей с контрабандным вывозом пленников с Северного Кавказа воспринималась негативно не только самими работорговцами, но и зачастую даже их кавказскими пленницами. При этом участь женщин, попавших в гаремы на самом Северном Кавказе, была в большинстве случаев печальной.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Витсен Н. Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 89-90.

2. Кемпфер Э. Новейшие государства Казань, Астрахань,

Грузия и многие другие, царю, султану и шаху плативши дань и подвластные... //Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 116.

3. Цитаты по: Иноземцева Е.И., Виноградов Б.В. К вопросу о работорговле в Дагестане в XVII – начале XIX века // Вопросы северокавказской истории. Вып.5. – Армавир, 2000. – С. 46.

4. Государственный Архив Республики Дагестан, ф.379, оп.1, д.3592, л.40.

5. Калым также мог выплачиваться оружием или скотом, а с конца XVIII века – под воздействием торговых отношений с Россией - деньгами.

6. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Книга 1. (СПб, 1871-1888). // Н.Ф. Дубровин о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2002. – С. 186.

7. Ферран «Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар» // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 112.

8. Дубровин Н.Ф. История войны.... – С. 186.

9. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2000. (Репр. воспр.: М., 1864.) – С. 162.

10. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик, 1999. (Репр. воспр. Москва, 1823.) – С.49.

11. Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн.1. – Тифлис, 1852. – С.21.

12. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию /Перевод Н. Нефляшевой. – Майкоп, 1994. – С.98.

13. Венуолис А.-Ж. Кавказские легенды. По мотивам кабардинских преданий. Скала кровной мести. – Гос. издательство худ. лит-ры Литовской ССР, 1955. – С. 33.

14. Цитата по: Блиев М.М. Кавказская война / М.М. Блиев, В.В. Дегоев – М., 1994. – С.140-141.

15. Мирзоев А.С. Наездничество как традиционный

адыгский общественный институт //этнографическое обозрение. – 2002. – №1. – С.105.

16. Люлье Л.Я. Черкессия: историко-этнографические статьи. – Северо-кавказский филиал традицйионной культуры МЦТК «Возрождение», 1990. – С.45.

17. По словам Н.Ф. Дубровина, девочки-невольницы у горцев «приобретались покупкой преимущественно детей рабов или захваченных в плен». (Дубровин Н.Ф. История войны... – С. 186.)

18. Де Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1. / Перевод В.М. Аталикова // Серия «КЛИО». Раздел «История». Выпуск 7. Том 1. – Нальчик, 2002. – С.150-151.

19. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера...

20. См. например: Де Мариньи Т. Путешествие по Черкесии /Перевод В.М. Аталикова // Серия «КЛИО». Раздел «История». Выпуск 7. Том 1. – Нальчик, 2002. – С.52.

21. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию... – С. 101.

22. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера... – С.84.

23. Де ла Мотрэ А. Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку... // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 134.

24. Там же. – С. 144.

25. Де Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1. /Перевод В.М. Аталикова // Серия «КЛИО». Раздел «История». Выпуск 7. Том 1. – Нальчик, 2002. – С.150.

26. Вагнер М. Кавказ и земля казахов в годы с 1843 по 1846 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С.629-631.

27. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С.531-584.

28. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера... – С.179.

29. Там же.

30. Дубровин Н.Ф. История войны... – С. 142-143.

31. Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. Женщина. Ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара /Пер. с нем.. – СПб, 1885. – С.35.

32. Вагнер М. Кавказ и земля казахов... – С.629-631.

33. Де Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1. / Перевод В.М.Аталикова // Серия «КЛИО». Раздел «История». Выпуск 7. Том 1. – Нальчик, 2002. – С.150.

34. Дубровин Н.Ф. История войны... – С. 142-143.

35. Цитата по: Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. – Майкоп, 1992. – С.71.

36. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографпческое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С.353-434.

37. Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. – СПб, 2001. – С. 245.

38. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С.531-584.

39. Цитата из С.А. Гунаропуло (1902 год) по: Виноградов Б.В., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып.6. Ч.1. – Армавир, 2001. – С.49.; Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа./ Под ред. проф. В.А.Казначеева. – Пятигорск, 2004.

40. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию... – С.98.

41. Немирович-Данченко В. Рыцари гор (Исторический роман из Кавказской войны). – М., 1911.

42. Цитаты по: Иноземцева Е.И., Виноградов Б.В. К вопросу о работорговле в Дагестане в XVII – начале XIX века // Вопросы северокавказской истории. Вып.5. – Армавир, 2000. – С. 46.

43. Кавказцы, или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып.7-8. – СПб, 1857. – С.19.

44. ЦГАРД. Ф.120. Оп.2. Д.71а. Л.1.

45. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов ... – С.531-584.

46. Дубровин Н.Ф. История войны... – С.174.

47. Гаджи-Магома-Дебиров. Сословия и брак у кумыкцев // СМОМПК. Вып.4. Отдел 2. – Тифлис, 1884. – С.31.

48. Марзоев И.Т. Система взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII – нач. XX вв.) // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания. – 2007. – № 1(40). – С. 62.

49. Там же.

50. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. – Перепеч. с изд. 1882 года с испр. – СПб., 2009. – С. 252-253.

51. Дегоев В. Мирянин. Имам Шамиль по ту сторону войны и политики // Дружба народов. – 1999. – № 4.

52. Якунин И.Н. Поездка к Шамилю в Калугу в 1860 году // Встречи и воспоминания. Из литературного и военного мира. – СПб., 1903. – С. 68-70.

53. Казиев Ш. Имам Шамиль. – М., 2001.

54. Анучин Д.Г. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской Линии // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Ч.2. – Нальчик, 2001. – С. 256.

55. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). – Пятигорск, 2006. – С.40.

56. Иноземцева Е.И., Виноградов Б.В. К вопросу о работорговле в Дагестане... – С.38.

57. Виноградов В.Б., Гусева Н.А. «И с боя взятыми рабами суда в Анапе нагружать» (к изучению горской парадигмы работорговли») // Археология, этнография и краеведение Кубани. – Армавир; Краснодар, 2001. – С.33-34; Саркисян Е.И. Тема «кавказских пленников» в творчестве А.С.Пушкина // Археология, этнография и краеведение Кубани. – Армавир; Краснодар, 2001. – С.30-31.

58. Чуприна Е.А. Когда Таманью владели турки... (Краеведческие очерки). – Армавир, 1997. – С.13.

59. Вагнер М. Кавказ и земля казахов... – С.629-631.

60. Фонвиль А. Последний год войны Черкессии за независимость 1863-1864 гг. Из записок участника-иностранца. – Краснодар: Общество изучения автономной области и адыгейского историко-этнографического музея, 1927. С. 27-28.

61. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 605. Л. 1-3.

62. Вагнер М. Кавказ и земля казахов... – С.629-631.

63. Цитата по: Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). – Пятигорск, 2006. – С.40.

64. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера... – С.180.

65. Вагнер М. Кавказ и земля казахов... – С.629-631.

66. Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа / Под ред. проф. В.А.Казначеева. – Пятигорск, 2004. – С.54.

67. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера... – С.37-38.

68. Вагнер М. Кавказ и земля казахов... – С.629-631.

69. Де ла Мотрэ А. Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку... – С. 144.

70. Выделено нами.

71. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера... – С.180.

72. ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.1193 Л.93.

73. Покоренный Кавказ. (Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа) / Издание А.А. Каспари. – СПб, 1904. – С.127.

74. Цит. по: Чуприна Е.А. Указ. соч. – С.13.

75. Гербер И.Г. Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою кура, народых и землях и об их состоянии в 1728 году // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С.151-155.

76. Кох К. Путешествие по России и в Кавказские зем-

ли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С.585-628.

77. ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.3592. Л.40.

78. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу черного моря в 1750-1762 годах // В изложении Е.Д. Фелицина. – Краснодар, 1927. – С. 12.

79. Де Монпере Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа... – С.147.

80. Де Бесс Ж.-Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 329-352.

81. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографпческое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С.353-434.

82. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчк, 1974. – С. 235-280.

83. Цитата по: Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка... – С.80.

84. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию... – С.99.

85. Дубровин Н.Ф. История войны... – С. 142-143.

86. Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. – Ставрополь, 2000.

87. См., например: РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 406, Л. 1-16.

88. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII–пер. пол. XIX в. – Краснодар, 1989. С. 300.

89. Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. – СПб, 2001. – С.248.

90. Фадеев Р. А. Письма с Кавказа / Собр.соч. Т. I. Ч. I. – Спб., 1890. – С. 203.

91. Цитата по: Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка... – С.207.

92. Там же.

93. Там же. – С.207.

94. Черкесы в Турции //Всемирный путешественник. – 1871. – № 9-10. – С.48.

95. Хотко С.Х. Очерки истории черкесов... – С. 247.

96. Канитц Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. – СПб, 1876. – С.362.

97. Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка... – С.207.

98. Черкесы в Турции // Всемирный путешественник... – С.48.

99. Элиа Б.Дж. Народы Турции. Двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян. Дочери и жены консула. Т.1-2. – СПб, 1879. – С.86-87.

100. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып.38. – Тифлис, 1908. – С.54-55.

101. Элиа Б.Дж. Народы Турции... – С.165.

102. Дубровин Н.Ф. История войны... – С. 142-143.

103. Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. Женщина... – С. 239.

104. Там же. – С.36.

105. Там же.

106. Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Вып. 5. Серия история. 1966. – С. 126-127.

107. Цитата по: Соснина Е. Кавказ: женский взгляд, взгляд на женщину. – Ессентуки, 2007.

108. Именно под этим французским именем она получит позже известность.

109. Хотко С.Х. Очерки истории черкесов... – С.244.

110. Заборов П.Р. Мадемуазель Аиссе и ее письма // Аиссе. Письма к госпоже Каландрини. – Л., 1985. – С.161-190.

111. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). – Пятигорск, 2006. – С.40.

112. Хотко С.Х. Очерки истории черкесов... – С.238.

113. Старшая жена – мать наследника престола, управительница султанского гарема.

114. Мать правителя Османской империи, обладала значительной государственной властью.

115. Мать хедива – правителя Египта.

116. Хотко С.Х. Очерки истории черкесов... – С. 244.

117. Цит. по: Покровский М.В. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Западном Кавказе после окончания Крымской войны. Отдельный оттиск из альманаха «Кубань», № 13. - Краснодар, 1954. - С. 234.

118. Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. Женщина... – С.36.

119. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов... – С.531-584.

120. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу черного моря в 1750-1762 годах // В изложении Е.Д. Фелицина. – Краснодар, 1927. – С. 12.

121. Осман-бей. Невольничество и гарем // Отечественные записки. – Т.212. – СПб, 1874. – С.362.

122. Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. Женщина... – С.19.

123. Сабанчиева Л.Х. Гендерные отношения в традиционной культуре кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е годы XIX века): Автореферат дис. канд. истор. наук. – Нальчик, 2003. – С.13.

124. Русский Архив. – 1880. – Кн.1. – С.388.

125. Акты собранные Кавказской археографической комиссиею. Т. XII, Ч. 2. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1893. – С. 796.

126. Венюков М.И. Кавказские воспоминания 1862-1863 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. – СПб., 2000. – С. 631.

127. Цитата по: Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка... – С.205.

128. Цит. по: Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – 2-е изд., допол. – Сухуми, 1982. - С. 96.

129. Там же.

130. Элиа Б.Дж. Народы Турции... – С.175.

131. Швейгер-Лерхенфельд А.Ф. Женщина... – С.223-224.

132. Там же. – С.36.

133. Там же. – С.224.

ТОРГОВЛЯ РОССИЙСКИМИ ЖЕНЩИНАМИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII-XIX ВЕКАХ

Одной из главных целей горских набегов на российскую территорию был захват пленных, и в первую очередь молодых женщин. Недаром, в одной кабардинской легенде говорилось: «Тот не джигит, кто после ночного похода не пригонит в горы пленного гяура с петлей на шее, или не приведет в свой гарем круглолицей калмычки или большеглазой высокогрудой уруски. Таких презирал не только родной аул, от них всюду отворачивались и горные красавицы» [1].

Как показывает анализ количества пострадавших от агрессии закубанцев женщин на территории Кубани с конца XVIII до середины XIX века, подавляющее большинство из них становились пленницами:

94% – от общего числа пострадавших женщин и девочек – взято в плен;

5% – убито и смертельно ранено,

1% – легко ранено при попытке захватить в плен [2].

Возраст «кавказских пленниц» колебался от маленьких девочек до вполне взрослых женщин. Например, в августе 1806 г. горцы попытались похитить в Величковском селении 3-летнюю дочь казака Филипа Роменского и четыре штуки рогатого скота. За нападавшими поскакал отряд казаков, увидев который, горцы кинули добычу и скрылись [3]. Закубанцы редко брали детей младше 3 лет, так как за ними нужен был особый уход, и престарелых женщин, так как они не имели покупательской стоимости.

На частоту и массовость горских набегов влияла в первую очередь сезонность [4]. «Самая большая деятельность кипит на линии зимою, когда Кубань покроется льдом и даст возможность неприятелю нападать в больших силах, – отмечалось в одной из столичных публикаций за 1858 г. – Весною же, когда реки очистятся от льда и широкими разливами затопит низменности, нашествия больших открытых партий делаются невозможными; но однако, не препятствует прорывам мелких

хищнических партий» [5]. Каждую зиму выходили специальные указы и предписания Черноморской Войсковой канцелярии о необходимости укрепления кордонов в виду участившихся набегов черкесов в связи с покрытием льдом Кубани [6]. Но как показывает анализ количества нападений горцев на женщин-казачек в исследуемый период с точки зрения захвата пленниц наиболее опасной была осень:

осень – 45,5% случаев,
зима – 25,5%,
весна – 18%,
лето – 11% [7].

Именно осенью горцы собирались в большие партии, так как большая часть боеспособных мужчин освобождалась от сельскохозяйственных работ, и совершали массовые нападения [8]. Так, в октябре 1831 г. при нападении закубанцев на ст. Григорополисскую 1 женщина была убита, 4 – ранено, 103 попало в плен [9]. А в ноябре 1842 г. горцы захватили 87 женщин и детей в ст. Темнолесской [10]. Весной в связи с апрельским таяньем льдов большинство происшествий приходилось на март и май. Например, именно в мае в 1807 году закубанцы под предводительством Султан-Гирея взяли в плен 136 душ мужского и 179 женского в ст. Воровсколесской [11]. Летом наибольшая часть набегов приходилась на первую половину июня и вторую половину августа, что вполне объясняется разливами Кубани во второй половине июня. Летом нападений было мало еще и по той причине, что в этот период закубанцы с равнины уходили в горы.

Нападения на женщин совершались на территории станиц во время хозяйственных работ на околостаничных участках и во время поездок в другие населенные пункты. Как показывает анализ, в первой половине XIX в. на Кубани преобладающая часть женщин попадала в плен при нападении горцев именно на станицы:

84% – в станицах;

10% – вне населенных пунктов, например, во время работы в поле, на огороде, на речке или на дороге;

6% – при разграблении хуторов [12].

Горцы в основном нападали ночью – «с полуночи до зари» [13], особенно если целью являлась крупная станица. Казаки, занятые обороной, не могли в достаточной мере уследить за всеми передвижениями горцев и предотвратить захват пленниц. В 1804 г. большая партия закубанцев «сполночи часу в 4-м» (выделено нами – А.Ц.) переправилась через Кубань и разделилась на две части: одна сдерживала натиск 70 казаков, оборонявших екатеринодарский пригород, другая грабила дома. До того как подошла помощь, горцы «похитили бывшего в болезни жителя Степана Белоуса с женою Марией и малолетней дочерью их Натальею с избы для спасения себя вышедших...» [14].

Проводниками и укрывателями закубанских абреков зачастую становились так называемые «мирные горцы», аулы которых часто находились рядом со станицами. В мае 1825 года к ст. Воровсколесской подъехали под видом мирных трое закубанцев и неожиданно напали на детей, игравших в ста саженях от станицы. Захватив семилетнюю дочь казака Григория Дьякова и шестилетнюю дочь казака Федора Минаева, они ускакали. По тревоге караульного Василия Очакова отряд казаков бросился за ними вдогонку. В результате схватки была отбита дочь казака Дьякова. Другая же девочка так и осталась в руках горцев [15]. В октябре 1836 года горцы под видом мирных подъехали к станице и захватили мальчиков Сидельникова и Литвинова и двух казачек [16]. В сентябре 1843 году на дороге к ст. Кавказской 4-мя горцами была захвачена казачка ст. Кавказской Елена Пономарева, а бывший с ней канонир Гаврила Журавлев был зарублен шашками и кинжалами. Утром команда казаков по следам горцев вышла к мирному аулу узденя Аслан Гирея Тлемпееева, где были обнаружены следы нападавших, но сам уздень в происшествии не признался и следствию помешал. В последствии Аслан Гирей и брат его Батыж Тлемпеевы со своими семействами бежали к непокорным горцам [17]. Подобные случаи, когда всем понятна вина горцев, но она недоказуема, провоцировали казаков на самовольные расправы, что только усугубляло военную обстановку в регионе.

Эдуард Амбах. Черкесы или Джантемир сын барда

Кроме того известны исключительные случаи, когда нечистые на руку российские военные сами продавали горцам русских женщин, используя традиционную кавказскую систему пленопродавства в своих финансовых интересах. Так, в 1855 году двумя казаками станицы Урупской была продана в горы казачка этой станицы Марья Зеленская. Женщина пробыла в плену 12 лет и только после окончания военных действий на Северном Кавказе смогла вернуться в родную станицу. Вот как сама она рассказывает об обстоятельствах похищения: «Во время военных действий с непокорными горцами, муж мой Панкрат Зеленский из станицы Урупской был выслан в числе с прочими казаками в ст. Лабинскую для занятия караула. Я же оставаясь без него одна, терпела от его родных разные притеснения, особенно от свекра, который подбивался ко мне, чтобы я с ним жила, на что я не согласилась. И во избежание всякой от него неприятности решилась уйти из ст. Урупской в Лабинскую к мужу и там на притеснения свекра ему пожаловаться... Нашелся казак с предложением доставить меня в Лабинскую, на что я охотно согласилась, воображая то, что меня дорогой с ним никто не обидит... Он вывез меня из станицы на огороды, где встретился с другим казаком, стал говорить шепотом, после чего выдали меня прямо в руки недалеко от нас находившихся горцев» [18]. Как показывают материалы дела, преступные казаки получили за женщину желтую черкеску, пистолет и шаровары.

В целом безопасность женского населения (при частом

отсутствии преобладающего количества мужчин) напрямую зависела от степени укрепленности новых станиц. Характер укреплений, которыми обеспечивались черноморские и линейные станицы, в целом схож, но сама система их расположения и защиты была различной. Связано это в первую очередь с разницей в ландшафте Черноморской и Кубанской кордонных Линий. В среднем русле Кубань была узкой, с обрывистыми берегами, бурной, но при этом на бродах легко и быстро переходимой. Для Черномории же характерны обширные болота, лиманы, плавни, почему лишь три из 40 куреней вплотную примыкали к военной границе и три находились в недалеком от нее расстоянии, большинство же из них были расположены в глубине края. На Кубанской Линии все станицы возникли на месте бывших укреплений и редутов, вдоль Кубани и в ближайших к ней стратегических пунктах. Таким образом линейные станицы были более приспособлены к постоянной защите, чем черноморские курени, но при этом население Старой Линии несло больше потерь, т.к. расстояние от реки до станиц было небольшим [19]. Эти различия нашли отражение в режимных особенностях жизни станичного населения, они же придавали особую специфику хозяйственным обязанностям женщин.

Планировка станиц максимально соответствовала военным условиям жизни и отвечала главной цели – защите гражданского населения (в первую очередь женщин и детей) от горской агрессии. Прикубанские станицы были выстроены почти по одному образцу [20]. Все они в основании имели правильный прямоугольник. Вокруг был вырыт оборонительный ров и насыпан вал, с установленным на нем двойным плетнем с земляной засыпкой для защиты от пуль [21]. Его внутренние стороны были так низки, что закрывали человека только по пояс, а в наружном плетне проделаны бойницы для ружей [22]. Нередко плетень накрывался сверху колючим кустарником. В редких случаях вместо плетня ставили частокол, но это было слишком дорого и трудоемко [23]. В некоторых станицах были пушки, которые устанавливались по углам оборонительной ограды (на барбетах, особых насыпях из земли).

В силу отсутствия качественных оборонительных сооружений наиболее беззащитными даже перед мелкими партиями горцев оказывались жительницы хуторских хозяйств [24]. А.П. Ермолов, возглавлявший кавказские войска в 1816-1826 гг., полагал, что хутора являются одними из основных объектов набегов горцев [25]. Поэтому войсковое начальство старалось препятствовать выделению жителей из станиц в самостоятельные хозяйства, так как имеющимися на кордонах силами не было возможности защищать индивидуальные поселения. Хуторяне должны были большей частью сами обеспечивать себя защитой [26]. Именно поэтому на Старой Линии, где нападения горцев были преимущественно внезапными (из-за узкого русла Кубани и близости расположения к ней станиц), хуторов было меньше, чем в Черномории [27]. Если в 20-е годы XIX в. при черноморских куренных селениях числилось 525 хуторов [28], то к 1859 г. их число выросло до 3,2 тыс. [29]. При этом линейцы Кубани даже к началу 1850-х гг. имели всего 127 хуторов [30]. А на Лабинской Линии их практически не было вообще [31].

Ф.А. Рубо. Черкесы, переходящие через реку

В силу всех этих условий нападения на хутора не приводили к массовым жертвам среди женщин-казачек, но происходили намного чаще, чем грабежи станиц. В марте 1807 г. при разграблении закубанцами Курчанских хуторов была убита вместе с мужем казачка х. Петровского Варвара Шанька, а на х. Дядьковском захвачена девочка Мария Рыжак [32]. Зимой 1810 г., не рискнув начать атаку на готовый к нападению Ивановский курень, горцы повернули назад. По пути к Кубани они разграбили хутор ивановского казака Федора Головка. Он, его жена и шурин были захвачены в плен. С ними горцы увели жену отставного гусара с двумя малолетними сыновьями и дочерью. Когда подошли к переправе через Кубань жена Головка попыталась бежать, за что была зарублена саблями. Остальные же шесть пленников были уведены за реку [33]. Осенью того же года в результате нескольких нападений горцев на Новонижестеблиевские хутора были убиты казачьи жены Дарья Белая и Зиновия Даниленко; Анна Титаренко вместе с мужем и четырьмя детьми захвачена в плен [34]. Зимой 1812 г. при разграблении хутора Ивановского куреня была захвачена в плен казачка Наталья Житная, а летом того же года на одном из хуторов Полтавского куреня была пленена вместе с малолетним сыном Дарья Завальная (муж и пасынок во время обороны были убиты) [35]. Зимой 1820 г. в результате нападения горцев на хутора в дистанции Новоекатериновского кордона попали в плен казачки: Елизавета Чухрай с 13-летней дочерью Анной (х. Джерлиевский), Татьяна Ворона с дочерьми трех и одного года Матреной и Ульяной (х. Минской), Марина Галушка с 5-летней дочерью Еленой (х. Переяславский), Анна Твардовская с 4-летней дочерью Галиной (х. Кущевской), 7-летняя девочка Марья Рожай (х. Щербиновский) [36]. Осенью 1822 г. на одном из хуторов ст. Григорополисской были захвачены горцами жена казака Гаврилы Максимовича и 6-летняя дочь казака Бомбардина [37]. Зимой 1832 г. при разграблении одного из хуторов в Таманском округе попала в плен вдова казака Сношевская (вместе с работавшими на нее людьми) [38]. Летом 1839 г. в результате нападения горцев на

х. Васюринский была похищена 12-летняя дочь есаула Дарья Животовская [39].

Таким образом, наиболее массовые похищения женщин совершались горцами осенью при грабеже российских станиц и хуторов. Это послужило причиной ужесточения регламента жизни в населенных пунктах и появления административного запрета селиться на хуторах. Впрочем, последнее требование часто нарушалось самими жителями.

Согласно регламенту ворота станицы должны были открываться только около девяти утра, после того, как вернется разъезд, осматривавший прилегающую местность на предмет горских засад. Скот жителей и порционный из крепости соединялся в одно стадо и караулился цепью солдат и казаков поочередно [40]. Работающие в поле женщины и подростки охранялись вооруженными командами. Если в поле выходили мужчины, то они обязаны были иметь при себе оружие. Нередко были вооружены и женщины (не имевшие ружей в критических ситуациях применяли для самообороны косы и вилы). При этом казачки находились в более безопасном положении, чем поселенные в регионе крестьянки. На селения горцы нападали чаще и охотнее, так как знали, что там мало вооруженных людей [41]. Если казачки могли брать с собой в поле или на водоем оружие (в том числе и огнестрельное), то селянам, даже мужчинам, такое право было не дано [42]. Это послужило одной из причин того, что в 1809 г. в селении Каменнобродском горцы вырезали около 400 женщин, детей и стариков [43].

Полевые работы и выпас скота заканчивался за час до захода солнца. Возвращение людей и скота в станицу проходило под особым прикрытием из казаков или регулярных войск. В туманную погоду за пределами станицы работы вообще не велись. Если поступало сообщение об ожидаемом нападении горцев, по всему участку кордонной линии усиливались меры безопасности, возрастало число сторожевых разъездов, а жители из станиц не выпускались [44]. Вечером после третьего удара колокола или после сигнала трубы все четверо станич-

ных ворот запирались, к ним приставлялись рогатки. Концы улиц баррикадировались возами. Караульные не имели права никого впускать и выпускать из станицы [45]. Войсковое начальство требовало от станичных жительниц полного подчинения режиму, т.к. только этим могла быть гарантирована их безопасность [46]. Кто опаздывал или самовольно оставался ночевать в степи, наказывались батогами или штрафом [47].

Когда казачье население увеличилось и полки усилились, войсковое начальство разрешило ночевать в поле большими группами – не менее 50 человек [48]. Из телег и воловьих возов строили по кругу баррикады, внутрь которых загонялся также скот, и посменно несли охрану. На Линиях ночлег в поле одиночкам запрещался вплоть до окончания военных действий, и нарушители этого правила подвергались телесным наказаниям. В Черномории, где большая часть станиц находилась далеко от Кубани и где было большое количество хуторов, жители часто ездили по делам в одиночку, хотя войсковое начальство рекомендовало казакам ездить группами. Индивидуальные поездки часто заканчивались трагически, так как военные были не в состоянии защитить таких путников. Например, в 1837 г. в 12 верстах от Екатеринодара горцами была взята в плен казачья жена Зиновия Чубова (была выкуплена в январе 1838 г.), а по дороге к Ольгинскому посту были похищены ехавшие на пароволовой подводе Аксинья Петренкова со свекровью Евдокией (первая выкуплена в марте 1858 г.) из куреня Поповичевского [49]. Хотя иногда исход нападения зависел от стечения обстоятельств и смелости женщины. Так, казачка ст. Пашковской, возвращавшаяся на повозке домой, застрелила из ружья горца, пытавшегося захватить ее «вместе с волами». Привезя черкеса в станицу, она получила за свою отвагу военный орден [50].

В целях повышения эффективности охраны жителей, работавших в полях, военное начальство требовало, чтобы пашни и сенокосы у казаков были по возможности смежные, в одном определенном месте [51]. В результате казачки работали бок о бок с соседками, а в случае опасности оборонялись

вместе. Для спасения женщин заранее продумывались пути отхода, например, густо поросшая балка или лесок. Хотя и эти меры не всегда помогали. В 1828 г. семью горцами были захвачены две девочки, работавшие в поле около ст. Темнолесской. Казачки были отбиты солдатами Тенгинского пехотного полка, которые несли службу в Темнолесской крепости [52]. В 1837 г. около ст. Марьянской во время работы в поле была захвачена в плен Феодосья Логвинова вместе с племянницей Авдотьей 11 лет и работником. Только в 1843 г. казачка вернулась в станицу в результате удачного побега [53].

Оборону земледельцев осложняло то обстоятельство, что многим женщинам приходилось брать с собой в поле грудных и малолетних детей, т.к. преобладание в первые десятилетия малых семей не давало возможности оставлять детей дома на пожилых женщин. К середине века (особенно в линейных семьях) ситуация изменилась: в поле стали брать только грудных детей, чтобы не прерывать лактацию, и детей старше 6 лет, которые могли уже оказать определенную помощь в полевых работах. Детей 1-6 лет оставляли дома под присмотром старших женщин семьи [54].

До окончания т.н. Кавказской войны косили и хлеб, и сено преимущественно женщины. Поэтому были случаи нападения на казачек не только в поле, но и в степи, куда они ездили за сеном [55]. Так, в 1858 г. в числе других жителей ст. Владимирской, группа которых поехала в степь за сеном, была убита София Долгачева [56]. В 1863 г. в степи около ст. Крымской была убита Домникия Феськова [57].

Иногда женщины ездили в степь за естественными красителями для одежды. Например, на Кубани красили готовую одежду настоем корня морены, специально выкапываемым для этих целей. В условиях военного противостояния с горцами выезд за этим растением в степь мог послужить причиной пленения. Например, в начале осени 1831 г. партия из 40 всадников взяла в плен 20 девушек из с. Рождественского [58], поехавших в степь «для рытья марены». Спустя 6 лет одна из них, Ульяна Филонова, находившаяся на различных работах в

аулах бесленеевцев, была привезена в Прочный Окоп и обменена на дочь абадзеха [59].

Помимо работ в поле женщины должны были вне дома обрабатывать огороды. Их усилиями выращивалось большое количество овощей, хотя, как отмечают очевидцы, «посредственных качеств». Нормальной обработке огородов мешали не только малоэффективные способы удобрения и борьбы с насекомыми, но и нападения горцев. Даже просто поездка на огород могла закончиться трагически. Осенью 1843 г. около ст. Кавказской была захвачена четырьмя горцами Елена Пономарева, возвращавшаяся вечером на телеге с тыквенной бахчи [60].

Разводили казачки и фруктовые сады [61], но последние не везде удавались [62]. В трудных военных условиях исследуемого периода сады выполняли не только продовольственную, но и защитную функцию – в них пытались спрятаться женщины и дети во время нападения на станицы. Это было особенно эффективно, если о готовящемся нападении было известно заранее и происходило оно ночью. Горцы знали о том, что в садах могут прятаться женщины, и поэтому, если позволяло время, обыскивали их. Так, в 1824 г. при нападении на с. Марьевское [63] «бабы... похватали своих ребят и забились в густой тутовый сад», но черкесы после разграбления селения их нашли и захватили в плен [64]. Часто для «схорона» женщинами использовались и густые прибрежные камыши [65]. В некоторых станицах войсковое начальство в ожидании крупной партии горцев предписывало женщинам «скрыться в степях и лесах» вместе со своим имуществом [66].

Одной из самых опасных обязанностей женщин были походы за водой. Даже несмотря на усиленный караул, они нередко заканчивались трагически, особенно на Кубанской линии, где русло было узким и легко простреливаемым с противоположного берега [67]. Для предотвращения несчастных случаев среди женщин в ряде станиц (Кавказской, Усть-Лабинской и др.) были сделаны специальные крытые траншеи, подходящие к самой Кубани [68]. Но даже при наличии таких

мер (траншея обязательно охранялась караулом казаков) ходить по воду можно было только ночью, днем было слишком опасно [69]. Кроме того, на территории, занимаемой Кубанским полком, преобладали безводные земли или с источниками, не пригодными к питью, поэтому казачкам приходилось ездить на реку за 20 верст и далее [70]. В таких станицах, как сообщает информатор А.Н. Гуменная, «за водой ездили так: бочки складывали на повозку и под охраной вооруженных казаков шли к Кубани» [71].

В условиях реальной военной опасности мужское казачье население практически не могло быть задействовано в хозяйственном самообеспечении своих семей, поэтому женщины занимались не только полевыми работами, но и ходили за дровами. И это при том, что с 1794 по 1803 г. черноморцам, например, приходилось снабжать топливом квартировавшиеся в Черномории войска [72]. В первые годы существования станиц эти мероприятия были опасны не только сами по себе, но и в силу неприспособленности бывших мирных жительниц к пограничным условиям Кубани. Показательным является случай с казачкой Марины Крутофоловой (1795 г.), муж которой был в походе в Польше и ей самой пришлось идти за дровами в лес. Занимаясь вырубкой, она «пришла к самому берегу реки Кубани. Где едущие тою стороною черкесы, выпалив один по ней с ружья ранил в правую по выше косточки ногу так что пуля насквозь не прошла. Которая женщина хотя и представляема была содержащим пограничную стражу полковником армии капитаном Гелдышем к находящемуся в сем войске штаб-лекарю Барвенскому для вынятия пули и излечения... раны. Но он не известно почему того сделать не захотел и от того помянутой женщине зделалась нога распухлою, тем что дошел опух до самой внутренности» и через 5 дней она умерла [73].

Согласно заключению д.мед.н., профессора, заслуженного врача РФ, зав.кафедрой госпитальной хирургии Андрея Дмитриевича Никольского, «по тому времени врач, осматривавший рану, допустил грубейшую врачебную ошибку по всем

показаниям». «Штаб-лекарь Барвенский обязан был попытаться вынуть пулю, тем более, что она кость не задела. Такое поведение врача предосудительно. От пули, оставшейся в тканях ноги, началась газовая гангрена, излечение от которой по тем временам могло быть только посредством ампутации конечности, сделанной вовремя.» [74] Таким образом невнимание лекаря объяснялось не только большой загруженностью ранеными казаками-мужчинами (из-за чего ранение женщины воспринимается как наказание за ее глупость и не считается серьезным), тяжелой военной обстановкой, отсутствием лекарств и инструментов, но и общим низким профессиональным уровнем врачей [75]. Только в 1832 г. для предупреждения большой смертности среди населения вышел Указ Госсовета об учреждении в Черноморском войске Врачебной управы и оспенных комитетов.

Вплоть до окончания т.н. Кавказской войны поход казачек за дровами мог закончиться трагически. Горцы зачастую устраивали засады в местах возможного появления женщин. Так, летом 1803 г. в дистанции Ольгинского кордона горцами была захвачена в плен девица Татьяна Седельник, которая вместе с отцом везла из леса дрова (отца ранили в затылок саблей). Через три месяца она вернулась домой по обмену [76]. В сентябре 1834 г. в Воробьевском лесу была пленена казачка ст. Каменнобродской Марфа Бунина с двумя малолетними сыновьями, собиравшая там хворост [77]. Летом 1862 г. в лесу близ ст. Прочноокопской была убита горцами жительница этой станицы Феодосья Лагунова [78].

В целях защиты женщин и детей от горцев во время нападения последних на станицы военным командованием были разработаны специальные правила по обороне. Так, «при нападении неприятеля на станицу обороняющие оную казаки должны удержать его на валу и у блокгаузов по крайней мере столько времени, что женщины с детьми успеют скрыться в укрепление, находящееся в средине станицы» [79]. Обычно в роли такого «укрепления» выступала каменная станичная церковь, окна которой напоминали бойницы, а двери были

крепкими и высокими, как ворота. В 1826 г. на имя генерала А.П. Ермолова поступает доклад о средствах охраны Кубанской Линии с предложением «на площадях станиц выстроить в квадрат стены из... кирпича с бойницами, а против каждой улицы сделать так же амбразуры, кои вооружить пушками» [80]. В этой цитадели во время нападения горцев должны были укрыться женщины с детьми. Сюда же должны были отступить и казаки в случае прорыва закубанцев на территорию станицы. Эта идея не была воплощена в жизнь, так как требовалось слишком много сил и средств для постройки цитаделей, роль которых уже и так играли каменные станичные церкви.

Помимо различных военно-административных средств обеспечить спасение женщины в момент нападения горцев могла ее личная отвага или смекалка. В этом плане показателен случай с девицей из ст. Константиновской Лопатиной. Как рассказал информатор, «Лопатина была очень красивая, род их был богатый, то есть выкуп можно было хороший получить. Она уже девкой была, лет наверное шестнадцати... Увидела, значит, что они (горцы – А.Ц.) пробираются. А казаки в поле уехали... И она закрыла дверь на засов, а сама на потолок влезла, разгребла солому – крыша-то соломенная – платок белый высунула и начала махать. Казаки увидели, что что-то не то, раз машет... платком. Налетели и отбили – не удалось ее похитить». [81] Этот случай показывает, как вырабатывалась тактика самозащиты казачек. Ведь первый порыв нормальной женщины в случае опасности – это крик, как призыв на помощь. Возможно, в первые годы после переселения на пограничные рубежи женщины пытались так поступать, но так как в большинстве случаев такая тактика приводила к смертельному исходу, от нее отказались. Если бы Лопатина подняла крик, то ее похитили или подстрелили бы задолго до того, как подоспела помощь. А так смекалка девушки спасла ей жизнь.

Впрочем, смекалка помогала некоторым казакам и в более сложных ситуациях. Например, в одной из российских публикаций середины XIX века рассказывается о подвиге ка-

Неизвестный художник. Пленение казака с женою [82]

зака Гребенского полка Новогладковской станицы Василия Докторова, спасшего от неминуемого плена своего товарища и его жену. Согласно этой публикации, 15 мая 1846 года один из казаков этой станицы «был со своею женою в саду, верстах в двух от станицы. Они весело работали, не подозревая, что им угрожает близкая опасность. Партия хищников, в числе восьми человек, укрывшись от чутья и зоркого глаза сторожевых казаков, засела вблизи и терпеливо выжидала добычи. Дождавшись поры, хищники с остервенением бросились на работавших; грянул выстрел, и в одно мгновение казак и жена его были уже связаны. Посадив перед собою казачку и связав мужа хищники пустились с ними в лес, пробираясь к берегу Терека. Частые удары ногайкою побуждали к поспешному бегу коней и пленника.

В это же самое время, в полуверсте от места происшествия, работал Василий Докторов. Услыша выстрел, он поспешил к товарищу; но уже его не нашел. Тотчас догадавшись о бедственном случае, Докторов, не размышляя долго, бросился по следам хищников. Пробираясь по лесу, он кричал разными голосами,

чтобы показать, что был не один. Пробежав более версты, Докторов наконец увидел хищников, уже переплывших на другой берег Терека. Сделав выстрел и забыв о собственной опасности, думая только о спасении товарища, он и сам кинулся в волны быстрой реки. Хищники, испуганные прежними криками и предполагая себя окруженными большою командою, бросили пленных и рассыпались в разные стороны, спасаясь бегством.

В награду такой смелости и самоотвержения, главнокомандовавший князь Воронцов назначил казаку Василию Докторову знак отличия военного ордена» [83].

Таким образом, после появления российских поселений в непосредственной близости к зоне проживания кавказских народов россиянки невольно были включены в горскую систему торговли женщинами. Для предотвращения похищений правительство принимало различные военно-административные меры, но, несмотря на все усилия, довольно много россиянок, особенно из кордонной зоны, попадало в плен.

Вернуться в станицы пленницы могли в трех случаях: вымена [84], выкупа и побега.

Вымен пленниц производился на захваченных кавказцев, а также на тела убитых в бою горцев. Этот способ возвращения пленных казачек наиболее приветствовался войсковой администрацией, если силовые меры не давали результата. Обмен пленниками фиксировался в специальных ведомостях. Например, в «Ведомости о вывезенных из плена горских народов в течение генварской трети сего (1822 – А.Ц.) года» Прохладненского карантина были записаны «вывезенные на обмен содержащихся у нас кабардинцов» различные российские пленники, в том числе «Марьинской станицы казачья дочь Марья Ломакина» (попала в плен 1 сентября 1821 года), «селения Круглого леса девка Степанида Беляева» (15 лет; пленена горцами 27 сентября 1821 года), «селения Солдатского-Александровского женщина Авдотья Полянкина», а также «моздокского армянина» Амбарцума Бежанова дочери Марья и Александра (последней 7 лет; захвачены горцами в октябре 1821 года на хуторе у Степанова Бугра) [85].

Информация о пленных женщинах поступала в войсковую администрацию [86] большей частью через прошения родственников [87].

Эквивалент обмена зависел от знатности их происхождения, красоты, здоровья и возраста женщин. Например, в мае 1803 г. за 45 русских пленных было отдано 76 горцев престарелых и молодежи обоего пола: при этом за 4 казаков и жену полкового хорунжего Коротняка Настасью одному хозяину-армянину отдали 5 мужчин и 8 женщин, за 4 казаков и девицу Марью Коротнякову (сестру хорунжего) другому армянину также отдали 5 мужчин и 8 женщин [88]. Эти женщины были захвачены при нападении на Александровский кордон в январе 1803 г. [89]

Особенностью вымена являлось стремление российских властей поскорее избавиться от горских пленников, так как их приходилось содержать, а не использовать в качестве рабочей силы, как это делали кавказцы с русскими пленными. Поэтому часто власти шли на невыгодный для казаков обмен – одна казачка менялась на 2-3 человек. В одном из рапортов указывалось, что взамен за выкупленную девицу Агафью «дано из пленных черкес в сем войске находящихся: одна престарелая женщина [90] с малолетними ея детьми – сыном и дочерью» [91].

Нередко похищенных казачек обменивали на черкешенок, захваченных русскими кораблями на турецких контрабандных судах. Например, в июне 1834 г. за 18-летнюю екатеринодарскую казачку Прасковью Ковалеву горцам отдали «соответствующую» ей черкешенку из числа пленных, захваченных на турецких судах в январе 1834 г. [92] В связи с этим Канцелярия войскового атамана Черноморского казачьего войска неоднократно давала распоряжение захваченных на турецких судах рабов-кавказцев «на таманскую сторону передать, чтоб в Екатеринодаре выменять на них наших пленных у черкес» [93].

В связи с практикой вымена русских пленниц казачий историк В.А. Потто приводит интересный случай, произо-

шедший после разгрома селения Каменнобродского в 1809 году. «В Каменнобродском, в числе других пленных, взята была однодворка Авдотья Михайлова вместе со своим сыном, дочерью и жившей у нее сиротой Феклой. Впоследствии, при размене пленных, мать не нашла в числе размененных своей дочери, по всей вероятности уже перепроданной в какой-нибудь дальний аул. Черкесы брались разыскать ее дочь, если она согласится взамен оставить свою воспитанницу Феклу. «Нет, – ответила на это Авдотья, – Господь накажет меня, если я дам погибнуть сироте; я взяла ее на свои руки и должна буду дать ответ за нее перед Богом. Пусть лучше моя дочь останется в плену, – Господь не оставит ее». И она вернулась на родину без дочери» [94].

Выкуп. К этому способу [95] российская администрация прибегала только после того, как были исчерпаны все альтернативные методы – возвращение пленников силой или вымен. В указе Николая I от 26 сентября 1833 г. даже указывалось, что деньги, добровольно собираемые жителями для выкупа пленных надо доставлять начальству. Но использоваться эти суммы должны только тогда, «когда истощены будут все средства для возвращения их (пленных – А.Ц.) силой, в противном же случае обращать сии деньги в пособие возвращаемых» [96].

Правительством выделялись определенные суммы на выкуп пленников, но их было недостаточно. Собрать запрошенную сумму в частном порядке даже для офицеров было финансово тяжело, так как горцы назначали очень высокие цены за пленниц. Кроме того, назначая размер выкупа за пленниц черкесы руководствовались следующим: за жен и дочерей казачьих старшин требовалась цена выше, чем за родственниц рядовых казаков; молодые и красивые женщины нередко оценивались дороже мужчин.

В этом отношении показателен случай, произошедший с семьей войскового старшины Ф.М. Перисиянова, руководившего обороной ст. Воровсколесской в 1807 году. Начав службу на Кавказе, он «перевез с Дона сюда свою семью: жену, воспреемную дочь и двух внучат». В ходе нападения закубанцев

все они были взяты горцами в плен. За них потребовали выкуп в 1000 рублей, но таких денег у Персиянова не было, и они были взяты из войсковых сумм Войска Донского. Поручителем выступил походный атаман донцов на Кавказе полковник Быхалов 1-й. Выкуп был произведен, но срок уплаты был назначен через год, что не удалось пострадавшему, и Быхалов вынужден был внести личные деньги [97].

В станицах существовали общественные кассы, куда жертвовали деньги на выкуп пропавших односельчан, но этих денег было недостаточно для спасения всех пленных.

Кроме того, частная инициатива в вопросе возврата пленниц редко встречала одобрение со стороны войскового начальства. Например, в 1840 г. вышел приказ: «Кубанского казачьего полка... казака Косьяна Попова за переезд за Кубань в аул гвардии подполковника Мамат Гирея Педисова для свидания с родной сестрой его, вышедшей из плена от горцев в сказанный аул, девицею Василисой Поповой... вопреки многих письменных запрещений от начальства, наказать 30 лозинами...» [98] (выделено нами – А.Ц.). Подобная строгость объяснялась тем, что во время т.н. Кавказской войны имели место случаи перехода российских людей на сторону враждебных кавказских племен. Поэтому каждого, побывавшего в плену у горцев, тщательно допрашивали, выясняли обстоятельства похищения и побега, устанавливали личность и только после этого отпускали в станицу. Кроме того, за время, проводимое казаками (в том числе и возвращавшихся экспедиционных отрядов) в карантине выяснялось, не являются ли они переносчиками эпидемических заболеваний, например, чумы или холеры [99].

Эквивалентом выкупа пленниц могли быть не только деньги, но и скот, оружие, соль и различные товары [100]. Соль была наиболее выгодным вариантом выкупа для черноморских казаков, у которых хорошо была развита соледобыча. В апреле 1834 г. к смотрителю менового двора пришла казачка ст. Елисаветинской Ефимия Леваска и предложила выменять свою дочь Христину, похищенную год назад, на соль, как того

просит захвативший девушку князь Казбеч [101]. Неизвестно, о каком количестве соли договорились стороны, но в том же 1834 г. за казака из ст. Старотитаревской Филипа Сабадинца горцы получили 300 пудов [102]. А за казачку Орину Королду, взятую в плен, закубанцы запросили сто пятьдесят пудов соли (что составляло в середине XIX века при цене соли 20 копеек за пуд 30 рублей – стоимость небольшого имения) [103].

Некоторых пленных россиянок в горах многократно продавали, и женщина могла сменить несколько хозяев прежде, чем у нее появлялся шанс на возвращение в станицу. Так, в 1824 г. при разграблении ст. Круглолесской горцами была захвачена 30-летняя Прасковья Фандеева, которая после раздела захваченной добычи досталась черкесскому князю. Некоторое время спустя казачка была у него похищена неизвестными горцами и привезена к мирным черкесам, от которых и была выкуплена российской стороной осенью 1834 г. [104]

В таких случаях могло пройти несколько лет, прежде чем казаки по косвенным фактам могли узнать о судьбе своих женщин и принять меры по их освобождению. Так, в 1797 г. на имя войскового писаря поступило прошение следующего содержания. «Находившийся на службе сего войска козак Платниривского же куреня Нечипир Жолоб, по пути едучи из ярмарки с женою и сыном.., хищными закубанскими черкесами в прошлом 1796-м году убит; жена же его, моя двоюродная сестра, Варвара дочь Пашкова, с малолетним сыном, захвачены оными в плен, о прибывании коей я и по се время не извещен был. А как ныне через отходящих из Закубанья осведомился, что она с сыном ее и тамо рожденною дочерью малолетней жива, и находится у абазинцев... в рабстве живуще, то прошу всепокорнейше вашего высокоблагородия на сие мое прошение милостиво воззреть и про писанную мою двоюродну сестру через известные вам посредства из плена с детьми ее освободить, и о сем моем прошении милостивое решение учинить...» [105].

Изредка освобождению женщины из плена способствовали сами горцы, которые привозили состарившихся плен-

ниц на меновые дворы и отдавали их за небольшие деньги (а иногда и безвозмездно в надежде на получение каких-то льгот в будущем). Так, в феврале 1833 года мирный уздень Осман из ногайского Тохтамышевского аула привез в Прочный Окоп 65-летнюю однодворку Домну Головинскую (Луневу), которая провела в плену 24 года, находясь у разных владельцев на работах, а затем была продана кубанским ногайцам, которые, считаясь с ее преклонным возрастом, решили вернуть пленницу на родину [106].

Значительную часть российских и кавказских женщин перепродавали армяне, превратившие торговое посредничество в выгодный бизнес. Например, одна жительниц селения Марьевского, захваченная во время нападения черкесов в 1824 году, «освободилась из плена благодаря только случаю и ловкости какого-то армянина. Армянин этот скупил в горах несколько пленниц и выменял их на столько же черкешенок, захваченных Бековичем... Хорошим поступком этим, приписанным его усердию, он заслужил награду от русских властей, но не остался в накладе и со стороны черкесов, которым перепродал их жен, дочерей и сестер с огромным для себя барышом. Это был новый род торговли, остроумно изобретенный тогда армянами» [107].

Побеги были более редкими способами освобождения из плена, чем выкуп или вымен, так как были связаны с риском для жизни и здоровья пытающихся сбежать. На беглых пленниц горцы устраивали настоящую охоту. По адату шапсугов и натухайцев тот из горцев, кто поймал беглого раба получает от его хозяина плату в размере одного быка [108]. В таких условиях похищенные россиянки в случае попытки побега становились объектом ловли не только хозяина, но и всех желающих получить вознаграждение. Невольниц, уличенных в попытке побега, жестоко наказывали и помещали в еще более худшие условия. Тем не менее многие россиянки не оставляли попыток сбежать, если знали, что находятся недалеко от российской территории. Причем сбежать пытались вместе с детьми, зная, что рано или поздно их разлучат. В ряде случаев

попытки побегов оказывались удачными [109]. Так, в мае 1820 г. из плена сбежали две казачки полтавского куреня, одна из них с малолетней дочерью [110].

Суровые исторические реалии приводили к тому, что в фольклоре русского населения Северного Кавказа (и в первую очередь пограничных линий) появлялись песни, посвященные разным нюансам пленопродавства.

В терской станице Бороздинской даже была записана песня о побеге девушки-казачки из горского плена:

Как воздалече, ей, воздалече,
Во чистом-то поле,
Было во синем море, –
Что не белая лебедушка,
Она во пролет летит,
Что не красная-то девушка,
Она из плена бежит;
За ней гонят, за красной девушкой,
За ней в гоне гонят;
Выбегает она, красна девушка,
На быстрый Терек – на крутой берег;
Что кричит-то она громким голосом:
– «Перевозчики мои, перевозчики,
Вы, гребенские казаки,
Перевезите меня, красную девушку,
Перевезите на свою сторонушку [111].

Интереснейший сюжет имеет кубанская казачья песня «Как за речкою да за великою». В этой песне очень красочно показаны варианты судеб россиянок, попавших в рабство к татарам. К сожалению, трудно сказать, крымские или ногайские татары имеются в виду в данном сюжете.

1. Как за речкою да за великою
Да доставалася да теща вот зятю.
2. Да доставалася да теща вот зятю.
Как повез зять тещу да во глухую степь.
3. Как повез зять тещу да во глухую степь,
Да во глухую степь, да й во темнай лес.

4. Да во глухую степь, да й во темнай лес,
Да й во темнай лес, да к молодой жене.
5. Да й во темнай лес, да к молодой жене.
«Да вот тебе, жена, да полоняночка.
6. Да вот тебе, жена, да полоняночка,
Да полоняночка, да всерусяночка.
7. Да полоняночка, да всерусяночка,
Ты заставь ее да три дела делать.
8. Ты заставь ее да три дела делать,
Первая дела: все ей видеть, стеречь.
9. Первая дела: все ей видеть, стеречь,
А вторая дела: все куделицу прясть.
10. А вторая дела: все куделицу прясть,
А вот третья дела: все калабель качать.
11. А вот третья дела: все калабель качать».
Она глазушками лебедей стерегла.
12. Она глазушками лебедей стерегла,
Белой рученькою йна кудельку пряла.
13. Белою рученькою йна кудельку пряла,
Левой ножанькою калабель качала.
14. Левой ножанькою калабель качала,
йна качала его, приговаривала.
15. Йна качала его, приговаривала:
«Ох ты, баю, баю, да все боярский сын.
16. Ох ты, баю, баю, да все боярский сын,
Ты по батюшке золотатареночек.
17. Ты по батюшке золотатареночек,
А по матушке да всерусеночек.
18. А по матушке да всерусеночек,
А по роду есть ты мне внученочек.
19. А по роду есть ты мне внученочек,
В твоей матушки есть приметушка.
20. В твоей матушки есть приметушка:
Да на белой груди да вот есть родинка.
21. Да на белой груди да вот есть родинка,
А у правой ноги нет мизинчика.

22. А у правой ноги нет мизинчика».
Да услыхала ее да все служанка.
23. Да услыхала ее да все служанка,
Побежала йна к своей барыне.
24. Побежала йна к своей барыне,
Рассказала ей все, что слышала.
25. Рассказала ей все, что слышала.
Вот стучит-гремит, по сеням бежит.
26. Вот стучит-гремит, по сеням бежит,
Прибежала дочь к своей матери.
27. Прибежала дочь к своей матери,
Упала она в резвые ножаньки.
28. Упала она в резвые ножаньки:
«Бери, мать, ключи, ключи золоты.
29. Бери, мать, ключи, ключи золоты,
Отмыкай жа ты конюшни новы.
30. Отмыкай жа ты конюшни новы,
Бери ты коня самого лучшего.
31. Бери ты коня самого лучшего,
Езжай же ты, мать, на свою родину.
32. Езжай же ты, мать, на свою родину».
«Да не надо и мне твого ничего.
33. Да не надо и мне твого ничего,
Да не расстанусь я, да дите, с тобою» [112].

Особой темой через фольклор проходит турецкий плен, хотя этнографическая специфика песен такова, что сейчас трудно уже понять идет ли речь о работорговцах турецкой национальности, или же под этим образом подразумеваются крымчаки, ногайцы, либо вообще кавказские горцы, которых часто в обиходе казаки называли «татарами», что вполне могло трансформироваться в народной памяти в определение «турок». Такова, например, кубанская казачья песня «Ой, он спал – не спал»:

1. Ой, он спал — не спал
Да й опрокинулся,
А на, третий день,
Ой, у полудня,
2. Ой, устал, взглянул
Да й на ту гору.
Ой, на той горе
Да й огонь горит.
3. Ой, над тим огнем
Да й турок сидит,
Ой, турок сидит
Да й трубку курит.
4. Ой, трубку он куря
Да й раскуривая,
Ой, за поводы
Да й коня он держал.
5. Ой, коник той
Да й вороненький
Сиделице на нем
Да й ореховое.
6. Ой, на сиделице
Да й девка сидит,
Ой, девка сидит
Да й косу чешет.
7. Ой, косу чешет
Да й гребенкою,
Ой, а сама плачет
Да й горькою слезой.
8. Ой, сама плачет
Да й горькою слезой,
Ой, не вернется
Да й девка домой.
9. Ой, казак турка
Да й кинжалом убил,
Ой, а девчоночку
Да й домой он пустил [113].

Таким образом, основными способами возврата российских пленниц домой были вымен, выкуп и побег. При этом большая часть успевала провести в горах несколько лет до момента освобождения или же вообще оставалась там навсегда.

Плененные россиянки в горах могли стать женами свободных горцев [114], их наложницами, женами рабов (а иногда супругами российских беглых военных), просто работницами. Горцы очень редко женились на своих пленницах [115], чаще пленные казачки выходили замуж за попавших в неволю казаков или крестьян [116]. Например, захваченная в 1820 г. с двумя дочерьми казачка София Власенко была выдана ее владельцем черкесским дворянином Супако замуж за российского человека. В марте 1824 г. она была выкуплена из плена бывшим мужем вместе со своим двухлетним «незаконнорожденным» ребенком [117].

Горцы иногда отдавали пленниц в жены перешедшим на их сторону российским солдатам. Например, в 1859 году возвратилась «из плена от горцев казачья дочь станицы Васюрин-

ской девица Евдокия Гулева, с прижитыми ею находившимся там в бегах рядовым Кавказского линейного №2 батальона Василием Ревельевым, детьми: сыном Николаем 4 и дочерью Параскевью 1-го года». Она была «водворена на жительство в станице Васюринской, с причислением выше упомянутых детей ее в эту станицу и с записанием сына Николая в списочное состояние под фамилией Ревельева» [118].

Черкесы стремились женить своих рабов, имея для этого вполне экономическое обоснование: рожденных детей, когда они крепли, отнимали у родителей и продавали [119]. Это провоцировало русских пленников на совершение побегов, рискуя усугубить свое положение. Например, в феврале 1834 года «выбежал из плена от закубанцев русский человек Трофим, не помнящий своего прозвания», с четырьмя детьми, нажитыми в рабстве от русской пленницы. Беглец еще в шестилетнем возрасте был захвачен во время погрома селения Каменнобродского в 1809 году и больше 20-ти лет провел в рабстве [120]. Хотя не всегда мужем пленницы становился русский человек – после смены религии она могла быть выдана замуж и за горца-мусульманина, находящегося в рабстве у ее хозяина.

То, что российские пленницы являлись в глазах горцев просто их имуществом, красивым товаром, иногда провоцировало весьма характерные столкновения между кавказцами. Интересную кабардинскую легенду-быль о подобном конфликте приводит Венуолис Антонас-Жукаускас: «Однажды задумали оба кунака наведаться в поселения гяуров далеко за Кубанью и добыть оттуда породистых коней и красивых женщин. Вызвали они джигитов и из других аулов и отправились в далекий ночной поход. Не все джигиты вернулись из этого набега, но те, кто вернулся, привезли с собой богатую добычу. Они быстро поделили ее, но оба кунака Алибей и Двалибей никак не могли уступить друг другу одну пленницу – голубоглазую и светловолосую молодую уруску. Алибей предложил за нее Двалибею всех пленных; Двалибей же в обмен за уруску посулил, кроме пленных, и всех кровных коней. Алибей от-

казался в пользу Двалибея от всех захваченных им женщин; Двалибей давал ему в придачу к ним и одну из своих жен, прекрасную Фатиму. Алибей положил кунаку на стол свой лучший кинжал в дорогих ножнах с кубанской насечкой и выгравированной молитвой из священного корана; Двалибей протянул ему свою кривую саблю из дамасской стали с изображением гроба Магомета на рукоятке.

Присутствовавшие при дележе мудрые муллы и старые хаджи-мюриды посоветовали им продать красавицу-уруску в гарем турецкого султана или персидского шаха и полученные деньги поделить пополам, но соперники не согласились. Отвергли они и предложение мудрецов – ради спокойствия обоих кунаков столкнуть пленницу с горы в пропасть или бросить ее в стремительный Баксан... Нахмурился Алибей, помрачнел и Двалибей. Так как дележ шел во дворе Алибея, то пленная уруска оставалась в его гареме. Расстались оба кунака уже не кунаками: Двалибей, уходя, не пожелал мира дому Алибея, а Алибей не проводил своего бывшего друга до ворот.

Прошло некоторое время. Двалибей теперь охотился один со своими узденями. И в ночные походы отправлялся он без своего бывшего кунака.

Алибей же обзавелся другими кунаками и так же, как прежде, нападал на степные караваны и грабил их.

Но однажды ночью, когда он со своими новыми кунаками выехал в степь, на его саклю внезапно напал Двалибей: перебил евнухов, выкрал из гарема красавицу-уруску, опозорил и других женщин Алибея. Увидев, что красавица похищена и гарем обесчещен, вернувшийся из набега Алибей воспылал страшным гневом и, призвав тотчас абреков и новых своих кунаков и всю родню, напал на двор Двалибея. Сначала только перестреливались и рубились мечами, но скоро выхватили из ножен кинжалы и сошлись грудь с грудью. И полилась кровь джигитов. Много их пало с одной стороны, не меньше погибло и с другой, но все же Алибею удалось захватить хоть труп уруски: Двалибей, видя, что ему не устоять, вонзил ей в грудь кинжал и покинул свою саклю.

И началась между обоими родами кровная месть...» [121]

Российские женщины довольно часто становились служанками горцев. Ф. Торнау упоминает о плененной на Линии казачке Марии, которая жила служанкой у черкеса. «Она хорошо говорила по-черкесски, совершенно обжилась в доме своего господина и не думала возвращаться на русскую сторону, где она все потеряла со смертью мужа, убитого в ее глазах во время неприятельского нападения. У нее был сын, абадзехский мальчик, составлявший ее единственную привязанность и последнюю надежду в жизни (выделено нами – А.Ц.)» [122].

Изредка несчастные женщины становились сексуальной утехой для горских отрядов. Такой случай привел в своих мемуарах граф де Рошешуар, адъютант императора Александра I. Он записал, как после взятия российским отрядом одного из черкесских аулов там были захвачено восемь женщин. «Что касается пленниц, я ожидал увидеть красавиц-черкешенок; но меня постигло полное разочарование! Все были старые и некрасивые. Одна из них рассказала, что она казачка, похищенная несколько месяцев назад; ввиду ее беременности у нее спросили, кто же тому причиной? «Бог его знает, – отвечала она, – их было так много, что я не знаю, кто отец ребенка!» [123]

В большинстве случаев появление детей заставляло казачек смиряться с положением пленниц. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык. «Кубанские войсковые ведомости» сообщают о казачке Аксинье, вышедшей из плена «с грудным детем», лет 40-ка, которая «разговор по-русски мало знает» [124]. Видимо она была похищена маленькой девочкой и за 30-35 лет, прожитых в горской среде, практически забыла родной язык.

Такие пленницы даже при имеющейся возможности не возвращались в родные станицы. Например, информатор Анна Васильевна Верховых из ст. Воздвиженской рассказывала о своей прабабушке: «Они пошли с сестрой белье постирать. Девочка вот эта, что моя прабабка, ей было восемь лет. И она-та стирает, эта стоит, она глянула, шо через речку плывут черкесы. Она гаварит: «Черкесы идут!» Она гаварит: «Ну, ты бежи», а она – эта, барахло стала собирать. И они ее взяли».

Через двадцать лет, по словам рассказчицы, когда русские войска заняли Закубанье, «она падходить, разговариваеть:

– Вы откудова?

– Из Майкопского отдела.

– А станица?

– Станица Воздвиженская.

– И я, – гаварить, – ваздвиженская! – А как...?

– Комарова.

– Ага, а-а-а, что украли? – Да.

Ну, гаварит, и брат цей, уже брат служил там, а брат гдето на посту был. Она сказала: «У меня трое детей. Два сына женатых. Один еще нет» За черкеса она вышла замуж... Брата притащили, это уже солдаты русские, они ее прибрали. Ненашли. Она сказала: «Я поехать-не поеду. У меня уже тут семья. И дети. И так они больше не встречалися» [125].

Рассказывает о подобном случае и летописец ст. Кавказской войсковой старшина А.Д. Ламонов. «В исходе лета 1864 года в ст. Кавказскую приехала рослая старуха черкешенка с двумя сыновьями лет от 25 до 30, рослыми, рыжеватыми молодцами. В штабе бригады, в ст. Прочноокопской, черкешенка заявила, что она давно-давно была взята в плен, назвала станицу «Капкаская» и брата своего «Огопь», что она желает вернуться в станицу со своим семейством. Она удивлена была переменой станицы, полагая, что ее привезли не в «Капкасскую», а в другую какую-то станицу. Как потом оказалось, она взята в плен до 1830 года. Ее повели в старую, так сказать, станицу; она долго ходила по станице, отыскивая родной дом; как только вышла на бывшую главную улицу, так прямо пришла к дому Агапа Калгатина, указывая на дом, сказала; «Кардаш Огоп» (брат Агап). Радоваться ее возвращению было некому; Агап и его жена умерли. Сын Агапа, Иосиф, не знал свою тетку» [126]. Не найдя в живых брата, старуха уехала из станицы и, по версии рассказчика, переселилась с детьми в Турцию.

Чем красивее была казачка, тем больше у нее было шансов попасть в турецкие гаремы. Ф.А. Щербина упоминает о пленении казачки ст. Старотитаревской вместе с двумя дочерьми. Она

с одной из девочек была выкуплена российской стороной, а вторая девочка была продана в гарем в Трапезунд [127]. Поэтому при назначении выкупа горцы часто прибегали к угрозам продать наиболее красивых пленниц в Турцию, как это произошло, например, в марте 1815 г. на пристани Чернолесского поста [128].

Реально процент русских пленниц, увозимых работорговцами в Османскую империю, был значительно меньше количества горянок. Так, в 1810 г. русским корветом «Крым» на турецком контрабандном судне было взято 82 пленника (41 женщина и 41 мужчина), из которых только 12 человек были русскими (из них всего 3 женщины – все черноморские казачки), остальные – абазинцы [129].

После заключения Адрианопольского мира, когда Кавказское побережье отошло к России, турецкие контрабандисты стали топить русских пленных, если возникала опасность захвата галеры российскими крейсерами. Н.Н. Раевский в своих записях отметил, что турецкие контрабандисты, преследуемые русскими крейсерами, «во избежание наказания, привязывают балластовые камни на шею русским пленным и бросают их в море» [130]. Ф.А.Щербина также упоминает, что в 30-40-е гг. XIX века «бывали случаи, что русские военные крейсеры настигали контрабандистов с русскими пленными. Тогда шкипера, привязавши пленникам камни на шею, спускали их на дно моря, чтобы скрыть следы преступной торговли. Целые суда, нагруженные русскими пленными, возвращались, после встречи с русскими крейсерами обратно в Турцию пустыми. Русские моряки, захваты-

Жан-Леон Жером. Бассейн в гареме

вая контрабандные суда, брали разные товары и черкешенок, но никогда не находили в них русских пленных» [131].

Практически все казачки, которых увозили в Турцию, уже к моменту продажи добровольно или принудительно принимали мусульманство, а также получали кавказские имена. Поэтому на карантинах неоднократно сталкивались с тем, что освобожденные с турецких галер рабыни, которые везлись на продажу на восточные базары, далеко не всегда оказывались кавказскими девушками, несмотря на мусульманские имена и облик. Иногда это были женщины российского происхождения, прожившие несколько лет пленницами в горах. Например, в 1810 г. при захвате турецкого работоргового судна у черноморского побережья российскими моряками была освобождена казачка Ведмедовского куреня Александра Петрова «она же Кюлум» 23-х лет (была захвачена черкесами в 1806 году), а также казачка черноморского селения Канабродного Прасковья Иванова «она же Айше» 17 лет (была похищена закубанцами в 1809 г.) [132].

Путаница усугублялась в том случае, если пленницами были маленькие дети, которые не помнили своего национального происхождения и родного языка. Тем более, что их турецкие хозяева старались выдать таких пленников за черкесов, чтобы избежать наказания за торговлю русскими людьми. В июне 1834 г. черноморский казак Иван Шевченко и его жена Анна подали прошение вернуть в семью их дочь Марию, захваченную горцами в плен в 1820 г. при разграблении хуторов около Екатеринодара. Дочь свою, пропавшую 14 лет назад, они узнали в девушке-кабардинке по имени Лезь, принадлежавшей кабардинцу Арис Магмет Оглы; она в числе других пленных была взята российскими моряками на контрабандном турецком судне [133].

Возвращение маленьких детей в станицы нередко вело к их усыновлению в чужих семьях, так как за годы, проведенные в плену, они забывали о своем происхождении и не помнили родственников. В большинстве случаев только случайность могла помочь маленькой пленнице обрести родную семью. Так, в марте

1823 г. казачка Полтавского куреня Шпилевая, оказавшаяся по делам в г. Екатеринодаре, увидела в толпе пленных, вышедших из карантина, свою пятилетнюю дочь. Девочка попала в плен, когда ей было два годика и совершенно не помнила мать, поэтому единственным доказательством родственной связи послужили названные матерью приметы на теле дочери [134].

Небольшой процент россиянок, проданных в османскую империю, объясняется еще и тем, что они ценились на невольничьих рынках меньше черкешенок или грузинок, т.к. не соответствовали вкусу турецкой знати на тонких брюнеток с кротким нравом. Само отношение горянок и казачек к плену было различным, т.к. основывалось на этнической разнице культур. Если для горянки продажа в Турцию являлась счастливым шансом вырваться из нищенской среды, то для казачки это было противоестественной судьбой. Ведь мировоззрение российских женщин было основано на совершенно других культурных традициях. Большей частью, попадая в горскую среду, они не принимали новых традиций, при малейшей возможности пытались сбежать, и только прожив долгие годы в горах, обзаведясь детьми и вынужденно сменив веру, они смирялись со своим положением.

Таким образом, с появлением российских поселений в пределах доступности горских набеговых отрядов русские женщины стали одним из основных объектов северокавказского пленопродавства. Статистика показывает, что количество плененных женщин и детей (в большей мере женского пола) в разы, а то и в десятки раз, превосходило число захваченных горцами мужчин. Благодаря мерам, принимаемым российским правительством, у пленниц-россиянок был шанс вернуться домой в результате «вымена» или выкупа, но многие из них так и оставались в горах на всю жизнь, не получив помощи и не сумев совершить побег. Их положение в горской среде было в большинстве случаев хуже, чем у рабынь-мусульманок, так как на взаимоотношения с хозяином и аульным обществом в целом значительно влияли межконфессиональные разногласия и принадлежность такой пленницы к стану врага.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Венуолис А.-Ж. Кавказские легенды. По мотивам кабардинских преданий. Скала кровной мести. – Гос. издательство худ. лит-ры Литовской ССР, 1955. – С. 33.

2. Статистические подсчеты автора на основе документов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК).

3. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.509. Л.68-68об.

4. Бондарь В.В. Роль наездничества в российско-кавказских отношениях в конце XVIII – первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. – С.127-131.

5. Кавказцы, или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып. 17-18. – С.-Пб., 1858. – С.3.

6. ГАКК. Ф.162. Оп.1. Д.26.

7. Статистические подсчеты автора на основе документов ГАКК.

8. Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801-1835 гг. /Дисс... к.и.н. – Армавир, 2004.

9. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: Репринтное воспроизведение в 2-х томах. Т.2. – Краснодар, 1992. (Репр. воспр.: Екатеринодар, 1910-1913.) – С.397.

10. Колесников В.А. Донцы на Кубани. – Ставрополь, 1995. – С.54.

11. Там же. – С.65.

12. Статистические подсчеты автора на основе документов ГАКК.

13. Фролов Б.Е. Организация обороны черноморской кордонной линии в конце XVIII – первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. – С.107.

14. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.484. Л.82-82об.

15. Колесников В.А. Указ. соч. – С.67.

16. Там же. – С.53.

17. ГАКК. Ф. 256. Оп.1. Д.61. Л.2-5.

18. ГАКК. Ф.254. Оп.1. Д.1044. Л.127-127об.

19. Фелицин Е.Д. Кубанское казачье войско. (1696-1886). – Краснодар 1996. – С.163-164. (Реп. воспр. Воронеж, 1888.)

20. Система укреплений станиц (ров, вал, плетень из колючего кустарника и т.д.) была универсальной. При основании урупских станиц с 1856 г., например, использовалась та же схема. (Кубанские Войсковые Ведомости. – 1868. – 16 марта. – С.3.)

21. Соловьев В.А. Пушкин на Кубани. – Краснодар, 2000. – С.19.

22. Захаров В.А. Линейные казаки Кубани в дневнике неизвестного (1837-1838 гг.). // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир, 2000. – С.41.

23. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. – Краснодар, 1999. – С.43.

24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.15264. Оп.1. Д.79. Л.5об.

25. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.63. Оп.11. Д.50. Л. 1, 6; Колесников В.А. Однодворцы-казаки. К 200-летию основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. – СПб., 2000. – С. 208.

26. Чекменев С.А. Развитие хуторского хозяйства в казачьих районах Северного Кавказа в конце XVIII – пер. пол. XIX в. // Казачество в истории России. – Краснодар, 1993. – С.34-36.

27. Играло роль и отсутствие традиций хоторских поселений на Дону, откуда пришла большая часть казаков Старой Линии.

28. Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. – М., 1967. – С.104.

29. Шевченко Г.Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX в. – Краснодар, 1993. – С.7.

30. Очерки истории Кубани. / Под общей редакцией проф. В.Н. Ратушняка. – Краснодар, 1996. – С.220.

31. Фелицин Е.Д. Кубанское казачье войско (1696-1888). – Краснодар, 1996. – С.169.

32. Кияшко И.И. Именной список генералам, штаб и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сраженьях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 г. – Екатеринодар, 1911. – С.49.

33. Тернавский Н. Казачьей славы имена. – Краснодар, 1994. – С.17; Кияшко И.И. Указ. соч. – С.53.

34. Кияшко И.И. Указ. соч. – С.58.
35. Там же. – С.61.
36. Там же. – С.72.
37. Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801-1835 гг. /Дисс... к.и.н. – Армавир, 2004. – С.151.
38. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1273.
39. Кияшко И.И. Указ. соч. – С.11.
40. Захарченко В.Г. Песни станицы Кавказской. – Краснодар, 1993. – С.262.
41. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.79. Л.3.
42. РГВИА. Ф.13454. Оп.1. Д.337.
43. Тернавский Н.Казачьей славы имена. – Краснодар, 1994. – С.14.
44. Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы. – Никосия, 1996. –С.23, 30.
45. Яковенко А.М. Новокубанский район. Вып.2 – Новокубанск, 2000. – С.25.
46. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.79. Л. 5-5об.
47. Соловьев В.А. Пушкин на Кубани. – Краснодар, 2000. – С.20.
48. ГАСК. Ф.63. Оп.11. Д.50. Л. 2-3.
49. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1552. Л. 2, 86.
50. Щербина Ф.А. Указ. соч. – С.676-677.
51. Там же. – С.198.
52. Колесников В.А. Донцы на Кубани. – Ставрополь, 1995. – С.44.
53. ГАКК. Ф.254. Оп.1. Д. 242 «б». Л.1.
54. Мануйлов А.Н. Статус женщины в общеправовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX – 20-е годы XX века). – Армавир-Краснодар, 1998. – С.44.
55. ГАКК. Ф.254. Д.926 «...О набеге на работающих в степи людей...»
56. Кияшко И.И. Указ. соч. – С.237.
57. Там же. – С.268.
58. С 1832 г. – казачья станица.
59. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.32. Л. 9; Колесников В.А. Однодворцы-казаки... – С.70.

60. ГАКК. Ф.256. Оп.1. Д.61.

61. РГВИА. Ф.15044. Оп.1. Д.34.

62. Дейчман А.И. Несколько слов о Кавказе в сельскохозяйственном отношении // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Кн.1. – Тифлис, 1856. – С.94.

63. С 1832 г. – казачья станица.

64. Потто В.А. Кавказская война. Т.2. – Ставрополь, 1994. – С.474.

65. Щербина Ф.А. Указ. соч. – С.188.

66. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.79. Л.1об.

67. См., например: РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.27 «О взятии в плен на речке Грушовке казачки» (1835 г.)

68. Соловьев В.А. Пушкин на Кубани... – С.19.

69. Захарченко В.Г. Песни станицы Кавказской. – Краснодар, 1993. – С.264.

70. Из проекта Положения об устройстве Кавказского линейного казачьего войска за 1839 год: «По всему пространству степи, занимаемой Кубанским полком, земля по большей части безводная, и где вода имеется, там она дурная. А потому жители принуждены во время полевых работ летом, воду возить из Кубани за 20 верст и далее от чего во время сенокоса и жнитвы ежегодно свирепствует лихорадка между жителями и частые падежи между скотом». (РГВИА. Ф.15044. Оп.1. Д.2. Л.8.)

71. Гуменная Анна Николаевна, 1929 г.р., г.Невинномысск.

72. Шевченко Г.Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX в. – Краснодар, 1993. - С.15.

73. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.319. Л. 52-53об.

74. Данное заключение взято из письма к профессору В.Б. Виноградову от П.Б. Виноградова (22.06.2001 г.).

75. Служивший в 30-х гг. на Кубани Ф.Ф. Торнау справедливо замечает: «...И избави, нас, Господи, от походного госпиталя!» (Макарова С.Э. Барон Ф.Ф. Торнау и его воспоминания. // Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2000. – С.13).

76. ГАКК. Ф.249. оп.1. Д.448. Л. 166об. – 169.

77. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.22. Л.10.

78. Кияшко И.И. Указ. соч. – С.257; Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках-линейцах. – Армавир, 1994. – с.18.

79. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.79. Л.5 об.

80. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.79. Л.5.

81. Зыбин Евгений Иванович, 1935 г.р., г. Армавир.

82. Эта литография была опубликована в указанном в следующей сноске журнале и сопровождала рассказ.

83. Кавказцы, или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып.5-6. – СПб, 1857. – С.22.

84. Термин XIX в. Используется нами здесь и далее по тексту, так как больше соответствует смыслу указанного явления, чем слово «обмен», предполагающее равноценность меняемого, что не всегда имело место при возврате пленников.

85. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики, Ф.16. Оп.1. Д.1. Т.2. Л. 71-об., 76, 174-174-об.

86. Вплоть до командующего кордонной линией. (РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.24.)

87. См. например: РГВИА. Ф.13454. Оп.1. Д.290 «Прошения жителей о выпуске их родственников и детей из плена горцев» (за 1822-1823 гг.)

88. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.448, Л. 87-87об.

89. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.448. Л. 76-76об.

90. По видимому черкешенка не была старухой по возрасту (на что указывает «малолетство» ее детей). Как отмечает Е.Я.Вердеровский, «у горцев женщины от чрезмерных физических трудов рано стареют» (Кавказские пленницы или плен у Шамиля. Сост. Е.Я.Вердеровский. Издание второе, исправленное. – Москва, 1857. – С.56.) Это, в известной мере, можно отнести и к кубанским казачкам.

91. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.448. Л.17об.

92. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1335 а. Л. 339-350.

93. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.605. Л.1.

94. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. Т.1. – СПб, 1887. – С.633.

95. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д. 1282, 1335, 1392, 1434, 1487, 1552, 1688а, 1743, 1772; ГАКК. Ф.324. Оп.1. Д. 33, 36.

96. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1335 а. Л.337.

97. Захаревич А.В. Некоторые уточнения, связанные с боем 23 мая 1807 г. По обороне станицы Воровсколесской //Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. – Армавир, 2003. – С.82.

98. Захарченко В.Г. Песни станицы Кавказской. – Краснодар, 1993. - С.267.

99. ГАКК. Ф.324. Оп.1. Д.349.

100. Щербина Ф.А. Указ. соч. – С.518-519.

101. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1392. Л. 3-6.

102. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1392. Л.65.

103. Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт культура, традиции. – Черкесск, 1999. – С.115.

104. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1335 а. Л.399.

105. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.365. Л.24.

106. ГАСК. Ф.63. Оп.12. Д.441. Л. 3-4.

107. Потто В.А. Кавказская война. Т.2. – Ставрополь, 1994. – С.479.

108. Люлье Л.Я. Черкессия: историко-этнографические статьи. - Нальчик, 1990. – С.45.

109. ГАКК. Ф.252. Оп.1. Д.2355 «О бежавшей из горского плена казачке Васюринского куреня»; Д.2452 «О водворении на жительство в войско вышедшей из плена казачки Гусевой с двум детьми»; ГАКК. Ф.264. Оп.1. Д.13 «Переписка о бежавших из плена от горцев русских людей».

110. Щербина Ф.А. Указ. соч. – С.525.

111. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып.7. Отдел I. – Тифлис, 1889. – С.97.

112. Римский-Корсаков Н.А. Сто русских народных песен. – СПб., 1877. – № 8,9,10. – С. 17-22. Данная песня входит в репертуар Кубанского казачьего хора.

113. Захарченко В.Г. Народные песни Кубани (из репертуара государственного кубанского казачьего хора). Вып.1. – Краснодар, 1987. – С. 61.

114. Подобный случай описывается И. Капаевым в его повести «Хота и Мария». (Капаев И.С. Хота и Мария // Уплывающие тени. – Ставрополь, 1999. – С. 69-98.)

115. Итоги фольклорно-этнографических исследований... за 1998 г... С.33.
116. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.6. Л. 1-2.
117. Щербина Ф.А. Указ. соч. – С.524.
118. ГАКК. Ф.259. Оп.1. Д.2452. Л. 1-1об.
119. Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа / Под ред. проф. В.А.Казначеева. – Пятигорск, 2004. - С.72.
120. РГВИА. Ф.15264. Оп.1. Д.6. Л.1-2.
121. Венуолис А.-Ж. Кавказские легенды. По мотивам кабардинских преданий. Скала кровной мести. – Гос. издательство худ. лит-ры Литовской ССР, 1955. – С. 33-47.
122. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2000. (Репр. воспр.: М., 1864.). – С.242.
123. Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. – СПб, 2002. – С. 342.
124. Кубанские войсковые ведомости. – 1865. – №16 (24 апреля). – С.3.
125. Цитата по: Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. – Краснодар, 2002. – С.63.
126. Захарченко В.Г. Песни станицы Кавказской... – С.306.
127. Щербина Ф.А. Указ. соч. – С.525.
128. Щербина Ф.А. Указ. соч. – С.519.
129. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.605.
130. Архив Раевских. – Т.3. – СПб, 1910. – С.53.
131. Щербина Ф.А. Указ. соч.– С.322.
132. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.605. Л. 3-3 об.
133. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1335 а. Л. 317-317 об.
134. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т.2. – С.523-524.

«ЯВИТЬСЯ РОССИИ И БЫТЬ ВЕЧНО ПОДДАННЫМ ОНОЙ...»: БЕГЛЕЦЫ-ГОРЦЫ В РОССИЙСКИХ ПРЕДЕЛАХ

Многовековая история русско-северокавказских отношений знает немало примеров того, как подвластные горских владельцев искали покровительство и защиту у Российского государства. По мере усиления в регионе российского присутствия такие факты встречались все чаще и чаще, вызывая озлобление и недовольство одних и надежду на обретение свободы у других. Данная тема уже не раз поднималась исследователями, и в настоящий момент накоплен внушительный источнико-историографический багаж по данному вопросу [1]. Вместе с тем в архивах хранится еще немало документальных свидетельств этого позитивного процесса взаимного сближения. Они наглядно демонстрируют наличие устойчивой пророссийской ориентации у части населения края, видевшей в России свое Отечество и связывающей с ней свою судьбу. Среди таких непридуманных историй судьба черкесского юноши, бежавшего из плена вместе со своей женой и дочерью.

Кавказский гражданский губернатор М.Л. Малинский 29 марта 1819 г. получил письмо, в котором сообщалось, что «5-го числа текущего месяца, явился выбежавший из Чечни пленный из Большой Кабарды черкесин Мухамет Келеметов сын Махаров с женою его пленною из осетинцов и ее 2-х летнию дочерью». Решением командующего 2-й бригадой полковника Грекова он был отправлен «согласно желанию в Кизляр, дабы до решения об нем начальства тамошний городничий подполковник Швецов водворил его и имел под надзором» [2]. К рапорту прилагался и «снятый допрос с упомянутого черкесина», из которого стали известны обстоятельства его биографии.

Итак, Келеметов с «пленною ж осетинкою Долтхан и с малолетнею дочерью на вопрашивание показал. Зовут меня точно так как выше сего означено, от роду мне 27 лет подвластный Большой Кабарды узденю Махару во время су-

ществования в оной заразы и скитания нашего от оной по разным местам схвачен я назад тому 8 лет в Малой Кабарде из кабардинцев же абреком Кавдухом с содействующем ему в том чеченцами и завезен в пределы чеченския. У которого я находясь до сих пор в деревне Гойте, где он жительствует. С пол года тому как женил он меня на пленной же своей холопке и напоследок начал предлагать меня с нею к рабству. Я видевши сие уговорив мною жену Долтхон, доставшуюся ему из местечка, называемого Нар, что в снеговых горах, дабы избегнуть подданства сему разбойнику, отошед от него явиться России и быть вечно подданным оной. Почему, как я и жена моя, прибыв в Грозную крепость, явились у начальника оной с тем желанием и испрашением воззрения дабы водворить меня с нею на жительство в город Кизляр...» [3]. Ситуация была достаточно типичной. От набегов страдало не только русское население. Сполна доставалось и северокавказским горцам, которые имели несчастье попадать в руки «удальцов», бывших не прочь поживиться за счет «братьев по вере». Вот и получалось, что спасение можно было найти лишь у «гяуров» и «поработителей». Реальная жизнь далека от тех идеологических деклараций и искусственных конструкций, которыми порой стараются подменить всю многогранную палитру русско-северокавказских отношений.

Между тем кизлярский городничий получил предписание Общего управления Кавказской области от 2 августа 1830 г., в котором сообщалось, что в деле Мухамета Келеметова все не столь очевидно. Якобы, «он в жительстве своем не основателен и делает с одного места в другое частые побеги, следовательно и в России твердо предан быть не может, а притом и есть он холоп узденя Мамсура Поунежева. Выслать с семейством за караулом к исправляющему должность кабардинского пристава майору Аносову для отправления в Кабарду к узденю Поунежеву» [4].

Но это распоряжение выполнено не было. Датированный 29 сентября 1830 г. ответ Кизлярского городового правления гласил, что «такового черкесина в городе Кизляре не

обнаружено (?), когда и куда выбыл из Кизляра тоже никому не известно» [5].

Сложно сказать, куда смог скрыться вместе с семьей Мухамет Келеметов. Если даже предположить, что власти действительно хотели найти его, все равно без поддержки местных жителей сделать это было невозможно. А они не выдали беглеца, который, скорее всего, осел в одном из селений, а местное начальство предпочло закрыть на это глаза. В России несовершенство законов порой исправлялось их невыполнением. Наверно, это не правильно, но в той ситуации справедливо и по совести...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. напр.: Керашев А.Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х гг. XIX в. // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Майкоп, 1991. – Вып. VIII. – С.227-245; Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI – XVIII веках / Под ред. и с предисловием В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2008; Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. – Славянск-на-Кубани, 2009 и др.

2. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.892. Л.1.

3. Там же. Л.2-3.

4. Там же. Л.16-16 об.

5. Там же. Л.18 об.

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ПРИЗНАКИ РОССИЙСКИХ ПЛЕННЫХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

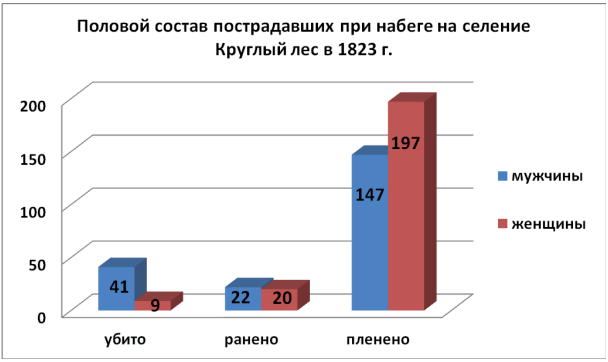
В исследуемый период приграничное российское население в значительной степени стало объектом северокавказской пленоторговли. В первую очередь набеги были нацелены на наиболее незащищенные поселения – крестьянские села. Именно из них периодически горцами угонялись наиболее крупные партии пленников – до нескольких сотен человек за один набег. Половозрастные характеристики таких пленников очень наглядно показывают основные цели горских набегов.

Обратимся к архивным данным.

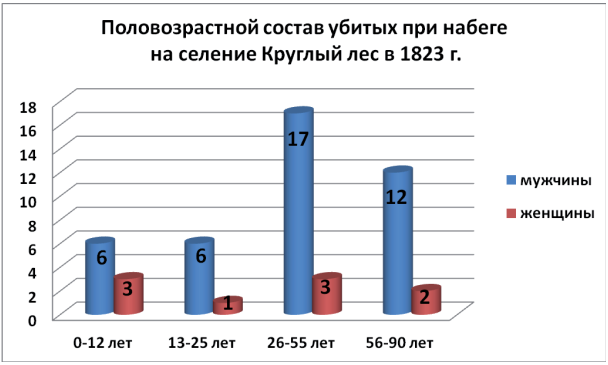
В Государственном архиве Ставропольского края хранится информация о разграблении набежчиками селения Круглый лес в мае 1823 года [1]. Исправник г. Георгиевска рапортует об этом Начальнику Кавказской области следующим образом. «...Сего месяца 14 числа пополуночи в 4-м часу закубанские хищники в большом количестве примерно до 3.000 человек набежав на оное селение Круглый лес пограбив у жителей разное имущество, деньги и скот, побили и изрубили в смерть мужска и женска пола 50. Ранено более 40-ка и увели в плен обоего пола 344 души» [2].

Ведомость пострадавших при данном нападении рисует следующую статистическую картину.

Диаграмма четко показывает, что основной целью набега горцев был именно захват пленников, а не решение каких бы то ни было военных стратегических задач.



Данные гистограммы наглядно показывают, что среди убитых только 20% составили женщины; раненых приблизительно поровну. А вот среди пленников женщин было захвачено на четверть (25%) больше, чем мужчин.



Для расчета данной гистограммы были выделены возрастные периоды по следующему принципу:

0-12 лет – это возраст детей, которые в значительной степени являются объектом торговли «на вырост», так как ни работников, ни наложниц в достаточной степени из себя еще не представляют. Соответственно цена таких пленников относительно невысока.

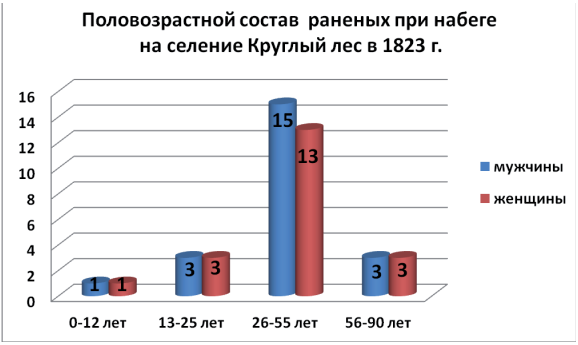
13-25 лет – возраст рабов, наиболее востребованных на

рынках как Северного Кавказа, так и Востока. В этом возрасте мальчики уже работоспособны, а девочки максимально привлекательны для покупки в гарем. Цена таких пленников наиболее высока, при этом стоимость девочки обычно превосходила стоимость мальчика, особенно если девочка была девственной.

26-55 лет – возраст полноценной работоспособности как мужчин, так и женщин. При этом вероятность продажи женщины в гарем низка, а значит, ее цена становится равной или даже меньше мужской.

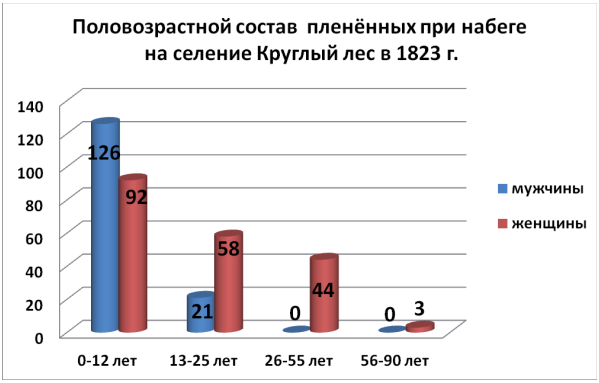
56-90 лет – самые дешевые пленники, так как от них в силу физической немощи ожидается небольшая работоспособность.

Данные гистограммы показывают, что большинство погибших – мужчины и мальчики, причем преобладающая их часть (23 человека – **56%** от общей массы убитых мужского пола) находилась в боеспособном возрасте (**от 18 до 55 лет**). Большой процент погибших мужчин пожилого возраста объясняется их боевой активностью в сочетании с малой боеспособностью. Разброс возрастов убитых в гистограмме следующий: у мужчин – от нескольких месяцев до 85 лет; у женщин – от нескольких месяцев до 70 лет.



По данной гистограмме видно, что количество раненых мужчин и женщин приблизительно равно, при этом большинство раненых обоего пола были в боеспособном возрасте. Такое значительное количество раненых (и не плененных) женщин по сравнению с количеством убитых объясняется тем, что набежчики предпочитали раненых не брать – много мороки, а выживет или нет пленница неясно.

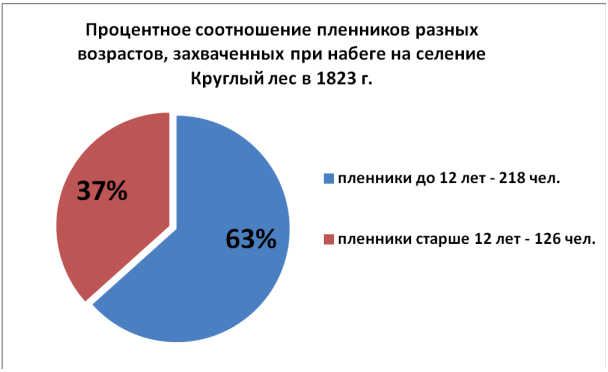
Разброс возрастов раненых в гистограмме следующий: у мужчин – от 10 до 90 лет; у женщин – от 2 до 70 лет.



Данные гистограммы показывают, что чем старше российские пленники, тем меньше среди них мужчин. Если среди детей до 12 лет мальчики преобладают, то старше этого порога их среди пленников заметно меньше.

Разброс возрастов пленённых в гистограмме следующий: у мужчин – от нескольких месяцев до 20 лет; у женщин – от нескольких месяцев до 65 лет. Такой маленький возрастной диапазон пленников-мужчин объясняется в первую очередь тем, что набежчики захватывали пленников по принципу наименьшего их сопротивления при перегоне партии в труднодоступные горные районы. Соответственно мужчины боеспособного возраста были для них не самыми «удобными» пленниками.

Это еще раз подтверждается следующей диаграммой.



Захват в плен престарелых женщин объясняется не выгодой от их продажи, а тем что в общей массе сбиваемых в кучу захваченных людей никто особо не отслеживал возраст взрослых женщин – в состоянии идти, пусть идет. Убить такую пленницу горцы могли в любой момент, как только выяснялось, что ее здоровье уже не обеспечивало достаточную работоспособность.

Таким образом, статистический анализ партии российских пленников, захваченных горцами при набеге на селение Круглый лес в 1823 году четко показывает, что основной целью набега горцев было явно не выполнение каких бы то ни было боевых задач, а банальный грабеж и захват пленных для дальнейшей их продажи с целью личного обогащения.

Аналогичную картину рисуют и несколько других набегов.

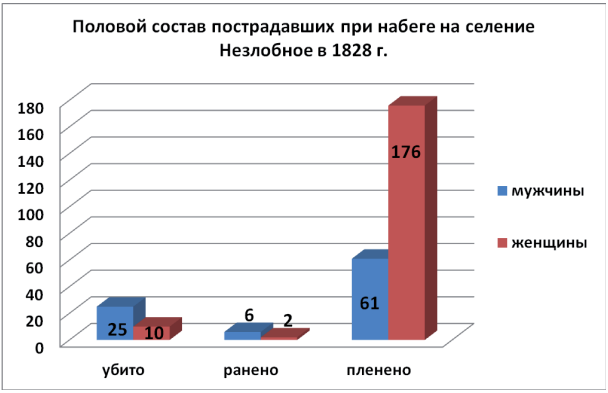
Так, в июне 1828 года около 3 тысяч человек «неприятельского ополчения, составленного из закубанских черкес и беглых кабардинцев» вторглись в Кавказскую область. Согласно рапорту Георгиевского Земского суда «отстоящее от города Георгиевска в 12-ти верстах селение Незлобное сего 9-го числа (9 июня 1828 г. – А.Ц.) утром закубанскими хищниками истреблено и разграблено» [3]. В ведомостях зафиксировано всего пострадавших 280 человек – 92 мужского и 188 женского пола.

Характерная картина получается, если сравнить приведенные цифры с численность жителей до описываемого нападения. Согласно документам в Незлобном до 9 июня 1829 года проживало **552 чел**. – 277 мужского пола и 275 женского [4]. Получается, что при нападении горцев было убито, ранено и уведено в плен **51% жителей** (280 чел.). При этом из этого числа лиц мужского пола пострадало **33%** (92 чел. убито, ранено и пленено), а женского – **67%** (188 чел.), то есть практически в два раза больше. Эти цифры говорят в первую очередь о том, что основной целью набега был захват женщин, а не сражение с мужчинами.

То, что причиной набега стал именно захват пленников, подтверждается и следующей диаграммой.

Интересно, что при данном нападении мы видим прак-

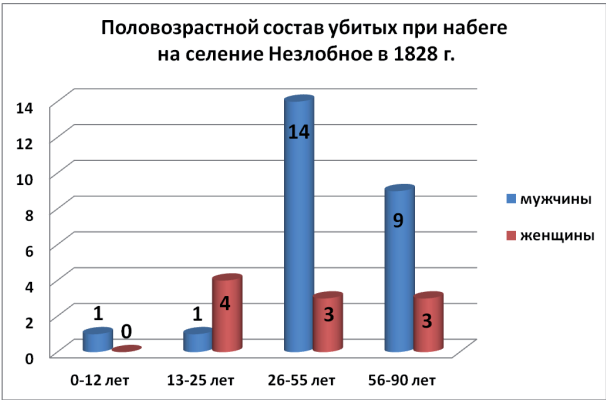
тически ту же процентную картину, что и при набеге на Круглый лес, который рассматривался нами выше. Там было пленено 79% от общего количества пострадавших, а в Незлобном – **85%**, что составляет **43%** от общего количества жителей селения Незлобного до набега.



Данные гистограммы наглядно показывают, что среди убитых женщины составили **40%**, в то время как при набеге на Круглый лес горцы убили всего **20%** женщин. На самом деле процент убитых жительниц селения Незлобного еще выше, так как часть данных о них указана в ведомостях под грифом «попавшие в плен». Причиной такой высокой женской смертности стала распространенная в то время у горских набежчиков практика убийства захваченных ими пленных на глазах российских военнослужащих, пытающихся помещать их угону.

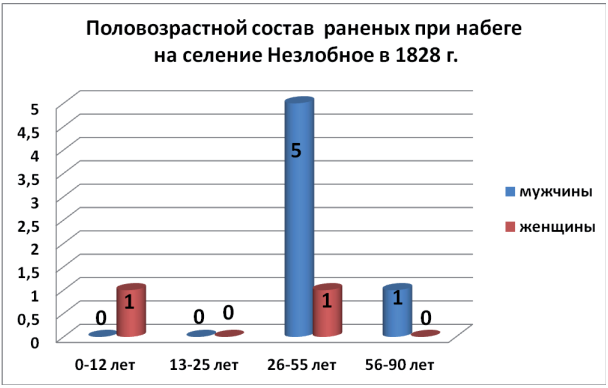
Так, в своем рапорте императору начальник Кавказской области генерал-лейтенант Г.А.Емануэль сообщает, что, когда после нападения на Незлобное набежчики были остановлены казачьим отрядом майора Канивальского, часть отбитых казаками пленников были убиты горцами прямо в ходе освобождения, хотя они и не оказывали сопротивления. Он пишет: «Во время преследования закубанцы убивали захваченных ими из селения Незлобного женщин и детей, не имея возможности увлекать далее с собою» [5]. В ведомостях указано, кто именно из женщин и детей был в ходе боя горцами зарублен или застрелен, а кто в результате ранения попал в госпиталь. При этом в результате этого боя казакам вернуть живыми удалось только 38 человек – часть пленников горцы все-таки угнали в горы, часть была забита ими в ходе боя.

Кроме того по гистограмме видно, что женщины среди захваченных в плен составили **74%**, что их на **48%** больше, чем мужчин, в то время как в Круглом Лесе они преобладали всего на **25%** за счет пленения значительного количества детей мужского пола.

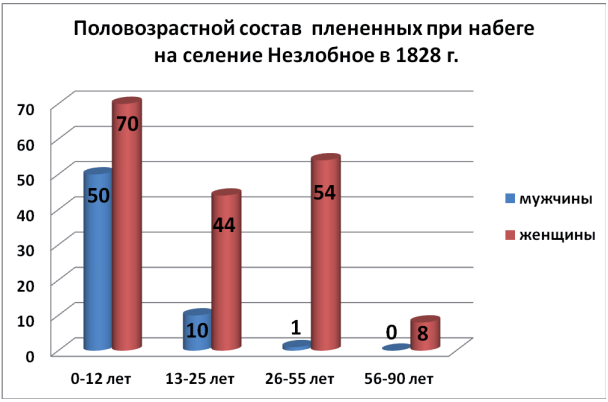


Данные гистограммы показывают, что большинство погибших – мужчины и мальчики, причем преобладающая их часть (14 человек – **56%** от общей массы убитых мужского пола) находилась в боеспособном возрасте (**от 18 до 55 лет**). Такой же процент мужчин данного возрастного диапазона был нами вычислен и по жертвам набега на селение Круглый лес, рассматриваемого

выше. Разброс возрастов убитых в гистограмме следующий: у мужчин – от года до 78 лет; у женщин – от 19 до 64 лет.



По данной гистограмме видно, что среди раненых преобладают мужчины боеспособного возраста. Разброс возрастов раненых следующий: у мужчин – от 27 до 61 года; у женщин – от 1 до 42 лет.



Данные гистограммы, как и при набеге на Круглый лес, показывают, что чем старше российские пленники, тем меньше среди них мужчин. Среди пленников мужского пола мальчики до 12 лет составляют **82%**, а старше 27 лет пленников-мужчин вообще нет.

Разброс возрастов пленённых в гистограмме следующий: у мужчин – от нескольких месяцев до 27 лет; у женщин – от

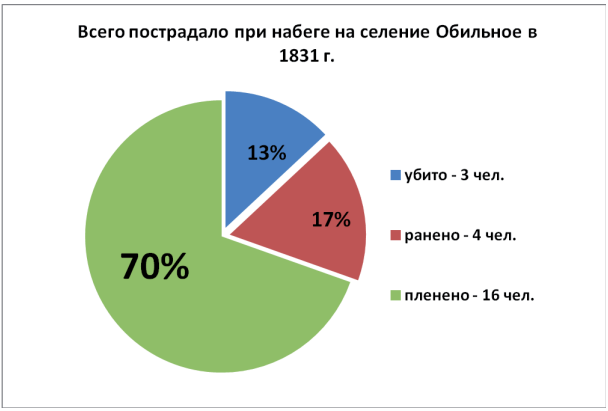
нескольких месяцев до 77 лет. Такой маленький возрастной диапазон пленников-мужчин вновь объясняется тем, что набежчики захватывали пленников по принципу наименьшего их сопротивления.

Таким образом, половозрастной анализ партии российских пленников, захваченных горцами при набеге на селение Незлобное в 1828 году, как и в рассмотренном выше нападении на Круглый лес, объективно показывает, что одной из главнейших целей набега горцев был захват в плен беззащитных детей и женщин.

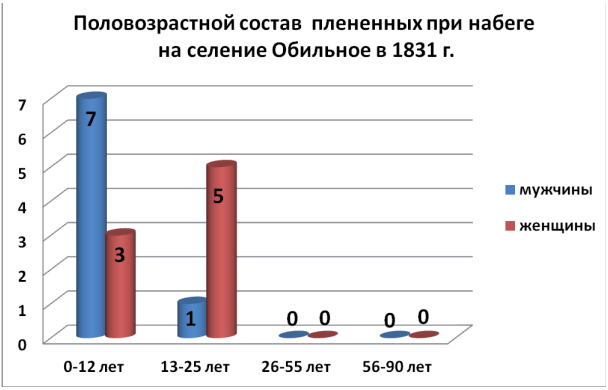
Возможно, другую картину покажут архивные данные по более мелким нападениям?

26 августа 1831 года партия горцев совершила набег на населенные пункты Кавказской области, в частности пострадали сёла Обильное и Александрия. Согласно ведомости по селу Обильному [6], там пострадало от набега 23 человека, из которых убиты и ранены были только мужчины (6 чел.) боеспособного возраста (25-55 лет) и погиб, видимо случайно, один 5-летний мальчик.

Среди 16 человек, захваченных в плен, людей мужского и женского пола было поровну.



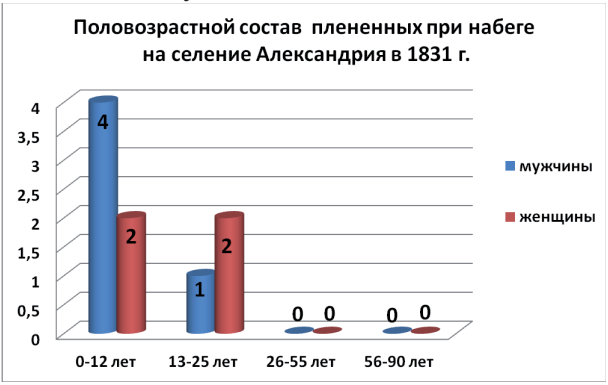
Как видно из диаграммы, общий процент пленных равен **70%**, что в целом повторяет результаты двух рассматривавшихся выше крупных набегов.



По гистограмме наглядно видно, что, захватывая небольшое количество пленников, горцы взяли максимально дорогостоящих и при этом беззащитных жертв. Разброс возрастов пленённых следующий: у мужчин – от 5 до 17 лет; у женщин – от 9 до 18 лет. Выбирая при данном нападении пленников не по количеству, а по «качеству», горцы вообще не взяли ни мужчин, ни женщин боеспособного возраста. Да и нижняя возрастная планка детей также говорит о том, что набежчикам нужные были жертвы, не создающие никаких проблем, в том числе и биологического характера. Дети до 12 лет составили в этом случае **63%** от общего числа плененных.

Согласно ведомостям пострадавших от горцев 26 августа 1831 года жителей села Александрии [7] при набеге был убит один пожилой мужчина и другой был ранен, 9 человек было захвачено в плен.

Несмотря на небольшое количество пострадавших при набеге, процентное соотношение убитых, раненых и плененных вполне соответствует уже приведенным выше данным по другим населенным пунктам.



На данной гистограмме так же, как на аналогичных по предыдущим населенным пунктам, видно отсутствие пленников боеспособного возраста. Разброс возрастов пленённых следующий: у мужчин – от 6 до 15 лет; у женщин – от 5 до 20 лет. Дети до 12 лет составили **67%** от общего числа захваченных в плен.

Конечно, нельзя абсолютизировать данные четырех отдельных эпизодов (находящихся к тому же в одной территориальной и временной лакуне) и считать выявленные закономерности характерными для всего Северного Кавказа в первой половине XIX века. Но с другой стороны, основываясь на данные аналитических выкладок вполне возможно обозначить целеполагающие для набежчиков особенности половозрастных характеристик российских пленников, чтобы по мере накопления нарративного материала анализировать его по уже выявленным векторам. Таковыми предлагаем считать следующие выводы:

1. Если принять пострадавших от набега жителей отдельного населенного пункта за 100%, то количество пленных будет заметно преобладать над погибшими и ранеными и находиться в диапазоне приблизительно **70-90%**. Соответственно основной целью нападения горцев на российские поселения были не военные акции (по уничтожению живой силы противника или

военной инфраструктуры), а захват пленников для дальнейшей их продажи с целью личного обогащения. Если бы это было не так, то среди пострадавших от горцев преобладали бы мужчины боеспособного возраста в качестве убитых и раненых.

2. Гистограммы половозрастного состава пострадавших показывают, что среди убитых и раненых преобладали мужчины боеспособного и пожилого возраста, а среди плененных были практически только дети до 12 лет и женщины всех возрастов. Это опять же говорит о том, что целью горских набегов был не захват военнопленных, а порабощение гражданских лиц.

3. Согласно данным ведомостей горцы практически не брали в плен мужчин боеспособного и пожилого возраста. Это объясняется тем, что пленники отбирались по степени их беззащитности, а значит удобства для набежчика. Дети до 12 лет составляли приблизительно **50-60%** от всего количества плененных, так как являлись наиболее «удобными» рабами.

4. Еще одна закономерность, связанная с целеполаганием набежчиков, такова. Если горский отряд был велик и при нападении на российское селение чувствовал себя безнаказанно, то возрастной диапазон пленниц раздвигался от грудных детей до 70-летних старух. Если же партия набежчиков была малочисленна, то горцы стремились взять пленников поменьше, но «покачественней». То есть не брали совсем маленьких детей (до 5 лет), мужчин боеспособного возраста и женщин «негаремного» типа (старше 18 лет, а значит потерявших девственность в замужестве, что значительно снижало стоимость такой пленницы при продаже).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.50. Л. 8-28.
2. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.50. Л. 8-8 об.
3. Здесь и далее по обстоятельствам данного нападения см.: ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.591. Л. 2-45об.
4. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.591. Л. 19.
5. Там же. Л. 2-5об.
6. ГАСК. Ф.79. Оп.1. 1090. Л.44-44 об.
7. Там же. Л. 73об.

ОБ УЧАСТИИ АРМЯНСКИХ ДВОРЯН, МЕЩАН И КУПЦОВ В ВЫКУПЕ ЛЮДЕЙ ИЗ ГОРСКОГО ПЛЕНА (ПО МАТЕРИАЛАМ 20-40-Х ГОДОВ XIX ВЕКА)

Реальностью северокавказской повседневности первой половины XIX в. было воровство людей. Немало человеческих судеб было исковеркано практикой «пленопродавства», а потому перед российской администрацией стояла задача пресечь такого рода деятельность и помогать тем несчастным, которые оказались в горском плену. Одним из способов освобождения был выкуп, который осуществлялся как на государственные деньги, так и на частные средства. В последнем случае жертвователи поощрялись правительством различными наградами и ставились в пример как образец христианского милосердия и человеколюбия. Среди них было немало армянских купцов, которые в силу специфики своей деятельности имели возможность вызволять невольников и возвращать им свободу. Об этом свидетельствуют документы, которые хранятся в Государственном архиве Краснодарского края.

Так, 19 января 1821 г. на имя Командующего Отдельным Кавказским корпусом А.П. Ермолов обратился нахичеванский мещанин Семен Сарибашев (Шарабашев) с просьбой отметить его службу. В частности, он писал, что «прошлого 1818 года марта месяца подавал я прошение бригадному командиру г. генерал-майору Дебу с приложением в оригиналах аттестатов данных мне от бывшего командира Вологодского пехотного полка полковника Петерикова №952, а последний Войска Черноморского Войскового атамана подполковника Матвеева №1882-го и свидетельства Усть-Лабинского карантина №109-го препровожденных к Вашему Высокопревосходительству, относительно выкупа из плена от горских народов из собственности моей, того же года июня в 18-й день, унтер-цейхофицера 10 класса Зивьелова, в 1810-м году без возврату издержанных мною денег, Кубанского казачьего полка Воровсколесской станицы казак Котляров, в 1811-м Войска Донского Краснова полка казак Моисей Молдованов, мною

лично покойному генерал-майору Киреву доставленный, а в 1816-м году Черноморского войска казак Андрей Болдырев. За каковое самопроизвольное пожертвование, по предписанию Вашего Высокопревосходительства, от 20 января прошлого 1819 года №60-й имел счастье получить посредством бывшего командира 19-й пехотной дивизии генерал-майора Дельпоццо благоволение Вашего Превосходительства с объявлением, что за неоднократное мною оказываемое в пользу службы усердие, не останусь я без награждения» [1].

Эти заслуги не остались без вознаграждения, судя по той расписке, которая сохранилась в деле. Датируемая 30 октября 1822 г. «дана сия от меня нижеподписавшегося господину генерал-майору и кавалеру Власову 3-му квитанция в том, что присланную при повелении Его Высокопревосходительства корпусного командира господина генерала от инфантерии и кавалера Алексея Петровича Ермолова от 19-го прошедшего сентября №172-м Всемилостивейшее пожалованную мне золотую медаль с надписью «За усердие» на Анненской ленте я от него господина генерал-майора Власова получил и следуемые в пользу инвалидову сто рублей ассигнациями деньги теперь взносил. В чем подпишусь.

На армянском языке значит: Семен Шарабашев нахичеванский армянин своеручно» [2].

И это был не единичный случай. В 1843-1845 гг. шла переписка «о представлении нахичеванских и закубанских армян 8-ми человек к золотым медалям и к ордену Св. Станислава 3-й степени, за человеколюбивые подвиги, именно за выкуп на их собственность из за Кубани 66 человек русских пленных». Попавшие в плен «при разорении укреплений» на Восточном побережье Черного моря, они были выкуплены «3-й гильдии купцом Егором Минаевым Черкесовым

Из укрепления Вельяминовского иеромонах Паисий.

Черноморского линейного №5-го батальона раненый унтер-офицер Деомид Михайлов, рядовой Степан Федоров.

Азовского казачьего войска казаки: Яков Вирченко, Степан Панасенко, Дмитрий Мельниченко.

Черноморского линейного №5-го батальона унтер-офицер Иван Чередников, рядовой Федор Яковлев, Илья Пахомов.

Навагинского пехотного полка унтер-офицер Пильщиков.

Тенгинского пехотного полка унтер-офицер Конон Диденко и рядовой Григорий Степанищев.

3-й гильдии купцом Емельяном Борисовым Хазезовым

Азовского казачьего войска хорунжий Григорий Корсун, казак Лукьян Ткаченко.

Черноморского линейного №5-го батальона рядовые Ян Новицкий, Алексей Смирнов, Никифор Касяков.

Навагинского пехотного полка рядовые Феодосий Скороходов, Илья Масар.

Армянином Карпом Черчановым

Черноморского линейного №5-го батальона прапорщик Дмитрий Луговский, унтер-офицер Баркаль, рядовые Леонтий Швец, Трофим Лачугин, Кондрат Антонов.

11-й гарнизонной артиллерийской бригады №3-го роты канонир Никита Тимофеев, той же бригады №4-го роты канонир Василий Карнаухов.

Черноморского линейного №? рядовой Александр Дубина.

Азовского казачьего войска казак Павел Иванченко.

Армянином Якимом Алексеевым Красильниковым

Черноморского линейного №1-го батальона прапорщик Станислав Ниминский, рядовые Марко Крот, Елисей Топчиев, Петр Матвейчук.

Черноморского линейного №5 батальона унтер-офицер Пацсауренко.

Нахичеванский дворянин Иван Мануилов Шаганов

прапорщик Николаев, рядовые Федор Сарачинский, Егор Ефимов.

Тенгинского пехотного полка рядовые Ларион Черкасов, Авраам Ефименко, Александр Растатурин.

Нахичеванский купеческий сын Вартирес Панасов Чекманов

Афанасий Тарасник

Черноморского линейного №4-го батальона унтер-офи-

цер Наум Григорьев, рядовые Николай Ефименко, унтер-офицер Иван Фарафонов.

Черноморского линейного №5-го батальона прапорщик Цакли.

11-й Гарнизонной артиллерийской бригады 3-й роты Атленгер (?) Сидор Калуческий.

Карабет (по-русски Карп) Афанасьевич Чекмаков 3-й гильдии купец нахичеванский. Этот самый усердствовал выкупать от горцев наших пленных» [3].

Далее следовал еще один список выкупленных невольников:

«Капрелом Хачадуровым
1. Петр Бутковский – Войска черноморского
Тенгинского пехотного полка
2. унтер-офицер Тихон Черпахин
Навагинского
3. рядовой Петр Брянц
Азовского казачьего войска
4. казак Григорий Могилка
Навагинского пехотного полка
5. рядовой Иван Дурнев
Черноморского линейного №4 батальона
6. рядовой Прокофий Кравчук
Мелконом Хачедуровым
Черноморского линейного №4 батальона
7. унтер-офицер Сидор Гуртовый
Иванесом и Егором Мисировыми
8. священническую жену Екатерину Филиппову».

Кроме того, Капрел Хачадуров выкупил у горцев «церковный напрестольный крест» [4].

Факты передачи пленных документально фиксировались. 31 ноября 1838 г. была выдана квитанция «жительствующему за Кубанью армянину Капрелу Хачадурову в том, что он Хачадуров добровольно и без всякого возмездия отпустил от себя жителя города Екатеринодара из малолетков казака Петра Бутковского, выкупленного им на собственность свою у закубанских

народов, коими захвачен он в плен в апреле месяце сего года, в дистанции Великолагерного поста, которым доставлен ко мне 7-го числа сего ноября при донесении Екатеринодарского частного карантина за №872-м. В удостоверении чего выдать сие от меня за подписью и Войсковою печатью. Наказной атаман Войчска черноморского генерал-майор Завадовский» [5].

Ему же выдали свидетельство «в том, что в 1838 г., он, от одного христианского соревнования купил у горцев церковный напрестольный крест, заграбленный ими с прочими вещами с судна подвергшегося крушению в том году при берегах Черного моря, каковой крест он Хачадуров и доставил к нам. Таковой похвальный поступок армянина Хачадурова подписью моей и печатью удостоверяю. Екатеринодар, мая 17 дня 1840 года. Командующий Черноморскою Линиею, генерал-майор Завадовский» [6].

В уведомлении, датируемом 11 октября 1844 г., сообщалось, что «господин дежурный генерал Главного штаба Его Императорского Величества от 28 июня №5567, уведомил г. Корпусного командира, что государь император по всеподданнейшему докладу отношения его высокопревосходительства №13, всемилостивейшее соизволил пожаловать нахичеванским четырем купцам 3-й гильдии и одному мещанину в прилагаемом списке поименованным за человеколюбивые их поступки серебряные медали с надписью «За усердие», для ношения на шее на Владимирской ленте» [7].

Как следует из дальнейшего пояснения, «купцам 3-й гильдии 1. Керопу Черчопову, 2. Емельяну Хозезову, 3. Влади-

миру Чехмахову, 4. Акиму Красильникову медали лично возложены и свидетельства вручены 2-го ноября 1844 г.

Мещанину Егору Черкесову медаль лично возложена и свидетельство вручено 2-го ноября» [8].

И в дальнейшем, генерал-майору Рашпилю 10 апреля 1845 г. был представлен следующий рапорт: «В последствии приказа по Корпусу от 31 декабря 1844 года №178, представляя при сем вашему превосходительству три золотые медали с надписью «За усердие», для ношения на шее, на Владимирской ленте, всемилостивейшее пожалованные нахичеванским жителям 3 гильдии купцам: Ованесу Миасерову, Карпу Чехмахову, и закубанскому армянину Егору Миасерову, имею честь покорнейше просить приказать выдать оные по принадлежности вместе с прилагаемыми.

Ованесу Миассерову и Егору Миассерову медали со свидетельствами вручены лично 19-го и 20-го апреля. Карпу Чехмахову отослали в Нахичеванский армянский магистрат для вручения» [9].

Такого рода свидетельства наглядно демонстрируют не только тяготы и испытания кавказского порубежья, но и достойные похвалы человеческие качества российских подданных, независимо от их национальности. Ощущая себя частью единого Отечества и готовые оказать помощь страждущим, они находили в этом поддержку и одобрение со стороны властей, всячески поощрявших подобные инициативы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАКК.Ф.249. Оп.1.Д.802.Л.1-1 об.
2. Там же. Л.24.
3. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1731. Л.1-4.
4. Там же. Л.5-5 об.
5. Там же. Л.6.
6. Там же. Л.11.
7. Там же. Л.37.
8. Там же. Л.42.
9. Там же. Л.46.

«РУССКИХ ЖЕ ПЛЕННЫХ В ГОРАХ ПРОЖИВАЕТ МНОГО...» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ ИЗ ПЛЕНА И РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ГОРСКИХ НАБЕГОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ 30-Х ГГ. XIX В.)

Одной из забот российской администрации на Северном Кавказе были усилия, направленные на освобождение попавших в неволю соотечественников. Горский плен был одним из обыденных явлений пограничной повседневности, от которой не был застрахован ни один человек. При набегах разорялись хозяйства поселян, и это также требовало от властей шагов по оказанию помощи потерпевшим. Эта сторона кавказских реалий наглядно представлена в переписке барантовых Комиссий, распределявших материальную компенсацию среди утративших свое имущество в результате набега, и в отчетах карантинных застав, занимавшихся опросом вышедших или выменянных из горского плена российских подданных.

В предписании от 10 ноября 1832 г. ген.-м. Завадовского барантовой комиссии, действовавшей в Екатеринодаре, говорилось, что «в разрешение рапорта ко мне барантовой Комиссии от 7 ноября за №1405 предлагаю из числа назначенных оною Комисиею 488 руб. во удовлетворение жительки г. Екатеринодара казачки Ксении Твердовской за заграбленные у мужа ея казака Андрея Твердовского закубанскими хищниками в прошлом 1830 году (в другом документе 1820 г. – Ю.К.) рогатый скот и имущество выдать означенной казачке Твердовской сто шестьдесят рублей за распискою, которые и внести в общий о претензиях список о расходах» [1].

Данная сумма далеко не покрывала ущерб, нанесенного казачьей семье от рук набежчиков. В имеющемся свидетельстве, выданном «города Екатеринодара жителю 5 квартала отставному казаку Андрею Твердовскому», говорилось, что «действительно, закубанские хищники прошлого 820 года, не припомним какого месяца и числа при набеге на пределы Войска Черноморского заграбили у него с хутора... все хозяйственное имущество на сумму 500 р. и рогатого скота восемь пар

волов, стоящих каждая пара по 150 р., две пары худших по 100 р., двадцать коров, каждая по 40 р., восемь трехлетних быков, каждый по 208 р., пять двухлетних по 10 р., семь однолетних по 6 р., лошадей мерина 6 лет... всего на сумму три тысячи сто двадцать рублей, причем взята была в плен жена его Ксения и 2-е малолетних детей, которые в последствии времени выкуплены от них. Семейство его Твердовского ныне состоит с четырех душ, а именно жены Ксении 1-й, детей сыновей Ивана 12, Мусия 8 и дочери Мавры 4 лет, а имение заключается в жилом доме одном, волов рабочих 4, коров с телятами 2-х, лошади одной. В чем подписями нашими удостоверяем. Казаки Андрей Дубалей, Иван Шевченко, Максим Кваша, Матвей Головко, Семен Лебедь, Николай Розен и Никита Чухрай, а вместо их неграмотных подписал казак Антон Гайдак» [2].

Следует подчеркнуть, что любая компенсация сопровождалась тщательной, даже, как представляется, излишне бюрократизированной проверкой. Потерпевшие должны были представить многочисленных свидетелей, о чем говорилось в предписаниях барантовой комиссии. Только после этого они могли рассчитывать на долгожданную помощь. Как правило, это происходило спустя многие годы после происшествия. Вот один из многочисленных примеров такого разрешения: «Барантовой Комиссии в городе Екатеринодаре учрежденной. Поданное мне жителькою города Екатеринодара вдовою казачкою Ефимиею Снежевскою прошение о заграбленном у нея в 1820 году закубанскими хищниками 30 штуках рогатого скота, на сумму 650 рублей и свидетельство, данное ей от жителей города Екатеринодара в справедливости сей жалобы, при сем в барантовую комиссию оригиналами препровождая, предлагаю удовлетворить казачку Снежевскую за объясненный скот возможною частию из баранты или денег, имеющейся в ведении комиссий. Октября 1831» [3].

Сама барантовая Комиссия скрупулезно фиксировала все истраченные средства в ведомостях [4]. И эти, видимо далеко не полностью сохранившиеся отчеты, наглядно демонстрируют весь масштаб набеговой экспансии, который обрушился на российских поселян.

Получивший помощь от государства давал соответствующую расписку, примерно следующего содержания: «1831 года января 4 дня я нижеподписавшийся дал сию расписку барантовой Комиссии в городе Екатеринодаре учрежденной, в том, что за потерпение мною от закубанских хищников разорение прошлого 1829-го года февраля 3-го числа получил я от оной Комиссии в удовлетворение свое противу претензий из закубанских овец полагая каждую по пять руб.: одну овцу из наличной суммы четыре рубля восемьдесят шесть копеек всего на сумму девять рублей восемьдесят шесть копеек, в том и подписываюсь. Куреня Елизаветовского казак Кирило Губарь. А вместо неграмотного подписал урядник Чорный» [5].

В случае выкупа или обмена российских пленных каждый из них должен был рассказать об обстоятельствах, при которых оказался в неволе, и о том, где он содержался в горах. Эта информация позволяла властям более эффективно разрабатывать меры по пресечению горских хищничеств и предоставляла шанс узнать о судьбах людей, захваченных набежчиками. Примером такого рода опросного листа являются показания, данные черноморской казачкой Матроной Хандрумайловой, которая «1836 года января 6 дня доставлена при донесении Екатеринодарской карантинной конторы от 5 января за №21 в дежурство Черноморской линии вымененная от черкес из-за Кубани...». Она свидетельствовала, что «зовут меня так точно, как выше значится, лет от роду 30-ть, веры православной, у исповеди и причастия святых таен ежегодно бывала, уроженни от отца Павла и матери Селевновых, Войска Черноморского жительна города Екатеринодара, назад тому, не припомню какого числа, в июле месяце прошлого 835 года в первый день Петрова поста я имела отлучку по собственной надобности для нарубки хвороста, в Черном лесе, воротясь оттуда, минувши Елизаветинский курень расстоянием, как полагать, верст 4-ре от онаго вдруг ,неизвестно где взялись, 5 человек пеших шапсугов схватили, а ехавшая со мною женщина, по имени и призвании неизвестна, скрылась в камыш, тем спаслась, а меня увезли с собою за Кубань в горы. В ауле мне неизвес-

тном, а называемом Абазсхский, проживши в оном полтора месяца, после того продали далее в горы армянину и двум черкесам абазсхам же, мне неизвестным, за две штуки рогатого скота и медный котел, пробывши в них до того времени, пока явились в горы покупатели русских пленных и армянин Иванес, который, купивши, доставил меня на Екатеринодарский меновой двор. Что же касается до чумной заразы и других болезней в горах, я не заметила и о намерениях горцев напасть на границы наши каких либо сборищ я не видела, русских же пленных в горах проживает много. Я видела, что справедливо показала в том и подписываюсь» [6].

Иногда удавалось обменять своих пленных на захваченных горцев. Подобная практика была одним из факторов, подталкивающих российскую власть применять репрессалии против «немирных» соседей. В этом случае обмен мог быть произведен на выгодных российской стороне условиях, как видно, например, из рапорта командующего Черноморской линией ген.-м. Штейбена на имя наказного атамана Войска Черноморского ген.-м. Завадовского от 25 января 1836 г.: «На отношение вашего превосходительства, от 24 сего января за №198, имею честь уведомить, что доставленные черкесом племени вардане Османом Заевым два наших пленных один казак, а другой анапский переселенец, выменены вчерашнего числа за плену черкешенку по имени Дубу и находятся ныне для очищения в Екатеринодарском Центральном карантине» [7].

Смотрители меновых дворов даже получали специальные предписания, которые обязывали их собирать соответствующую информацию о возможности подобных обменов [8]. Например, 8 февраля 1836 г., смотрителю Екатеринодарского менового двора сотнику Зекрачу напомнили, что он имеет распоряжение начальства «о объявлении закубанцам променивать наших пленных на черкес обоего пола, взятых в плен войсками нашими, и содержащиеся в г. Екатеринодаре, но о последнем по сему я не получаю от вас донесение, почему подтверждаю вам по предмету сему употребить ваше старание

и о последующем доносить мне. При сем прилагаю список кто каких из пленных черкес имеет родственников за Кубанью, которые по родству должны преимущественно заботиться к выкупу их» [9].

Еще об одном примере подобного удачного обмена свидетельствует донесение ген.-м. Штейбена от 9 февраля 1836 г. Обращаясь к наказному атаману, он сообщал, что «Екатеринодарская карантинная контора при донесении своем от 7-го сего февраля за №191 препроводило ко мне вымененных от черкес из плена за находившуюся у нас в плену одну черкешенку Войска Черноморского казака Кондрата Коваленка и Орловской губернии Ливенского уезда селения Карамишовки помещика Николая Шеншина, крестьянина Евстафия Кольцова» [10].

Со слов одного из освобожденных Евстафия Кольцова, стали известны обстоятельства его злоключений. Он поведал о том, что «в 1834 году в феврале месяце прибыл я в крепость Анап для поселения, и по зачислении меня там в анапские поселенцы, находясь в крепости, поступил по найму в работники к жившему в Анапе купцу Александру Беляеву, у коего был около шести месяцев. Во время нахождения моего еще у помещика я изучен был искусству врачевания, а потом у бывшего хозяина моего Беляева я часто занимался сим предметом. Однажды с дозволения хозяина я пошел в лес для собирания нужных трав, где вместе с другим товарищем моим, занимаясь каждый своим делом, отдалились мы несколько от военного прикрытия. Скрывавшиеся в то время в лесу три конные черкесских хищника мгновенно бросились на нас, изранив товарища моего шашками, схватили нас обоих и потащили в лес, и хотя находившиеся в прикрытии солдаты и казаки бросились было отбивать нас, но хищники успели утащить нас с собою. Попавшись таким образом в плен к черкесам, я находился у них более полтора года и в течении сего времени по перепродажи был у многих владельцев, коих имена и прозвания забыл; наконец поступил я к черкесу Хотяк, живущему в местечке Абазах близ Имеретии, а у сего последнего хозяина

моего купил меня один черкесский князь Осман, живущий недалеко от того места, и доставил вместе с другим русским пленным казаком на Екатеринодарский меновой двор для промена» [11].

Для оказания помощи претерпевшим от горского плена им предоставлялись различные льготы. Так, упомянутому «казаку 5 пешего полка куреня Батуринского Кондрата Коваленка, находившагося в плену у закубанцев до шести лет, во уважение претерпеннаго им там изнурения» решено было оставить «его свободным от службы по 1-е января будущего 1837 года» и разрешить «находиться в разных местах войска Черноморского для заработков, с тем, чтобы он по окончании сего времени явился в полк на службу» [12].

В начале марта 1836 г. поступили сведения о том, что в результате обмена удалось вызволить «у закубанцев жену хорунжего Яроваго Любовь, и Войска Черноморского 5-го конного полка казака Павла Новака» [13]. Еще через несколько дней командующему Черноморскою линиею доносили, что «выменянного на здешнем (Екатеринодарском. – Ю.К.) меновом дворе от черкес из плена Войска Черноморского 4-го конного полка казака Кирилла Диденка карантинная контора по выдержании им 14-дневнаго карантинного наблюдения к Вашему Превосходительству имеет честь препроводить, докладывая при том, что вещи его надлежащим образом очищены, и он сам по освидетельствовании медика оказался здоровым» [14].

А в конце марта при Мостовом Алексеевском укреплении выменяли казака Войска Черноморского 4 конного полка Захария Гудея [15].

Процедура обмена зачастую была сложной и запутанной. Администрации не раз приходилось ломать голову, действительно ли пленник был доставлен благодаря стараниям того или иного благодетеля, или же своим освобождением он обязан собственным усилиям. Удивляться этому не приходится, т.к. освобождение невольников было занятием прибыльным, а потому и возникали ситуации, наподобие той, о которой со-

общалось в донесении командира 20-й пехотной дивизии на имя наказного атамана Войска Черноморского от 30 ноября 1836 г.: «Из представленной при донесении командовавшего 1-ю бригадою полковника Сверовского от 31-го августа сего года за №1395, относительно выбежавшего из плена от горцев рядового Навагинского полка Юзефа Сажинского переписки, видно, что рядовой сей выкуплен прапорщиком Бесленеем Аббатом взамен бывшего в Войске в плену из черкесских дворян Кочезок Шеретлук, взятого в оной в 4 части кардона; напротив сего помянутый Сажинский утверждает, что никем выкуплен не был, прапорщика Бесленея вовсе не видал и не знает, а выбежал добровольно в 1834 году в половине Великого поста и явился на Ольгинский кордон к неизвестному казачьему офицеру» [16].

Из опросных листов можно узнать еще об одном способе освобождения пленников – с помощью российских лазутчиков из числа местных жителей. Так, «1836-го года апреля 1 дня представленная при донесении Екатеринодарской карантинной конторы находившаяся в плену у черкесов солдатка Аграфена Тропинина в дежурстве Черноморской линии была вспрашиваема и показала.

Зовут и прозывают меня как выше значится, веры христианской, от роду имею 27 лет, замужем нахожусь я 9 лет. Муж мой Иван Петров Тропинин, с которым я имела жительство в Кавказской области в селении Подгорном, был взят в рекруты в 1831 году, незадолго перед тем как я попалась в плен, и поступил на службу в Херсонский гренадерский полк, находившейся в Грузии, но жив ли он теперь и где находится, сведения не имею.

В том же году, оставшись без мужа, я находилась в заработках в селении Карамаке, и как в то время была жнива, то я занималась работою на поле недалеко от того селения, как в один день набежавшие туда закубанские черкесы взяли меня в плен с другими жителями, бывшими на поле, всего 12 душ обоего пола. В плену у черкес находилась я около 4-х лет у разных владельцев, выбежала же от них при содействии одного

черкеса, пожелавшего меня освободить, который, приехавши ночью ко двору моего владельца, взял и провел меня до Ольгинского укрепления. Жительство желаю я иметь в Кавказской области Георгиевского уезда в селении Подгорном, где живут и родственники мои...» [17].

Надо отметить, что подобный поступок «одного черкеса» был далек от альтруизма и зиждился на вполне конкретной коммерческой выгоде. Как доносил в своем рапорте на имя ген.-м. Завадовского командир 11-го конно-казачьего полка, войсковой старшина Пшекуй Могукоров, «лазутчик Сельмен Бзассо прибыл сегодня к Ольгинскому посту и объявил мне, что 16 числа истекшего марта доставил из Закубани женщину, показавшую себя солдатскою женою Аграфиною Тропининою, взятою горцами в плен назад тому 4-й год из полевых работ Кавказской области близ селения Подгорницкого, которая за отсутствием моим для карантинного очищения отправлена в вверенного мне полка есаулом Заводовским в Екатеринодарский центральный карантин того же числа и вместе с тем рапортом №302-го донесено Вашему Превосходительству, в коем хотя и показана она проданною им Сельменом прапорщику Бесленей Аббату, но он таковой ему не продавал и ныне просит взамен оной выдать ему из пленных черкешенок девку или женщину.

О чем Вашему Превосходительству сим донося имею честь покорнейше просить в разрешение сего повеления» [18].

Между тем информация о все новых и новых пленниках, которые бежали или были выкуплены у горцев продолжала разрастаться. 4 апреля 1836 г. из Екатеринодарской карантинной заставы сообщали о «вымененных на здешнем меновом дворе от черкес из плена Полтавской губернии Лофицкого уезда Белогорельской волости из селения Ярошевки казака Ивана Говенько и Бессарабской области уездного города Аккермана жителя Николая Чабана...» [19].

11 апреля 1836 г. начальник Елизаветинского поста представил «выбежавшего из плена от горцев вчерашнего числа и

перевезенного через Кубань каюком на нашу сторону вверенной ему дистанции Елисаветинского поста человека русской породы, называющегося себя анапским жителем Николаем Андрусенком, взятым в плен черкесами с отряда выходившаго с крепости Анапа на фуражировку в последних числах сентября прошлаго 1833 года» [20]. Как оказалось в дальнейшим, с его оформлением произошла ошибка, и беглец на самом деле был Иван Иванов Петренко [21]. Но подобные казусы вполне понятны, если учитывать то количество людей, которые выходили из черкесской неволи.

Спустя пять дней появилась информация о «выбежавших от черкес из плену препровожденных командиром 8-го конного полка, Степана Федорова и Ивана Андреева, показывающие себя крестьянами: первый – Саратовской губернии города Вольска купца Алексея Сапожникова, а последний – Войска Донского войскового старшины Ивана Кузнецова...» [22].

И уже в конце апреля сообщалось о «вымененных на здешнем меновом дворе Войска Черноморского сотником Посполитаки находившихся в плену у черкес ростовского мещанина Дмитрия Лебедева и беглого солдата Навагинского пехотного полка Емельяна Мальцова...» [23].

Очередной случай был связан с выкупом казаков, оказавшихся в плену во время отражения прорыва хищнической партии. Черноморцы не пропустили неприятеля, но поплатились за это ранами и потерянной свободой. В рапорте Екатеринодарской карантинной конторы от 16 июня 1836 г. на имя командующего Черноморскою линиею так описывались произошедшие события: «вымененных на здешнем меновом дворе от черкес из плена казаков: Григория Жука и Степана Фенька, по выдержании 14 дневного карантинного наблюдения и по надлежащем очищении их вещей, Екатеринодарская карантинная контора, как по освидетельствовании медика оказавшихся первый совершенно здоровым, а последний больным от нанесенной черкесином шашкою на правой руке раны. Григория Жука при сем Вашему Превосходительству

имеем честь препроводить, а Фенько вместе с сим отослан для пользования раны в Черноморский войсковой госпиталь. Докладывая при том что казаки сии взяты в плен 17-го прошлого мая днем, при набеге конных более 20-ти человек черкес по ниже Маломарьянского поста в тамошнем куте на 2-м пикете в бытность их там с товарищем их же в карауле, где переправили черкесы поименованных 2-х казаков за Кубань вплавь на черкесских лошадях, а товарища их, тяжело раненого, оставили на поле сражения. В плену находились с 17-го прошлаго мая по 2-е число сего июня. Из плена же выменяны 2-го июня...» [24].

20 июня 1836 г. из Геленджикской крепости докладывали о неком выбежавшем «от черкес прошлого апреля 7-го числа, показывающего себя прежде взятом в плен войска Черноморского из куреня Ивановского Андрея, не помнящего прозвания, а по вспросе оказавшегося Федором Шевченком...» [25]. Остается лишь догадываться о возможных причинах сокрытия казаком своего подлинного имени. Возможно, за ним числились какие-то проступки, и он хотел таким образом уйти от наказания.

Настоящую «одиссею» пережил еще один беглец, сумевший ускользнуть из неволи. В отчете Екатеринодарской карантинной конторы Командующему Черноморскою линиею говорилось о выбежавшем «от черкес из плена Екатеринославской губернии Новомосковского уезда казенного селения Голубовки поселянина Григория Коваленко, Екатеринодарская карантинная контора по выдержании им 14-дневнаго карантинного наблюдения и по надлежащем очищении его вещей, как по медицинскому ос-

М.Ю. Лермонтов. Нападение

видетельствованию оказавшегося здоровым при сем к вашему превосходительству имеет честь препроводить. Докладывая при том, что означенный Коваленко находился по найму с законным паспортом в матросах на судне Св. Николай, принадлежащем херсонскому купцу Данилу Капухину, отправившемся из города Таганрога в российскую крепость Бомборы в октябре месяце с казенным провиантом, доставляемым в оную крепость Бомбора по подряду ростовского купца Беляева шхипером того судна херсонским мещанином Никитою Матвеевым, сыном Косенком, он же и Журба. Каковое судно непопутною погодою носимо было в Черном море 12 дней, и напоследок, когда на оном судне сорвало ветром паруса и сделалось на нем повреждение, то тогда оно прибилось к черкесскому берегу, находящемуся при минайскому (?) урочище, где шкипер остановил судно, для починки на якорь, и там он Коваленко с прочими его товарищами и шхипером взят при набеге черкес в плен 5-го ноября прошлого 1835 года, а судно разбито и вынесено с провиантом в море. Паспорт его Коваленко находится у черкес. В плену он находился с 5-го ноября 1835 по 9 июня 1836 года у абазехского народа, откуда выбежал на здешнем меновом дворе 9 числа сего июня» [26].

Из рапорта командира 34 флотского экипажа от 27 сентября 1836 г. мы узнаем о судьбе еще одного матроса 2-й статьи Евстафия Прокофьева, который, будучи «у черкес в плену... добровольно выбежал... с двумя черноморскими казаками и одним калмыком в городе Екатеринодаре» [27].

Казак Захарий Артеменко «в плен взят при набеге черкес 30 апреля 1836 года с казачьей команды, находившейся при Анапском отряде, следовавшем из крепости Анапы в черкесские леса для рубки дров, и в плену находился с того числа по 26 сего июня у натухайского народа» [28]. Вернуть его домой удалось благодаря обмену, совершенному «на здешнем меновом дворе».

Схожие истории произошли с «10-го конного полка казака Степана Бережного взятого в плен в июне месяце на разъезде, доставленного в действующий отряд на обмен пойманного черкеса» (документ датируется 23 сентября 1836 г.) [29], с выбежавшим

казаком Пашковского куреня Романом Чирвой, который «взят в первых числах августа месяца сего 1836 года близ селения Елизаветинского (оно же и Тимашовка) днем при набеге черкес... выменян... на пленную черкесскую девочку и 60 пудов соли» [30].

Были случаи, когда на русскую сторону выходили пленники, многие годы прожившие среди черкес. Похищенные в детстве, они плохо помнили факты своей биографии, но сохраняли при этом привязанность к своему Отечеству и вере. Уже упоминавшийся Екатеринодарский карантин в августе 1836 г. доносил, что «выбежавший из-за Кубани на здешнем меновом дворе, показывающий себя русским человеком по имени Макаром, а по черкески Тлимаф с женою своею Кохан, поступил в Екатеринодарский карантин... Выходец сей в снятом с него показании объясняет, что он в плен взят черкесами в малолетстве назад тому лет 20-ть, как о сем чуть только может помнить, будто бы с хуторов принадлежащих Усть-Лабинской станице, по имени его здесь звали Макаром, отца его Павлом, а двух же старших братьев первого Харитоном, а другого Давидом, но фамилии не помнит, мать его до взятия еще в плен умерла и он имени ея не знает. Черкесы же называли его Тлимаф. Со времени взятия его в плен он находился в крестьянстве у абазехского простого черкесина Естлаша Тахахо, где и женился назад тому третий год на крестьянке Тахахо, Кохан. А выбежал на здешний меновой двор 22-го минувшего июля. По незнанию им русского языка он желает водвориться на всегдашнем жительстве в Гривенском черкесском ауле. Во всю бытность его у черкес в плену он исполнял религию по магометанскому закону, а теперь желает принять, по-прежнему, Греко-российское исповедание» [31].

В октябре 1836 г. ген.-м. Завадовскому доносили, что «канцелярия Анапского коменданта при отношении от 4-го октября №208 в сие правление препроводила доставленного Анапским временным карантином к г. Анапскому коменданту выбежавшего из гор, бывшего в плену у горцев с малолетства Ивана не помнящего родства, с женою черкесскою Афизою и детьми их, сыном Деменекою, дочерьми Хайчагошь (?) и Тлихан для зависящего распоряжения из отобранного же в присутствии времен-

ного правления 10-го числа сего октября явствует, что звать его, как выше значится, и по черкески Гасан, отроду 28-ми лет, был прежде русской, как слышал от черкес, ибо по взятии в плен, был он препродаваем от одного к другому, и при сем том случае продавший покупателю, называл его русским, отколь он родом и как его имя, не помнит, ибо захвачен черкесами племени бзедухов в самом сущем малолетстве, последнее жительство имел у сапсугов, в ауле Абазах, женился назад тому 8-мь лет в ауле Везерен на черкешенке Хафеза, коей лет 23, прижил с нею детей: Ачелошь (?) 6-ти, Гачехан (?) 2 ½ и сына Деманука ½ года, желает ныне поселиться в одной из татарских деревень, состоящих в Черномории впредь пока приучится к русскому наречию. Временное правление, отослав при открытом листе, вышедшего из гор человека с семейством, объясняющего себя русским, не в роде арестанта в город Екатеринодар к Вашему Превосходительству, о чем сообщая, покорнейше просит распорядиться о розыске, не принадлежит ли сей выходец Черноморскому войску, ибо, как из показания его видно, что он взят бзедухами, кои имеют жительство противу Екатеринодара, что же по розыску окажется, уведомить от себя штаб Командующего войсками на Кавказской линии и Черномории, а равно о прибытии его в Екатеринодар, сие прошение уведомлением» [32].

Счастье улыбнулось и выбежавшему 15 октября 1836 г. «от черкес из плена» казаку, который называл «себя уроженцем Кавказской области Каменобродской станицы по имени Михайло, фамилии не помнящий» [33].

Вышеперечисленные свидетельства далеко не исчерпывают всей полноты фактов, которые наглядно демонстрируют масштабы горского хищничества. В такой ситуации говорить о возможности исключительно мирного обустройства южной окраины страны не приходилось. Российская власть вынуждена была применять силовые методы борьбы с набежчиками как наиболее эффективными в подобных условиях. Если же российские подданные оказывались в руках «людокрадов», приходилось идти на их выкуп или обмен, чтобы не оставлять в беде несчастных соотечественников.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1222. Л.58.
2. Там же. Л.63.
3. Там же. Л.67.
4. Там же. Л.84 об.-104.
5. Там же. Л.113.
6. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1487. Л.2-2об.
7. Там же. Л.7.
8. Там же. Л.9-9об.
9. Там же. Л.9.
10. Там же. Л.15.
11. Там же. Л.16-16 об., 20.
12. Там же. Л.19-19 об.
13. Там же. Л.23.
14. Там же. Л.26.
15. Там же. Л.45.
16. Там же. Л.40.
17. Там же. Л.48-48 об.
18. Там же. Л.50-50 об.
19. Там же. Л.53.
20. Там же. Л.56.
21. Там же. Л.61, 64.
22. Там же. Л.57.
23. Там же. Л.73.
24. Там же. Л.79-79 об.
25. Там же. Л.82.
26. Там же. Л.84-84 об., 89.
27. Там же. Л.118.
28. Там же. Л.96 об.
29. Там же. Л.113.
30. Там же. Л.136 об.
31. Там же. Л.103-103 об., 106.
32. Там же. Л.127-127 об., 129.
33. Там же. Л.131.

К ВОПРОСУ О МЕРАХ КАВКАЗСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ГОРСКИХ ХИЩНИЧЕСТВ В 30-Е ГОДЫ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАСК)

Болезненной проблемой, с которой сталкивались российские власти на Северном Кавказе в обозначенный период, были горские набеги. Они, прежде всего, преследовали цель получения добычи, и чем удачнее был грабитель, тем большим почетом он пользовался у соплеменников. Пресекать подобную практику удавалось не всегда, а потому возникла необходимость реабилитации жертв горского «молодчества». С этой целью действовали т.н. барантовые комиссии, в задачу которых входило наделение пострадавших либо скотом, отбитым у «немирных горцев», либо деньгами, полученными за его реализацию. Но на практике деятельность таких комиссий была неэффективна, и это наглядно демонстрируют шаги властей, направленные на поддержку населения Кизляра, пострадавшего от набега Кази-муллы в 1831 г. В задачу данной публикации, прежде всего, входит введение в научный оборот новых свидетельств о жизни в условиях порубежья в период существования российско-северокавказского кризиса первой половины XIX века.

В качестве примера можно привести судьбу мелкого чиновника, коллежского секретаря Иосифа Харитоновича Подгорного, чье имущество было разграблено в трагический для кизлярцев первый день ноября 1831 г. [1]. Из в целом сумбурного изложения тем не менее видно, какие бюрократические препоны приходилось преодолевать, чтобы получить компенсацию за понесенный ущерб, сколько инстанций контролировали данный процесс. В письме на имя Главноуправляющего в Грузии, на Кавказской линии и Черномории генерал-адъютанта Г.В. Розена от 18 февраля 1835 г. он так поведал о своих мытарствах: «Хотя прошлого 1834 года августа 6-го числа и утруждал я, Ваше Высокопревосходительство, прошением моим во отношении удовлетворения меня из барантовой суммы, собранной господином генерал-майором и кавалером

Горыфостовым с мирных чеченцев и кумык до 16000 рублей в крепости Грозной хранящихся, за ограбленное с дому моего прошлого 1831 года ноября 1-го дня горскими хищниками имущества при нашествии их на Кизляр. По которому прошению после давало в резолюции от Вашего Высокопревосходительства предписание к исправляющему должность областного начальника от 18 октября истекшего года, в коем приказать изволите.

1) если я действительно претерпел на означенную сумму от горских хищников разорение, и точно нахожусь в бедном положении, как я объяснял Вашему Высокопревосходительству, то оказать к поддержанию меня возможное из барантовой суммы пособие, в противном случае объявить мне о причинах, почем я наравне с прочими должен взять терпение, пока представится возможность

2) во исполнение таковой воли Вашего Высокопревосходительства Первое отделение областного управления кизлярскому полицейскому управлению от 31-го октября прошлого 1834-го года №1693-го предписало объявить мне сей предмет, который 14-го ноября полициею и объявлен.

А с тем вместе от оного отделения сообщено в штаб войск Кавказской линии и Черномории на зависящее от оного распоряжение. Означенный же штаб приступая к исполнению воли Вашего Высокопревосходительства и в следствии приказания господина Командующего на Кавказской линии и Черномории данного дежурному оного штаба офицеру подполковнику Лещенку, который запрашивал Ставропольскую барантовую комиссию, какое сделано распоряжение к удовлетворению меня по прежним предписаниям. И на сие от 20 декабря №206 истекшего года от оной комиссии получил уведомление, что как в оной не имеется столько суммы, чтобы меня вместе с другими жителями города Кизляра удовлетворить, которые претерпели грабеж на значительные тысячи, то претензия моя останется и поныне без вознаграждения, которая должна быть удовлетворена тогда, как предоставится к тому возможность. Прежде же, то есть 5-го декабря 1832 года,

в число претензии моей отдан мне кизлярским комендантом при удовлетворении прочих жителей один бычок и две овцы, в 20 рублей. А потому от штаба оного кизлярскому коменданту подполковнику Фрею от 22 января №50 сообщено было согласно воли Его Превосходительства об отзыве Ставропольской барантовой комиссии объявить мне о чем от 8-го февраля №58, от здешнего коменданта повесткою мне и объявлено. Но сего по прямому смыслу справедливости недостаточно. Потому, 1-е, что воля Вашего Высокопревосходительства во всей точности буквально не выполнилась, 2-е в том, что не забрана справка от коменданта о бедности моей, равно и о долге, кому и какую суммою я состою именно до 1500 рублей должен, а только сведении забрато с барантовой комиссии, что во оной денег на удовлетворение меня не имеется. 3-е Пособия мне с суммы барантовой с числа 13000 рублей (ранее упоминалась сумма в 16000. – Ю.К.), в крепости Грозной хранящейся, не дано и 4-е но одна воля Областного начальника господина генерал-лейтенанта и кавалера Вельяминова сверх воли Вашего высокопревосходительства только выполнена к одному моему притеснению, а вместо пособия к совершенному меня разорению сей предмет клонится, и в то еще время, когда сумма барантовая, налицо находится без росту процентами не отданная в кредитное установление, а разоренный я и прочие жители чеченцами и кумыками терпят бедность и не удовлетворяются в крайностях нынешнего положения. Я же должен проживать и последнее мое состояние малозначущие, ибо одна моя по сему делу переписка на бумагу гербовую, и в пользу почт, весовые более 20 рублей мне уже стоит.

А по таковым вышеобъясненным, стекшимся со стороны не удовлетворительным обстоятельствам местного правительства, приемлю смелость и вторично утруждать Вашего Высокопревосходительства особу моею всенижайшею просьбою, не оставить приказать о моем долге Кизлярскому коменданту подполковнику Фрею забрать по объяснению моему от моих кредиторов справку, и потом, когда оная окажется справедливая, тода донесть о сем предмете генерал-майору и кавале-

ру Коханову на предмет сим выдачи мне с барантовой суммы девятьсот девяносто пять рублей денег, для расплаты с моими кредиторами. В отношении моего беспрепятственного моего с Кизляра в Россию выезда на жительство, а сим и отвращено может быть нынешнее мое с кредиторами положение. К усмотрению же Вашего Высокопревосходительства при сем поднесть честь имею присланную мне от господина коменданта повестку, в разрешение данного ему по сему предмету от штаба отношения о неудовлетворении меня, коим я остался недоволен. Потому что воля Вашего Высокопревосходительства есть сокрыта от меня и остается без формального и буквального выполнения» [2].

На этом хождение по инстанциям для И.Х. Подгорного не закончилось. Не помогли даже непосредственные распоряжения барона Г.В. Розена. И дело здесь не только в неэффективности административной машины, хотя данный факт также нельзя сбрасывать со счетов. Удовлетворить справедливые требования пострадавших от набегов не было физической возможности. Каждый раз приходилось делать нелегкий выбор, кому в первую очередь оказывать помощь, ведь число пострадавших от хищничеств не убавлялось. Так, в обращении к начальнику Кавказской области от 3 июня 1836 г. сам Главноуправляющий в Грузии, на Кавказской линии и Черномории писал: «Исправлявший должность начальника Кавказской области генерал-майор Таубе, в следствие предписаний моих к нему о вознаграждении коллежского секретаря Подгорного за ограбленное у него хищниками имущество доносит мне, что хотя претензия подгорного найдена правильною, но по неимению в настоящее время барантовой суммы нет никакой возможности к доставлению ему просимого вознаграждения, и что хотя и была в 1835 году в сборе таковая сумма, но преимущественно роздана разграбленным хищниками казакам линейных полков. Почему поручаю Вашему Превосходительству приказать объявить о сем просителю Подгорному, имея между тем претензию его в виду для удовлетворения оной при первой возможности» [3].

В конечном итоге, коллежскому секретарю удалось получить часть требуемой суммы, но она не покрыла всех его потерь. Иосифу Харитоновичу передали 40 штук рогатого скота, оценив его в полторы тысячи рублей. Но реально он выручил от продажи лишь 708 рублей, к тому же потратил «более 200 р. как на проезды, на поверенного, на корм и прочее...». В этой связи начальнику Кавказской области было разъяснено и рекомендовано следующее: «Хотя полковник Катенин... доносил мне, что оценка скота (в 1500 р.) предназначенного на удовлетворение Подгорного сделана гораздо выше настоящих цен, но усматривая из собственного изъяснения Подгорного, что скот тот продан за 700 р. я предлагаю Вашему Превосходительству объявить просителю, что издержки его, при сем случае сделанные, в счет не приемлются и вознаграждены быть не могут и что прочие лица, гораздо более его потерпевшие от хищников доныне или вовсе не получили никакого возмездия, или удовлетворены самым ограниченным количеством, по неимению к тому способов. Следовательно он, Подгорный, имея преимущество пред другими, должен быть доволен тем, чем уже воспользовался. Впрочем во внимании к страданиям его от болезни, я прошу Ваше Превосходительство, доставить Подгорному, если предоставится возможность, удовлетворение в остальном иске...» [4].

Видимо, все эти беды, свалившиеся на Подгорного, подкосили здоровье Иосифа Харитоновича. Финал его жизни сложился трагично. Это видно из следующего письма, написанного уже его супругой, Марфой, на имя начальника Кавказской области: «Из объявленного мне, Кизлярским городовым полицейским управлением отношения общего управления Кавказской области 1-го Отделения от 21-го июля 1837-го года № 650-м усмотрела я великодушие ваше и сострадание к болезненному состоянию мужа моего, отставного коллежского секретаря Подгорного и посему осмеливаюсь прибегнуть к покровительству и милости Вашего Превосходительства и с глубочайшим моим почтением доложить, что не более месяца вторичный припадок случившийся с мужем моим лишил его другой руки и

ноги и он остается подобен древу только однако ж еще дышущь и в таком состоянии влекутся дни злополучия как его, так и моего, ибо мало того, что угнетаемся, он болезнию а я беспрерывным присмотром за ним, но еще и недостаточным состоянием своим, которое едва доставляет пропитание, ежели же прервется нить дней сего несчастного мужа моего, то по сущей справедливости как пред истинным Богом открываюсь вашему Превосходительству и похоронить тела его не на что будет, сжальтесь Ваше Превосходительство на таковое наше бедствие и хотя ради спасения души своей повелите барантовой комиссии для сего несчастного семейства, выслать остальной наш иск, каковым благодеянием Ваше превосходительство по гроб жизни моей предоставите остаться Вашего Превосходительства покорнейшей слугою. Марфа Подгорная» [5].

Идя навстречу бедственному положению семьи Подгорного, барантовой комиссии было дано распоряжение «ускорить исполнение предписания».

Но, увы, в этой истории финал оказался далеко не счастливый. Даже те крохи, которые могли облегчить последние дни страдальца, он не получил. В канцелярию Общего управления Кавказской области поступило указание, «сделать распоряжение, к объявлению коллежскому секретарю Иосифу Подгорному, что претензия его о вознаграждении за ограбленное в 1831 году имущество удовлетворена быть не может, ибо барантовая комиссия по совершенно незначительному состоянию на лица барантовой суммы, на основании предписания господина корпусного командира от 14 октября 1838 года за № 10842-й, закрыта, и все претензии простиравшиеся на сумму до 658 рублей остались по сему случаю без всякого удовлетворения» [6].

История коллежского секретаря всего лишь один из примеров того, как хищничество ломало человеческие судьбы. И таких, как И.Х. Подгорный, было множество. В том же деле упоминаются другие кизлярцы, лишившиеся собственности во время погрома города.

Его жертвой стал провизор М. Грабовский. В послании Г.В. Розена начальнику Кавказской области от 8 сентября 1836

г. говорилось, что «Содержатель в Кизляре аптеки провизор Михайло Грабовский прислал мне прошение о понесенном им разорении в 1831-м году, во время нападения на Кизляр горских хищников, разграбивших аптеку его на сумму 8153 руб. 30 коп. ассигнациями, в коей жалуется, что, хотя он объявил о сей претензии местному начальству, и оная передана для удовлетворения в Ставропольскую барантовую комиссию, но он до сего времени не получил никакого вознаграждения.

Предлагаю Вашему Превосходительству потребовать от Барантовой комиссии объяснение, в каком положении находится дело о претензии провизора Грабовского, и если таковая признана правильною, то какое к удовлетворению его сделано распоряжение и имеет ли Комиссия в настоящее время способы сделать Грабовскому вознаграждение, и таковое объяснение доставить ко мне, а Грабовскому прикажите объявить о причинах, по коим претензия его остается без удовлетворения» [7].

Еще одна просьба поступила от крестьянина Грязнова. Г.В. Розен писал: «Нижегородской губернии Горбатовской округи помещичий крестьянин Григорий Грязнов в присланном ко мне прошении, описывая потеренное им в 1831 году разорение от набега хищников на ватаги в Кизлярском округе состоящие, где он производил рыболовство, и изъясняя, что по произведенному о сем исследованию и по прошению его Вашему Превосходительству, хотя предложено Барантовою комиссии об удовлетворении его Грязнова, однако он до сих пор ничего не получает – просит моего покровительства.

Препровождая при сем подлинником прошение, предлагаю Вашему превосходительству сделать к удовлетворению Грязнова, если претензия его справедлива, надлежащее распоряжение и о последующем мне донести. Грязнову же приказать объявить, что медленное удовлетворение его происходит от неимения баранты» [8].

Вдова губернского секретаря Чегеринцева просила возместить ей 3418 руб. 50 коп., коллежский регистратор Александр Григорьевич Баратов, служащий в Кизлярском таможенном надзоре, оценивал сумму компенсации в 2642 руб. и т.д.

Вообще надо отметить, что кавказская администрация тщательно подходила к оценке ущерба, понесенного от горских набегов. Для подтверждения своих прав на компенсацию пострадавшие подвергались многочисленным проверкам, вынуждены были проходить не один круг «бюрократического ада». Вот отрывок из одного официального документа по этому поводу: «Ставропольской барантовой комиссии. Донесение 31 декабря 1837 г. №79.

Господину исправляющему должность начальника Кавказской области.

Ни одна из претензий жителей, разграбленных при набеге на Кизляр в 1831-м году горских хищников, барантовою комиссиею правильною не признана, кроме тех, которые состоят в списке, составленном кизлярским местным начальством и находящемся в штабе войск Кавказской линии и в Черномории. Хотя многие из жителей представляли при прошении свидетельства Кизлярского полицейского управления, удостоверяющие правильность такового разграбления. Однако соображения комиссии доказывали, что в общем списке, в штабе находящимся, претендатели не состоят» [9].

Помимо ноябрьских событий 1831 г., в деле упоминаются и другие случаи хищничеств, за которые пострадавшие просили материальную реабилитацию. Например, ставропольские мещане Василий Пересыпкин и Евстафий Рязанцев поведали следующую историю: «14-го сентября партия горских хищников, разъезжавшая на Русской речке в недалеке от станицы Рожественской напала на отправленных нами для продажи по станицам и селениям картофель и других продуктов, перваго из нас сына Ивана 23-х лет и второго брата Павла Пересыпкина 22-х лет изрубили и притом ограбили, у первого бывшие при нем для покупки баранов 50 руб. Разграбили мешок садовых груш 2 руб., разметали везшаго им картофеля на 4 руб. Всего причинили убытку на 42 рубли; и у последняго порезали упряжь стоющую 16 рублей. Разметали картофеля примерно одну четверть на 4 руб. и пограбили бывшия при нем два рубли серебром.

Доводя о сем до сведения Вашего Превосходительства покорнейше просим предписать, кому следует, за порубленных родственников наших Ивана Рязанцева и Павла Пересыпкина, как имевших узаконенные на прием в службу лета, на основании существующего в Кавказской области законоположения, выделить нам зачетные рекрутские квитанции, а пограбленные деньги, продукты и другие вещи во уважение претерпеваемой нами бедности удовлетворить или деньгами или барантою по благоусмотрению Вашего Превосходительства.

До того же пока будут выданы нам просимые зачетных квитанций, семейства наши, и в особенности Евстафия Рязанцева, состоящая на очереди, освободить от рекрутской повинности в предстоящий набор рекрутский, и на сие удостоить милостивейшею резолюциею. 29 сентября 1836 г. Ставрополь» [10]. После согласования в соответствующих инстанциях было принято решение удовлетворить эту просьбу.

В октябре 1838 г. к начальнику Кавказской области обратился новый главноуправляющий генерал-лейтенант Е.А. Головин. Он писал: «В выписке всеподданнейшим просьбам, сообщенным мне для зависящего распоряжения при предписании господина военного министра от 4-го мая за №3027, прописана просьба Моздокского жителя Никиты Подъячева о том, что в 1822 году, в бытность маркитантом в крепости Грозной, он ограблен Тегиром, старшиною деревни Алды на 9100 руб. ассигнациями, и что генерал-майор Греков обещался вознаградить его из неприятельской добычи, но и до сего времени это не сделано, отчего он находится в крайней бедности и просит вознаграждения.

Комиссия, рассматривавшая в Тифлисе Всеподданнейшее прошение, в высочайше утвержденном заключении, по просьбе Подъячева, положила: «передать Главноуправляющему, дабы по удостоверению в справедливости показаний просителя, можно было бы доставить ему вознаграждение, из существующей в кавказской области баранты, добычи с горцев, употребляемой на вознаграждение претерпевших убытки от их нападений не смотря на то, что описываемое им несчастие случилось 17 лет тому назад».

И.Н. Занковский. Кавказ. Наблюдательный пост

Уведомляя ваше Превосходительство о сей просьбе, прошу Вас истребовать от Барантовой комиссии и доставить мне, подробное сведение, имеется ли ввиду по делам ея претензия Подъячева и не сделано ли ему какого вознаграждения, буде же по делам Барантовой комиссии об оной неизвестно, в таком разе распорядиться собрать удостоверение, в действительности описываемого происшествия чрез начальство Сунжинской линии и о последствиях со всей подробностию меня уведомить» [11].

Многочисленные прошения, удовлетворить которые власти были не в состоянии, лишь затрудняли работу канцелярских органов. В конечном итоге приняли постановление вообще закрыть барантовую комиссию. Информация об этом содержится в распоряжении исправляющего должность областного начальника губернатора Семенова в его послании Кавказскому областному правлению от 16 июня 1839 г. Оно гласило: «Разные лица, находящиеся в Кавказской области, беспрестанно обременяют г. Главноуправляющего в Грузии и Начальника Кавказской области просьбами об удовлетворении их барантовою комиссиею за разграбленное горскими хищниками в разное время. Нередко просители за сделанными им уже на первые просьбы объявления о невозможности удовлетворить претензии их по неимению в Комиссии ни денег ни баранты, пропустив несколько времени после объявления им, повторяют свои просьбы вновь и тем восстановляют только в канцеляриях излишнюю и бесполезную переписку.

В сем уважении господин начальник области представлял господину Главноуправляющему в Грузии об уничтоже-

нии Ставропольской барантовой комиссии, так как в оной не имеется ни денег, ни баранты, и к приобретению этого не представляется возможность.

На это представление последовало от его превосходительства Евгения Александровича (Головина. – Ю.К.) разрешение, с поводу которого Барантовая комиссия уже уничтожена, а потому и все претендатели остались без удовлетворения по неимению к этому средств.

Препровождая при сем засвидетельствованный список всем таковым претендателям, я предлагаю Областному правлению сделать распоряжение к объявлению об этом значущимся в оном лицам, с тем, чтобы более никто из них не обременял начальство новыми по этому предмету просьбами, которые будут уже оставляемы без разрешения» [12].

Как видно из представленных свидетельств, у кавказской администрации не хватало средств, чтобы поддержать пострадавших от действий хищников. Потери от набегов были гораздо больше, нежели получали российские власти в результате устраиваемых репрессалий. Жителям пограничья оставалось рассчитывать преимущественно на себя, а государственные органы, как представляется, расписались в своем бессилии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С.381-382.
2. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.1530. Л.6-7.
3. Там же. Л.25-25 об.
4. Там же. Л.38-38 об.
5. Там же. Л.42-42 об.
6. Там же. Л.143 об.-144.
7. Там же. Л.48-48 об.
8. Там же. Л.94-94 об.
9. Там же. Л.90.
10. Там же. Л.72-72 об.
11. Там же. Л.138-139.
12. Там же. Л.140-141.

«ТОТ МАЛЬЧИК ОКАЗАЛСЯ НЕ ЕГО СЫН...»: ШТРИХИ К СУДЬБЕ ДЕТЕЙ-ПЛЕННИКОВ

Суровые реалии северокавказского порубежья первой половины XIX столетия сломали не одну человеческую жизнь. Документальные свидетельства этой эпохи отражают привычную для современников картину горских набегов, грабежей, похищений людей. Беспощадные жернова набеговой экспансии, которую порой пытаются выставить как «национально-освободительную и антиколониальную борьбу горских народов», перемалывали судьбы не только солдат и казаков, сдерживающих алчный натиск любителей хищнической наживы, но и людей, далеких от военной службы. Они несли свой крест за то, что им выпала судьба жить на этой беспокойной окраине империи. Особенно наглядно весь драматизм ситуации раскрывают истории детей, похищенных из родного дома и нередко навсегда пропадающих на чужбине. Об одном из таких эпизодов сохранились материалы в Государственном архиве Ставропольского края, фонды которого содержат немало примеров людских трагедий.

В октябре 1835 г. Кавказский гражданский губернатор Максим Максимович Таубе получил прошение «Пятигорского округа вотчины Его Сиятельства господина генерала от инфантерии графа Михаила Семеновича Воронцова слободы Александровки уполномоченного атамана Алексея Руденкова», в котором излагалась просьба разобраться в запутанной истории, связанной с похищением ребенка одного из местных поселян. По словам атамана, «в прошлом 1832-м году в вверенной мне слободы Александровки у малороссийского крестьянина Николая Кипенкова ездившими по улицам оной слободы для продажи груш, не известно какого аула мирными черкесами увлечен в плен малолетний сын Кондрат, имевший тогда отроду четыре года, о чем доведено было до сведения правительства или земской полиции» [1].

Ситуация была сама по себе примечательной. Горцы, заявлявшие о своих мирных намерениях и приехавшие торго-

вать в российское поселение, не считали зазорным украсть ребенка. Становится понятно, почему у российской стороны т.н. «мирные» черкесы вызывали чувство справедливого негодования. Стоит ли удивляться, что после подобных инцидентов власти вынуждены были отселять их аулы подальше от российских поселений, как это, к примеру, сделал А.П. Ермолов с Трамовым аулом [2].

Однако вернемся к рассматриваемому примеру. Известному своей жесткой и бескомпромиссной борьбой с горскими набегами барону Г.Х. Зассу, сумевшему освободить немало российских невольников, в 1833 г. привезли мальчика, который «вместо родного сына был отдан здешнего округа села обильного казенному жителю Федору Коровину. Коровин же после рассмотрел, что тот мальчик оказался не его сын, а взял оного по ошибке». Об этом крестьянин поспешил уведомить Земский суд. Было проведено расследование и «по случаю разных доказательств тот мальчик в начале прошлого 1834 года отдан... крестьянину Кипенку за родного сына по елику он оказался совершенно сходственным с приметами его сына (черкесами увлеченного) Кондрата, причем с него Кипенкова Коровин взыскал за разные проволочки случившиеся при получении от г-на полковника Засса того мальчика ассигнациями тридцать шесть рублей денег, в чем от себя дал и расписку».

Казалось бы, ситуация благополучно разрешилась. Переживший нелегкие испытания мальчонка, наконец-таки, вновь вернулся под родительский кров и был «Кипенковым признан за родного сына, то оный и воспитывался у него в доме, а потому и при подаче ревизских сказок нынешней 8-й ревизии под №320-м тот мальчик записан в семействе оного Николая Кипенкова родным ему сыном». Однако судьба приготовила ему новый удар.

Вскоре после проведенной ревизии «города Пятигорска господин комендант полковник Жилинский предписанием своим от 27-го минувшего мая за №504-м оного мальчика востребовал в город Пятигорск и без всякого следственного

дела по отобрании от Кипенкова отдав оного Григориполисской станицы казаку Хрусталеву, тогда же и такого же возрасту, сын тоже горцами увлечен в плен, а потому он Хрусталев и признает его за своего родного сына».

Не сумев решить данный вопрос на своем уровне, атаман Руденков просил гражданского губернатора вмешаться и «учинить законное расследование, и буде казаку Хрусталеву отдан г. полковником Жилинским отобранный от крестьянина Кипенка мальчик по ошибке, то от него отобрать и отдать сему Кипенкову, буде же справедливо, и мальчик, казака сын, то о исключении оного по сказкам 8-й ревизии из крестьян господина моего и о удовлетворении Кипенкова 36-ю рублями жителю Коровину уплаченными, а так же и убытками, при столь неурожайном времени в пропитании того мальчика девяносто рублями понесенными, тоже сделайте ваше законное распоряжение...» [3]. Читая подобные документы, поневоле задумаешься, что же больше тревожило Николая Кипенкова, благополучие возможно родного ему ребенка или затраченные на него средства? Суровая борьба за выживание видимо приглушала родительские чувства, и мальчик поневоле становился предметом торга взрослых, озабоченных понесенными на него тратами.

В.В. Верещагин.
Продажа ребенка-невольника

Между тем, 9 декабря 1835 г. от «Пятигорского окружного начальства» последовали разъяснения, «что наказной атаман Верзилин... известил, что вывезенный

в 1834 году к полковнику Зассу из плена от горцев мальчик, ошибкою г. Зассом отданный слободы Воронцовки крестьянину Кипенку, есть сын Григориполисской станицы казака Хрусталева. Основываясь на сем требовании г. Верзилина действительно я вызвал из слободы Воронцовки того мальчика и отдал ему Хрусталеву» [4].

По этому вопросу 25 апреля 1836 г. пришло разъяснение и от самого атамана Верзилина. В нем говорилось, что «представленные ко мне при донесении командира Кубанского казачьего полка подполковника Рота от 8-го числа апреля за №788, показания Григориполисской станицы отставного казака Сидора Дикого и казачки Агафьи Дехтеревой, удостоверяющих, что вывезенный в прошлом 1833 году из плена от горских народов мальчик по имени не Кондрат, а Яков, действительно есть сын казака Хрусталева» [5]. Это были соседи казака Хрусталева, которые, указывая на особые приметы мальчика, подтверждали его подлинное имя и принадлежность к семье их станичника.

Удивляет, что ни в одном из случаев не были зафиксированы показания матери ребенка, которая, наверно, и спустя год сумела бы опознать собственное дитя. Увы, как сложилась судьба Кондрата, узнать так и не удалось. Он стал еще одной жертвой горского хищничества, сгинувшего в неволе...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.189. Л.1.

2. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Под ред. и с послесловием В.Б. Виноградова – Ессентуки, 1999. – С.76.

3. ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.189. Л.1об.-2.

4. Там же. Л.5.

5. Там же. Л.8.

ХИЩНИЧЕСТВО В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАСК)

Среди угроз, существовавших на Северном Кавказе в первой половине XIX в., были набеги, которые в документах того времени часто назывались хищничеством. Обусловленные социально-культурными особенностями местных народов, они являлись дестабилизирующим фактором, затрудняющим формирование русско-северокавказского единства, во многом провоцировали эскалацию конфликта между имперской властью и туземным населением. Официальная переписка тех лет пестрит сообщениями об убийствах, грабежах, пленопродавстве. Все это позволяет прийти к выводу, что пресечение подобных действий, помощь пострадавшим от набежчиков являлись одной из важнейших обязанностей кавказской администрации, вынужденной искать способы по реабилитации жертв горского «молодчества».

Вот один из обыденных примеров подобной практики, которую ряд исследователей хотят представить как партизанские действия в антиколониальной борьбе [1]. В конце марта 1832 г. на имя начальника Кавказской области статского советника Василия Васильевича Швецова пришел рапорт, в котором содержался отчет об очередном происшествии, связанном с набегом хищников. Местный окружной начальник докладывал, что «вчерашнего числа, то есть 28 марта, утром шайка хищников, человек двенадцать, вышедшая из аулов Дженбулуково, ногайцев, не в отдале селения Безопасного на почтовом тракте напав на проезжавшего из С.-Петербурга в Тифлис статского советника Челяева с находившимися при нем сотником фон Шульцом, разграбив все его имущество, и высадивши с коляски взяли обоих в плен, а также почтовых лошадей и ямщика в плен; на большом же тракте, поранив двух отставных солдат, и отправились в бегство по речке Егорлыку. В то самое время в проезд мой чрез селение Преградное, быв извещен о сем происшествии и собравши несколько человек, вооруженных жителей, отправились преследовать, давая во

М.А. Зичи. Месть

все селения знать о подаче пособия... Жители селения Безопасного с помощью гарнизонного офицера Сорочинского с несколькими солдатами достигли хищников на Безопасненской степи, сделали перепалку, где с нашей стороны ранили жителя селения Безопасного Ивана Горбунова в левое плечо пулею, которая осталась в оном, и один солдат команды партионного офицера. Со стороны хищников убита одна их лошадь и один из них ранен. Подошедши к хутору г. Шебякина крестьянина его, Максима, поранили, который сего числа от того помер, а малолетний мальчик Егора Шебякина крестьянина взят в плен. Не доезжая Новотроицких хуторов ехавшего навстречу жителя селения Безопасного Василия Зубанова изрубили в смерть, а сын его взят в плен. После того по приближении к селению Новотроицкому встречены жителями оного и военною командою... добыча отбита, хищники обратились в обратный путь между селениями Донского и Московского по замечанию намерения обратиться на аулы Джембулуковских татар...» [2]. Такие последствия имели действия относительно небольшой хищнической партии. Когда отряд был многочисленнее, последствия могли быть куда кровавее. Целые селения вырезались, грабились и уводились в неволю [3].

Страдало от таких «традиционных ценностей» не только славянское население. 10 августа 1832 г. Ставропольский окружной суд получил отчет от исправляющего должность частного пристава в Малодербетовском улусе штаб-капитана Ленкевича о произведенном им следствии «о нападении

горскими хищниками на калмык Малодербетовского улуса, кочевавших в марте месяце на реке Калаус». Тогда «борцы за свободу и независимость» в результате грабительского налета «изрубили 21 го, увезли в плен 27 и ранили 6 человек» [4].

Стать жертвой грабежа мог и высокопоставленный чиновник, и простой крестьянин. Это наглядно представлено в происшествии, случившемся в октябре 1830 г. и описанному в донесении Управления штаба командующего на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани к начальнику Кавказской области. В нем сообщалось, что «по словесному уведомлению генерал-майора барона Ренненкампфа Штабу, сему сейчас сделалось известно, что 17 числа сего месяца партия закубанцев в числе двадцати человек напала на обоз Его Превосходительства близ селения Бешпагир, и после нескольких выстрелов из ружей разграбила оный совершенно и удалилась. За нею впоследствии хотя и было преследование, но весьма слабое по причине малоконных собравшихся для того жителей, ибо военного поста при оном селении не находится по случаю перевода дороги на другое место. При разграблении хищниками обоза убито с нашей стороны 3 и тяжело раненых 5 человек разного звания людей, при обозе следовавших. После сего офицер князь Бебутов от него генерал-майора барона Ренненкампфа, посланный из Ставрополя для узнания о происшествии сем, доносит ему, что он 18 числа сего месяца не доезжая 5 верст до Бешпагира встретил крестьянина, уходившего от нападающих на него хищников, коих указал ему, человек до двадцати, вероятно, той же самой партии разбившейся на многие отделения, производящие в разных местах убийства и грабежи, о чем Штабу сему сделалось известно тоже по одним слухам, а донесений официальных он ниоткуда не имеет еще.

Вследствие словесного уведомления господина генерал-майора Ренненкампфа обстоятельствами Штаб господина командующего войсками имеет честь довести до сведения Вашего Превосходительства и покорнейше просить сделать зависящее от вас распоряжение о приостановлении, если мож-

но, на время столь опасное от набегов хищнических выезд из города проезжающих всякого звания людей и о взятии нужной предосторожности в окрестностях города» [5].

Сохранились сведения о том, что свой интерес в набеговом промысле имели и некоторые представители местных властей. Не без корысти они покрывали грабителей, имея от них определенное вознаграждение. По мере возможности таких проходимцев старались разоблачить и подвергнуть справедливому наказанию. Большой резонанс весной 1831 г. получило дело об убийстве «близ урочища Барантулуг» русских извозчиков, следовавших из Царицына в Ставрополь. Расследование, длившееся недопустимо долго, все же привело к разоблачению одного из приставов, замешанного в данном преступлении. В предписании командира Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головина от 28 июля 1840 г. к командующему войсками на Кавказской линии и Черномории П.Х. Граббе говорилось, что «из обстоятельств сего дела видно, что хищники, сделавшие сказанное злодеяние, проезжали как на хищничество, так и обратно с добычею во второй половине марта месяца 1831-го года, промежду аулов Калауско-Джемболуковских ногайцев, которых видели все почти аульные жители, но никто не смел делать им какого либо препятствия, тем более преследования за ними. Напротив хищники находили по желанию пристанище и доброхотное снабжение их пищею. Что вожатыми при них находились абреки, или беглые ногайцы, из роду Карерюмовского Менглисан и Казакай, участвовавшие вместе с ними в злодеяниях и которые безбоязненно въезжали в аулы для получения продовольственных припасов. Что эфендий Карерюмовского народа Медет Каратаев, как из некоторых показаний видно, явное имел сношение с хищниками и получал от них в подарок лошадей через означенных абреков и которого сильное влияние на народ, было главною причиною, что жители опасались не токмо преследовать, но даже и объявлять местному своему начальству о появлении хищников. Что первым объявителем о злодеяниях был экономический крестьянин Московской губернии Иван Васильев,

следовавший вместе с разбитым обозом, но отставший в 120 верстах от места происшествия по своей надобности, который потом, догоняя обоз и увидя следы бедствия, не останавливаясь, поскакал вперед и приехав часу в 10 утра в первый аул, называемый по имени главного жителя Сафьянов, рассказал ногайцам, что видел и просил проводить его к приставу, находившемуся тогда в Константиновке. Но жители не только не сделали никакого предприятия к открытию и преследованию хищников, но с явным намерением проволочили время до самого вечера и тогда поехали с ним, но не в ту сторону, а в противную, чем навели на него страх и заставили скрыться от них, пользуясь темнотою ночи, после чего он прибыл в с. Петровское и уже на другой день с жителями оного явился к приставу, бывшему на тот раз в ауле Сафьянове. Что пристав Андющенков, извещенный уже о происшествии, принял Васильева весьма дурно, бранил и укорял его в сообществе с убийцами, а более того за огласку происшествия, грозил ему тюрьмою и содержал несколько дней под караулом, стараясь между тем скрыть участие ногайцев, и не сделал должного распоряжения к открытию и преследованию хищников, о вторжении которых еще прежде сего имел он достоверное сведение. И напоследок, что следователи по сему происшествию гражданские чиновники Сапожников и Четвериков, при производстве настоящего дела обще с депутатами с военной стороны, допустили неизвинительную медленность, не согласия в общем действии ... тогда как требовалось деятельных розысков и преследования виновных и подозрительных людей, которые между тем имели время и возможность скрыть следы своего преступления. В этом отношении также виновны бывшие приставы Джемболуковских ногайцев Андрющенко и Саблинский, Любимов, участвовавшие по производству следствия вместе с помянутыми чиновниками».

Вникнув в обстоятельства этого дела, П.Х. Граббе предлагал «1-е) за ограбленный хищниками товар, на сколько оного в недостатке окажется взыскать с жителей Сафьянова Ажа и других Джанда-Шекли и Кондагузли к коим принадлежали

абреки Менглисан Аубекиров и Казай Абелькиримов, и удовлетворить обиженных; 2-е) с них же взыскать и выданные по сему делу на прогоны из казны деньги: лекарю Лебедеву, ездившему для освидетельствования изрубленных извозчиков, 36 руб. и депутатам: майору Репину, капитанам Фальковскому и Левисону и штабс-капитану Сабанину, 193 руб. 80 коп. всего 229 руб. 80 коп. 3-е) Поступки гражданских чиновников Сапожникова, Четверикова и Любимова подвергнуть рассмотрению судебного места. Что же касается до бывшего приставом Калауско-Джемболуковских ногайцев титулярного советника Андрющенкова, обвиняемого по следствию в сокрытии участия с хищниками ногайцев, то участь его предает на мое благоусмотрение, во внимании, что он удален от должности с 1831-го года и задерживается до ныне в г. Ставрополь и 4-е) Военных депутатов майора Репина, капитана Фальковского и штабс-капитана Сабанина взысканию не подвергать, по уважении давности времени и потому, что от них, как военных офицеров, нельзя требовать знания в делопроизводстве».

На это Е.А. Головин высказал собственную точку зрения, которая в целом совпала с предложениями командующего войсками на Кавказской линии и Черномории: «Соглашаясь во всем с мнением Вашего Превосходительства, я однако ж не могу изъять от ответственности титулярного советника Андрющенкова, поступки которого, по званию пристава Калауско-Джемболуковских ногайцев, более, нежели других чиновников, подлежат обсуждению законному, а потому прошу Вас, милостивый государь, подвергнуть оныя вместе с поступками других гражданских чиновников рассмотрению судебного следствия, по прочим же предметам мнение Ваше привесть в исполнение...

При чем не излишним считаю заметить, что в настоящем положении дела не менее оказываются виновными и жители аула Егинда-Шекли, место пребывания эфендия Медета, уже умершего, который сильно обвиняется в сношениях с хищниками, имевшими в этом ауле пристанище и продовольствие, и потому не найдете ли, Ваше Превосходительство, справедливым подвергнуть и оный взысканию...» [6].

Как видно из обстоятельств данного происшествия, в тугой узел с набеговым промыслом переплелись преступное использование чиновниками своей должности с целью наживы, служебная халатность и традиция круговой поруки. В целом же следует признать данный случай не характерным для северокавказских реалий первой половины XIX столетия. Тогда имена набежчиков, как правило, оставались неизвестны и проходили под абстрактным определением – хищники.

Между тем история о погроме обоза имела свое продолжение, и, как оказалось, некоторые из упомянутых чиновников были замешаны в других преступных действиях.

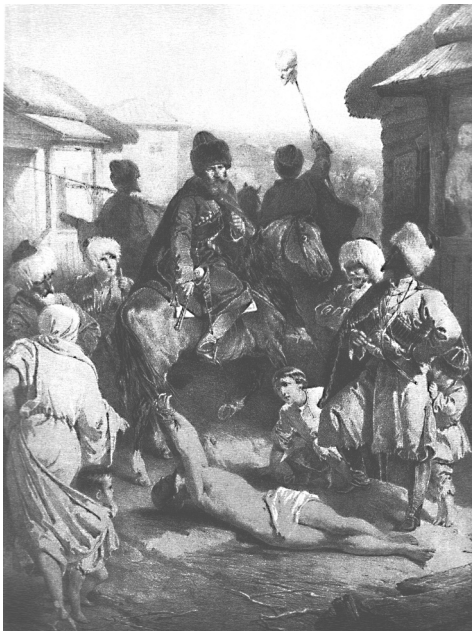
После произошедшей трагедии, расследование которой затягивалось, начальник Кавказской области ген.-л. Вельяминов отправил разобраться в случившемся двух следователей – Окружного Предводителя дворянства Худобашева и майора 43 Егерского полка Аблова. Алексею Александровичу, среди прочего, стало известным, что из Ставропольской тюрьмы были выпущены подозреваемые в совершенном преступлении, и он потребовал узнать обстоятельства данного решения. Полученные сведения обескураживали. Следователи в своем рапорте сообщали, что «относительно ж освобождения из под стражи содержавшихся прошлого 1831 года осенью ногайцев, так как предмет сей совершенно почти был закрыт давним временем, то не иначе могли мы открыть истину... как самим же временем 30-го июля прибыв из аулов в город Ставрополь узнали, что содержащиеся здесь под стражею ногайцы не могут открыть нам истины. И потому то мы тогда ж признали за нужное, не приступать к спросу их, а между тем изыскивали средства, каким бы образом убедить сей народ к открытию истины. Предположение нами, мы уверены были, могли бы сбыться тогда ж, но г. дежурный штаб-офицер Лещенко отношением его от 22-го числа августа преждевременно заставил нас приступить к вспросу тех ногайцов, и за сим оказалось то, что те ногайцы в показаниях их ни в чем нам не сознались. После ж того, когда предположения наши возымели свое действие, то те же самые ногайцы, вспрошенные вновь, в

сходство учиненного нами на 17 число сентября постановления открыли всю истину. По новым показаниям их оказалось, что при выпуске их из-под стражи на поручительство действительно сбор денег был и именно с первых 24 человек меситовских, в числе коих были карсюрумские и канлынские, вышло по восьмидесяти рублей, а с последних 24 карсюрумских и двух меситовских по сто шестнадцать, что и составило всей суммы четыре тысячи девятьсот тридцать шесть рублей. Деньги сии употреблялись на освобождение их из под стражи, по ходатайству из них же самих Главным поверенным по всем делам ногайцев муллою Беист Коевым, который по убеждению нашему в учиненном сознании показал, что собрано со всех тех 50 человек ногайцев вышеизъясненную сумму денег отдавал лично: бывшему окружного суда судьи Фостикову две тысячи четыреста рублей, заседателю того ж суда Ястубову тысячу шестьсот рублей и бывшему начальнику отделения областного Совета Обыденному чрез чиновника Андрющенкова девятьсот рублей, которому сверх сего обещанных двести рублей еще недоданы.

За сим следствие сие в окончании остановилось потому только, что требуется от общего управления Кавказской области и Ставропольского окружного суда некоторые сведения о выпуске тех ногайцев из-под стражи, по соображении коих должен име дать запросы всем тем чиновникам, кои прикосновенны к сему предмету. Между ж тем, как мы уже донесли вашему Превосходительству, что имеем ввиду открыть важнейшие предметы, а именно: о пойманных в едишкульских аулах ногайцом аксакалом в прошлом годе (в то самое время, когда разбит купеческий обоз и убито 17 извозчиков); закубанских хищников, кои представлены были тем аксакалом к приставу Любимову, и на последок Любимовым выпущены...» [7].

После того, как расследование было продолжено, вскрыли новые факты коррупции и служебного несоответствия ряда чиновников. Следователи отправились в «Калауско-Едишкульские аулы, где по произведению следствия открыли не-

маловажные два предмета следующего содержания 1-е) прошлого 1831 года весною в самое то время, когда около селения Петровского разграблен хищниками купеческий с товарами обоз избито 17 извощиков, в ауле Едишкуль пойманы были три вора с пятью ограбленными у жителей селения Высоцкого лошадьми, в числе тех воров был один закубанец, а прочие два ногайцы джемболуковский и караногайский, кои тогда ж с лошадьми были представлены аксакалом того аула к приставу Любимову, а сей напоследок отъезжая на следствие об означенном разграбленном обозе освободил тех воров, взяв с них совместно с писарем Хоперского казачьего полка хорунжим Сергеем Косякиным, как сам передержатель тех воров мурза Алитча Сейтечев и прочие показали, с человека по 40 руб. 2-е) когда взяты были под стражу в прошлом же году из аула Едшикуль четыре ногайца по подозрению в участвовании с закубанскими хищниками при похищении у помещицы Устиновой 3-х крестьянских мальчиков, то тот же пристав Любимов, с родственников тех содержащихся и ныне в крепости Темнолесской ногайцев, взял 1800 руб. денег с тем, что он может исходатайствовать у начальства освобождение тем ногайцам, каковые деньги и доселе остались у него, Любимова. Оба сии предмета доказаны довольно ясно самими ж теми ногайцами кои участвовали в преступлениях и даче лично означенных денег» [8]. Так в специфических северокавказских условиях в тугой узел завязалась



М.А. Зичи. Неприятельское тело

традиционная набеговая практика и чиновничий произвол, легко находивший общий язык с местными хищниками.

Анализ характера добычи набежчиков свидетельствует о том, что их привлекал коммерчески выгодный «товар». Тот, который можно было, уйдя от погоня, скрыть на неконтролируемой российской властью территории, а в дальнейшем реализовать. Речь идет о пленных и скоте, причем пленные должны были не представлять угрозы для партии, а потому тех, кто мог оказать сопротивление, сразу безжалостно убивали. Иллюстрацией к этому служит список ограбленных и захваченных в плен шайкой хищников 21 сентября 1831 г. жителей, скрупулезно зафиксированный неким коллежским секретарем Четвериковым:

«а) Деревни Сухой Буйволы

однодворцы:

1. Трофим Пальцов 25 лет убит

невестки его

2. Анна 26 лет

3. Феодосья 24 взяты в плен.

Сестры его девицы:

4. Наталья 20 лет

5. Марфа 17 взяты в плен

6. Никифор Ерохин 60 лет, убит

Сыновья его:

7. Василий 25 лет убит

8. Аким 22 лет, ранен шашкою в голову, левое плечо и правую руку

Внуки его:

9. Прохор 14 лет

10. Марка 12 взяты в плен

11. Антон Мартинов 27 лет ранен шашкою в голову

12. племянник его Ефрем 18 лет, взят в плен

13. Марко Бронников 28 лет плечо правой руки кисть разрублены шашкою

Племянники его:

14. Иван 12 лет

15. Антон 10 взяты в плен

16. Прокофия Сотникова дочь девица Марфа 18 лет взята в плен.

17. девица Прасковья Чистодворова 15 лет взята в плен.

18. Панкрата Пажиткова, жена Прасковья 24 лет взята в плен, оная женка из плену вышла и отправлена по месту жительства.

19. Николай Лединев 28 лет, убит.

Сверх того были взяты в плен: однодворки Софья Пальцова, Акулина и Акулина ж Сотниковы но при перестрелке при селении Высоцком с хищниками бывшей отбиты, из коих Сотниковы ранены шашками, первая в правое плечо, а последняя вдоль спины.

Селения Ореховки:

20. Малороссиянин Назар Мельников 45 лет ранен пулею в правый бок и потом в локоть правой руки.

21. Малоросиянина Павла Горенка сын Михайла 13 лет взят в плен

22. Однодворца Акима Лукьянчинкова сыновья

Семена 15 лет

23. Иван 14 взяты в плен

Донской Балки:

24. Однодворец Тимофей Животков 44 лет изрублен

Угнано лошадей.

Убитому Никифору Ерохину принадлежащих пять, стоят – 250 руб.

Раненому Антону Мартынову принадлежащих три, стоят – 200 руб.

Раненому Марке Бронникову принадлежащая одна с седлом, стоит – 100 руб.

Однодворцу Панкрату Пожиткову принадлежащая одна, стоит 100 руб.

Его же вожжи ременные и узда – 6 руб.

Однодворцу Василию Леденеву принадлежащих две, стоят – 100 руб.

Однодворца Егора Пальцова одна – 50 руб.

Раненого Назара Мельникова одна – 50 руб.

Однодворцев:

Лукьяна Бочарова одна – 60 руб.

Елисея Зиновьева две – 120 руб.

Игната Седых одна – 60 руб.

Фрола Ширяева одна – 80 руб.

Тимофея Дехтерева одна – 60 руб.

Гаврилы Плохих одна – 30 руб.

Пономаря Михайлы Терновского одна – 100 руб.

А всего угнано лошадей двадцать две, стоят – 1406 руб.» [9].

Несмотря на заурядность и обыденность сообщений о горских набегах, они, тем не менее, оценивались как чрезвычайное происшествие и становились предметом пристального внимания администрации, которая старалась проводить расследование произошедшего и, если удавалась, покарать виновных. Весьма наглядной в этом отношении видится докладная записка, основанная на донесениях на имя Областного начальника от Ставропольского земского суда, датируемая 18 мая 1835 г., но раскрывающая происшествия за 1832 г. Приводимые в ней свидетельства как нельзя лучше иллюстрируют специфику порубежной жизни. В частности, в ней говорится о «нападениях закубанских хищников в Ставропольском округе: 1-е на хутора Звегинцова, 2-е о захвате ими между селениями Безопасным и Преградным ямщика, 3-е об убийстве около Соленого озера 4-х человек, 4-е об убийстве в калмыцкой степи одного черноморского офицера, 15 казаков и 6-ти человек поселян и 5-е об убийстве на полях селения Константиновки 8, поранении 7-ми о захвате в плен 7-ми же человек.

О сих пяти происшествиях того же года состоявшему в штабе Общего Областного Управления коллежскому асессору Безкровному и Козловского пехотного полка майору Исаеву (замененного впоследствии времени майором Лебединским), а 17 того же октября возложено на сих чиновников производство следствий еще по двум подобным происшествиям, а именно 1-е) о нападении закубанцев на хутора Ладовской

Балки и 2-е) о нападении сих хищников на жителей села Новой Марьевки.

Следственное дело о всех происшествиях сих представлено было следователями 13 числа июля месяца 1833 года препровождено оное в Областное правление с тем, чтобы оно, рассмотрев дело сие, дало ему законное направление».

На строгости властей к подобного рода преступлениям, пытались сыграть любители легкой наживы. Угрозой клеветы они за счет вымогательства собрали у своих соплеменников существенную сумму. В той же записке сообщалось, что «исправлявший должность пристава Калауско-Джемболуковского и Саблинского народов коллежский секретарь Абраменков рапортом от 3-го января 1833 г. довел до сведения Вашего Превосходительства, что ногайцы Бештово Орокаев и Этуали Ибрагимов, разъезжая по аулам, принуждали давать им деньги, в противном случае угрожали показать на них ложно следователям участвование их в помянутых нападениях хищников. Таким образом Орокаевым и Ибрагимовым собрано с разных аулов более 600 рублей. Оба виновные в сборе денег, по распоряжению Вашего Превосходительства, 12 того же января присланы за караулом в Ставрополь и преданы суждению здешнего Окружного суда».

Не всегда имея возможности наказать непосредственного участника преступления, власти строго наказывали тех, кто своим бездействием, а зачастую и тайной поддержкой способствовал совершению хищничества. Одной из форм наказания была воинская повинность. Упомянутый коллежский секретарь Абраменков сообщал, что «ногайцы: Сейдаси Самекаев, Бегитов Орокаев, Бейгазы Кальмамбетов, Эмельдес Джумалиев, Ясай Мамбетов, Эржен Утивалиев, Абулгапар Менглалиев, Зейнедин Норумов, Сабит Токмамбетов, Идрис Абылов, Шерпедин Умеров, Ромазан Абылов, Эрежен Елумов и Сейсик Курманалиев знали бы об укрывательстве некоторыми ногайцами Корерюмова рода осенью 1832 года хищников в Балке Кульдунун. Все сии ногайцы числом 14 человек... присланы были тоже за караулом в Ставрополь к бывшему

коменданту майору Татьянину, а посему последнему велено было отправить их в Рекрутское присутствие для осмотра...» [10].

Изложенные свидетельства представляют собой достаточно типичные примеры хищнического промысла, получившего распространение на Северном Кавказе. Данные происшествия имели ярко выраженный «коммерческий характер», и представлять их как проявление «народно-освободительной войны с царским режимом» видится надуманным и не подкрепленным фактами занятием.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. – Нальчик, 2008. – С.14 и др.

2. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.1289. Л.1 – 1 об.

3. См. напр.: ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.591, Д.640.

4. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.1271. Л.2.

5. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.962. Л.3-4.

6. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.1717. Л.73-76.

7. ГАСК. Ф.79.Оп.1. Д.1230. Л.20-20-а об.

8. Там же. Л.21-22.

9. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.1090. Л.17-18 об.

10. ГАСК. Ф.79. Оп.1.Д.1230. Л.219-220 об.

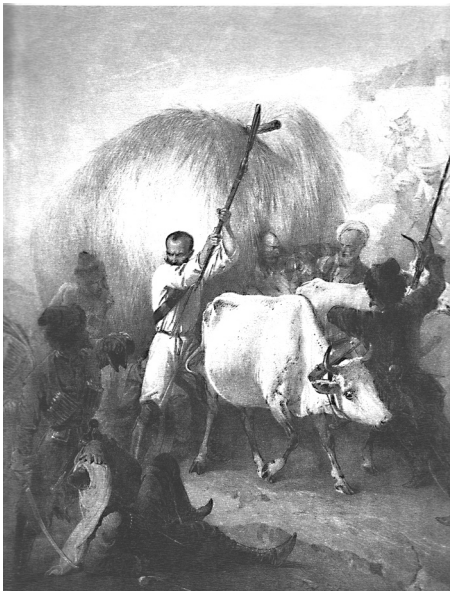
«О ВЫДАЧЕ ЗА УБИТОГО ГОРСКИМИ ХИЩНИКАМИ...»: РЕКРУТСКИЕ КВИТАНЦИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

При анализе исторических свидетельств, дающих представление о последствиях набегов горских хищников, как представляется, недостаточно внимания уделяется рекрутским квитанциям. Они выдавались родственникам либо владельцам убитых набежчиками людей и содержали определенную информацию об обстоятельствах произошедшего. Прежде, чем выдать такую квитанцию, проводилось тщательное расследование, в результате которого и выявлялись факты, связанные с гибелью человека и законностью требований его наследников на обладание квитанцией. Статистический анализ этих достаточно многочисленных, что само по себе наглядно, документов [1] требует отдельного исследования, но суть содержащейся в них информации можно понять, рассмотрев в качестве примера одно из дел этой серии.

Так, 9 декабря 1848 г. на имя Ставропольского гражданского губернатора пришел императорский указ, в котором содержалась следующая информация: «По указу Его Императорского Величества, Правительствующий сенат слушали: прошение не служащего казака 2-го Ставропольского казачьего полка станицы Темнолесской Василия Нечаева, коим просит о выдаче за убитого горскими хищниками родного брата его Илью рекрутской квитанции. Приказали: прошение казака Нечаева препроводить при указе к Ставропольскому гражданскому губернатору с тем, чтобы собрать по содержанию онаго надлежащие сведения и по рассмотрении представил Правительствующему Сенату свое заключение с возвращением самого прошения» [2]. Сам Илья Нечаев погиб в 1829 г., но лишь спустя 19 лет встал вопрос о компенсации его родственникам. При этом процесс рассмотрения прошения Василия Нечаева явно затягивался, и это, видимо, был не единичный случай, а общепринятая практика.

Во всяком случае, наряду с другими, подобными прошениями дело Нечаева рассматривалось спустя пять лет Ставро-

польской казенной палатой. Отчитываясь перед губернатором, ее чиновники 15 марта 1854 г. докладывали, что «в следствии предложения Вашего Превосходительства от 23-го января 1853 г. №172, Ставропольская казенная палата имеет честь представить, что по оному для собрания всех прежних сведений и доказательств к выдаче зачетных рекрутских квитанций за убитых горцами крестьян Ставропольской губернии: Калошина, Хохлова, Ерохиных, Нечаева, Водопшина, Шеховцовых, Тарарыева и Мордвицкого, требовались от Ставропольской палаты государственных имуществ производившиеся об них подлинные дела, а по рассмотрении оных (кроме Водопшина) оказались о Федоре Калошине и марке Хохлове, что в выдаче за них родственникам их рекрутских квитанций Казенною палатою было отказано по не произведению формального об убийстве их следствия, о чем, хотя палатою государственных имуществ и было предписано 25 того ноября 1844 г. №13552 Пятигорскому земскому суду и о побуждении его к тому представлено ею 31-го мая 1846 г. №5468 Вашему Превосходительству. О Василии и Акиме Ерохиных, убитых в сентябре 1831 г., Кавказским областным правлением предписано 26 марта 1832 г. №178 тому суду о учинении дознания действительно ли убиты те Ерохины. Но были ли о всех тех крестьянах Калошине, Хохлове и Ерохиных производимы следствия и что по оным открылось сведения в Казенной палате нет. О Илье Нечаеве, из сообщения Штаба командующего войсками на кавказской линии и Черномории от 3(?) марта 1830 г. №338 видно, что в оном производилось дело по просьбе однодворки села Надежды Ефимьи Смоляковой о выдаче ей зачетной квитанции за убитого горцами 14-го сентября 1829 г. племянника ея Илью Нечаева, но чем оно и когда кончено сведений в Казенной палате также нет». Таким образом, выясняется, что Василий Нечаев был не первым желающим получить квитанцию, обладание которой давало возможность заработать на ее продаже, либо защищало от необходимости идти на службу кому-то из близких. Как станет видно из приводимых свидетельств, право на обладание рекрутской квитанцией не раз будет служить яблоком раздора между родственниками.



М.А. Зичи. Фуражиры

В уже цитируемом документе также говорилось, что «о Иване и Семене Шеховцовых, что о убийстве их начавшееся в Ставропольском земском суде по рапорту Новотроицкого старосты Азарова дело передано для исследования бывшему чиновнику Общего областного управления коллежскому асессору Безкровному, но в сем деле находится один лишь только рапорт Азарова со списком, в коем показаны убитыми не Иван, а Василий Шеховцов и Семен не Шеховцов, а Шавцов. Почему и как, из сих дел о убийстве означенных в них крестьян ничего положительного не открыто, а без произведения формального следствия о сих убитых назначать выдачу зачетных квитанций невозможно, то вместе с сим сообщено в Ставропольское губернское правление, чтобы оно предписало кому следует произвести буде возможно формальные следствия о убитых горцами крестьянах о каждом порознь: как то о Федоре Калошине, Марке Хохлове, Василии и Акиме Ерохиных, Иване и Семене Шеховцовых и по произведении прислало их в сию Палату. А о Нечаеве, Тарариеве и Мардвицком также сообщено в Штаб войск Кавказской линии и Черномории, чтобы он о первом производившееся в оном дело прислал для рассмотрения и заключения в сию Палату, а о последних, так как казенной палате неизвестно были о них производимы следствия и где, т.е. в гражданском или военном ведомстве учинили выправку: были ли в оном в производстве дела о сих убитых и если были, то прислал бы и их в сию

Палату. Равно и о том же предписано указом и пятигорскому земскому суду с тем, чтобы он буде производились в том суде какие либо о сих убитых крестьянах Тарариеве и Мордвицком дела или переписка, представил бы немедленно в Палату. О присылке же остального затем дела о убитом крестьянине села Северного Аверьяне Водопшине сообщено в 4-й раз в Ставропольскую палату государственных имуществ» [3].

Таким образом, приходилось проходить тщательную экспертизу обстоятельств насильственной гибели потерпевшего и аргументировано доказывать, что виной этому были набежчики. Видимо не так-то легко было списать «на счет черкесов» смерть человека, как это хотели сделать персонажи М.Ю. Лермонтова из «Героя нашего времени».

Не только вокруг наследства Ильи Нечаева разгорелись нешуточные страсти. Родственники Аверьяна Водопшина также старались оспорить друг у друга права на рекрутскую квитанцию. Причем, не имея ее на руках, они уже передали право на обладание ею другому человеку. С жалобой на действия родственников к начальству обратился прямой наследник убитого «казак 5 бригады станицы Круглолесской Тихон Водопшин». В прошении командиру бригады он «объяснил, что родной отец его, государственный крестьянин Пятигорского округа селения (ныне станицы) Северного Аверьян Водопшин 24 августа 1831 года убит закубанскими горцами и что в вознаграждение за это он 21 ноября 1851 года подал просьбу Вашему Превосходительству (Ставропольскому гражданскому губернатору. – Ю.К.) о выдаче ему зачетной рекрутской квитанции, о чем, как ему известно, производилась переписка в канцелярии Вашего Превосходительства, но квитанции этой не получил по настоящее время. А между тем осведомился, что родные дяди его казаки Прохор и Сидор Водопшины дали доверенность ставропольскому мещанину Якову Санкову на получение означенной квитанции, почему просит распоряжения: не выдавая квитанции этой дядям его, выслать таковую к нему, как законному наследнику после отца». Об этом 20 апреля 1854 г. писал Ставропольскому гражданскому

губернатору наказной атаман ген.-м. князь Эристов и просил выслать ему указанную квитанцию «для выдачи просителю» [4].

Между тем разгорелся очередной конфликт вокруг дела Ильи Нечаева. Вскрылись новые обстоятельства, свидетельствующие, что прежние просители не имели права претендовать на квитанцию, т.к. у погибшего имелся законный наследник – его сын. Подробности можно узнать из постановления Сената, куда стекались все факты этого запутанного процесса. Так, «коллежский секретарь Максим Лысенко в прошении, полученном 25 февраля 1855 года, объясняет, что Василий Нечаев предоставил за договоренную плату исходотайствование зачетной квитанции бывшему однодворцу Никифору Темилакову, а сей последний передал сие ему, просителю...». Очевидно, что такие сделки были прибыльны, и находилось немало желающих взять на себя юридические хлопоты по оформлению прав на владение рекрутскими квитанциями.

Однако «за сим и сын убитого Ильи Нечаева, кавказского линейного казачьего войска 4-й бригады станицы Надежинской, служащий казак Дмитрий Нечаев просит также о выдаче ему как прямому наследнику той же квитанции за убитого отца его. Из доставленных по сим прошениям и во исполнение указа Сената... оказывается, 1-е, что убиение горскими хищниками Ильи Нечаева подтвердилось местным разысканием, что Дмитрий Нечаев есть действительно сын убитого и прямой наследник, почему бывший Наместник Кавказский и признавал правильным зачетную квитанцию за Илью Нечаева выдать сыну его, и 2, что в следствии возникших споров на право получения сей квитанции и прошение коллежского секретаря Лысенко о передаче дела по сему предмету словесному суду или подвергнуть оное прямо судебному разбирательству, Войсковое правление... признав дело это спорным, препроводив прошение г. Лысенко в Полковое правление 4-й бригады и предписав оному сделать надлежащее судебное разбирательство. Военный совет по рассмотрении обстоятельств дела сего нашел, что коллежский секретарь Лысенко если оставал-

ся действиями Войскового правления об обращении настоящего дела к судебному разбирательству недовольным, то... ему следовало на постановление Правления, 27 января 1850 г. по означенному предмету принести Правительствующему Сенату жалобу не позже 6-ти месяцев. Но от него поступило прошение по истечении слишком пяти лет...» [5]. Исходя из приведенных доводов, Правительствующий Сенат приказал выдать рекрутскую квитанцию Дмитрию Нечаеву, что и было сделано распоряжением Кавказского наместника от 14 июня 1857 г.

Горские набеги являлись подлинным бичом для порубежного населения Северного Кавказа. Хищники грабили и убивали людей, коверкали судьбы их близких. Но, увы, как это зачастую водится, даже на этой трагедии умудрялись зарабатывать деньги. Государство, стремясь поддержать пострадавших, невольно спровоцировало такую разновидность деятельности, как торговля рекрутскими квитанциями. И страсть к наживе порой побеждала даже родственные чувства...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См. напр.: ГАСК. Ф.101. Оп.1. Д.859, Д.1214, Д.1215, Д.1230, Д.1233, Д.1234, Д.1235 и др.
2. ГАСК. Ф.101. Оп.1. Д.1213. Л.1.
3. Там же. Л.55-57.
4. Там же. Л.60-60 об.
5. Там же. Л.110-112.

«ПОДВЕРГАЯ ЖИЗНЬ СВОЮ ОПАСНОСТИ...»: ЭПИЗОДЫ БИОГРАФИИ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В адрес российских чиновников на Северном Кавказе было выпущено немало критических стрел. Высказываемые нарекания по-своему справедливы и обоснованны, но вместе с тем представляют лишь одну сторону медали. Их нелегкий, порой малозаметный труд привносил свою лепту в умиротворение края, помогал разрешать конфликты, которые без вмешательства российской администрации могли закончиться кровью и затяжной враждой. В качестве примера такого позитивного труда рассмотрим несколько эпизодов из их повседневной практики.

В донесении Пятигорского Земского суда от 13 января 1831 г. на имя начальника Кавказской области Г.А. Емануеля речь шла о похищенных детях, которые были захвачены набежчиками. Заседатель этого суда доносил, «что во время проезда его по делам службы дознал он от калмыка Журана Шарипова и жителей селения Медведского и деревни Сухой Буйволы, что 18 числа прошлого декабря месяца в 3 часу пополудня с 10-ти человек хищников, как калмык Журана Шарипов мог припомнить находились 5 линейных казаков с ружьями, четырьмя шашками и пять ногайцев четыре с ружьями, а последний с пистолетом и кинжалом, в урочище Свиной балки расстоянием от хутора, принадлежащего селению Высоцкому Плескашникова (?) в 5 верстах и от селения Донской балки в 4-х взяли в плен мальчиков из калмык, подвластных князю Дежетийши Тундутову, именно: Базарку 2, Назарку 9, Журиповых Яришку Луткина 7, Адржу Маиоркина 18, Цыканку Зонбикова 10 и двух девочек Хиридюнкау Зонбикову 7, Абангонку Кутушкину 7 лет...». Кроме детей грабители поживились и за счет товара и лошадей, которых захватили при погроме каравана на сумму 1999 руб.

Вскоре стало известно, что в тот же день были ограблены и извозчики, «подрядившиеся у нахичеванского армя-

нина Сергея Селепова доставить из г. Кизляра в Харьков 29 фурами таковое количество бочек с виноградною водкою...». Они были остановлены этой шайкой разбойников и лишились товара «на 6435 руб. и всего вообще деньгами 1940 руб. имущества, лошадей на сумму 9028 руб.». Большинство из них остались живы, но совсем без жертв не обошлось. «Деревни Жипана графини Самойловой крестьянина Гаврилы Федорова, разрубив шашкою тело», грабители забрали деньги и вещи. След хищнической партии «простирался мимо калаусских ногайцев» и уходил в сторону Кубани. Определить точно их принадлежность не удалось [1].

В другом рапорте к Главному при калмыцком народе приставу от 16 января 1831 г. частный калмыцкий пристав Зубрицкий сообщал, что по его приезду в Малодербетовский улус он получил жалобу «о набегах и грабежах ногайцев, причиненных им как то: прошлого месяца по калмыцкому счислению 72 числа последовавших в селение Прасковею для покупки муки Абганерова рода калмык Шанхур Цегочи с двумя товарищами набежали 8-мь конновооруженных ногайцев и ограбили у них...» весь товар и имеющиеся на руках деньги. «Того же месяца по калмыцкому счислению 25 числа Бурулова рода Заисан Лакба с 2-мя при нем товарищами при следовании их от реки Маныча в ставку владельца своего набежали 7 человек конно-вооруженных ногайцев...» и также отобрали все имущество. В этот же день «Абганерова рода калмык Мулуш Бекюнкинов с 5-ю товарищами следуя с Маныча также в ставку владельца своего и на пути набежавшими 7-ю же человеками ногайцами конновооруженными ограблено» различное имущество. В рапорте скрупулезно описывалось все потерянное добро, которое следовало найти и вернуть законным владельцам [2].

С целью поиска виновных в упомянутых преступлениях титулярный советник Андрющенков, который осуществлял наблюдение за ногайцами, получил предписание, в котором ему предлагалось «употребить всевозможные меры к открытию грабителей... и при малейшем подозрении на кого-либо

начать следствие...». Чиновника обязывали «употребить всевозможные меры между народом, какие благоразумие и обязанность службы внушать о преграде порочным людям производить в действо злые свои предприятия на воровство и грабеж...». Андрющенко получил списки украденных вещей и приметы скота, по которым мог выйти на след грабителей.

Увы, как гласила приписка на одном из листов данного дела, выйти на след разбойников так и не удалось, хотя следствие велось вплоть до начала 1834 г. [3]. Нельзя исключать здесь и злого умысла со стороны самого Андрющенкова, который подозревался в связях с грабительскими шайками и попадал под следствие [4]. В любом случае налицо попытка российской администрации бороться с этим явлением, отстаивая интересы всех без исключения мирных жителей.

Кавказскому начальству было зачастую невероятно трудно разобраться в претензиях, которые выдвигали жертвы нападений. Определить подлинную виновность удавалось далеко не сразу. Вот, к примеру, случай, произошедший на Линии в 1847 г. В обращении к наказному атаману Кавказского линейного казачьего войска от 4 сентября 1847 г. сообщалось, «что 2 текущего августа казаки Моздокского полка Наурской станицы в числе до 10 человек с одним калмыком, подъехав к ходившему на земле Калиновской станицы при урочище Бирючьи ворота конному табуну хорунжего Солнушкина, с которым пасся косяк, принадлежащий караногайцу Муталиму Нмбетову, взяли присматривавшего за оным брата его Каракая Нмбетова, и увезли с собою в Наур по неизвестной причине. По удостоверению помощника Каранагай-Едишкульского пристава, губернского секретаря Самбурского оказалось, что ногаец Каракай Нмбетов взят казаками по случаю доведения будто бы к означенному табуну следом угнанного у отставного поручика Венеровскаго скота вместе с другим караногайцем, и оба содержатся на Золотаревской станции, причем первому из них казаки рассекли шашкою у левой руки ладонь, а последнего заковали в кандалы и намеревались на другой день отвезти их в станицу Наурскую для представления своему начальству».

На первый взгляд ситуация была ясной. Преследуя набежчиков, казаки обнаружили подозрительный табун и задержали с применением насилия подозреваемого в хищничестве. Но «Временно командующий войсками на Кавказской Линии и в Черномории, управляющий гражданскою частию в Ставропольской губернии» генерал-лейтенант Завадовский потребовал провести дополнительное расследование. Он просил атамана Николаева «дело это подвергнуть строжайшему исследованию, а между тем, если с ногайцами поступлено несправедливо, оказать им защиту. О причине же их арестования таким насильственным образом, с нанесением ран одному из ногайцев, не оставьте истребовать от кого следует и доставить мне сведение в скорейшем по возможности времени» [5]. Представляется, что таким требованием казакам недвусмысленно давали понять о едином для всех подходе кавказского начальства к исполнению закона и равенству прав российских подданных независимо от этнической принадлежности.

В.В. Верещагин. Представление начальству (Русский офицер и кавказцы)

Выполняя приказ, генерал-лейтенант Николаев отправил в качестве пояснения рапорт «командира 8-й бригады кавказского линейного казачьего войска полковника Аминова» [6]. Из него стало известно, что «по случаю кражи в ночи под 2-е число прошедшего августа месяца семи штук рогатого скота с двора отставного подпоручика Венеровского (ранее в документе он был назван поручиком. – Ю.К.), состоящего на Золотаревской станции, приказный Константин Богатырев, по просьбе Венеровского, взяв из числа состоявшей в ведении его команды трех казаков для преследования похитителей, хуторянина отставного казака Ивана Андреянова с двумя крещеными калмыками, отыскали утром 3-го числа следы уворованного скота шедшие в степь, коими проехав примерно верст десять, встретили караногайца Тугунчиева аула, куба Аскостамгали Каракая Карамамбетова, затаптывавшего собственным своим конным табуном следы, дабы тем затмить следование похитителей с воровским скотом. За это самое Карамамбетов был взят казаками и отправлен из среды их с казаком 2-й сотни Матвеем Воробцовым в штаб полка в станицу Наурскую, на зависящее распоряжение своего полкового начальства. На пути же следования ногаец Карамамбетов бросился на казака Воробцова, свалил его с лошади и вытащил из ножен кинжал, покушался на жизнь Воробцова. В этом разе Воробцов при обороне от Карамамбетова шашкою рассек ему у левой руки ладонь, а Карамамбетов порвал у него чекмень и нанесенными несколькими ударами разбил лицо. После чего через недолгое время казаки и калмыки подъехали к Воробцову с взятым ими в степи караногайцем Найманова аула и куба айгатар Куйгушевым, не имевшим на проезд никакого письменного вида, доставив потом обоих караногайцев в правление того полка, откуда они немедленно переданы к приставскому помощнику губернскому секретарю Димборскому. Причем присовокупил, что о вышеозначенном случае по отношению пристава майора Шихалиева производится заседателем полкового правления сотником Скляровым совместно с помощником Симборским строжайшее следствие» [7].

Чем закончилось предпринятое разбирательство, в материалах дела не указывается. Но в данном случае заслуживает внимания сам факт скрупулезного подхода со стороны властей ко всем обстоятельствам произошедшего инцидента. Российская администрация не торопилась с выводами и добивалась тщательной проверки приводимым доводам. Только выступая в качестве третьей силы, отличаясь непредвзятостью, можно было заслужить доверия к себе со стороны народов многонационального региона.

Нередко российские попечители попадали в ситуации, когда только их выдержка и хладнокровие позволяли не допустить вооруженного столкновения и гибели людей. В этой связи уместно вспомнить о происшествии, произошедшем с попечителем калмыцкого Яндыковского улуса, коллежским асессором Кавтарадзевым, производившим следствие по случаю ограбления находившихся в его ведении кочевников. Событие это произошло летом 1844 г., когда Кавтарадзев «по случаю производимых им поисков появляющихся на линейном тракте и близь Можарской соляной заставы хищников, прибыв на эту заставу, узнал, что неблагонамеренные люди разъезжают партиями верхами вооруженные, у коих голова и лица закутаны татарскими башлыками. Они ограбили у карaульного казака из крещеных калмыков Убуши Тугульчиева лошадь, ружья и одежду, а у таковых же Басана Лузукова с тремя товарищами угнали 4-х лошадей с пастьбы, следы коих доведены прямо до зимовых калмыцких мест и скрылись при р. Куме, на другой стороне которой аулы караногайские, между коими есть известный, как крещеные калмыки говорят, разбойник Абуйхаяр Аджигельдиев, неоднократно изобличаемый уже в разных хищнических делах и содержался в кизлярском тюремном замке».

Кроме калмыков на преступников жаловались и другие люди, ставшие жертвами их действий. Так, «переселенец Ставропольского уезда, деревни Громовки крестьянин Федот Филимонов, что с одним товарищем проезжая из места своего жительства с мукою на трех парах быков, к калмыкам для про-

дажи оной и только успел поравняться с аулами караногайцев, из коего же известные караногайцы завернули их к себе в аулы, требовали от них муки и когда они им таковой не дали, то некоторые из них караногайцы, избив их, отняли из под возов быков. Близ этих же мест неоднократно нападали хищники на проезжающих Царицынских мещан Ивана Федорова Муравьева, Андрея Иванова Ромадонского и на крестьян помещика Воронцова, когда они проезжали на Гайдукскую соляную заставу за солью для казаков Ставропольского полка».

Помимо упомянутых происшествий Кавтарадзев выяснил, что караногайцы самовольно перекочевали в эти места и в течение двух месяцев своим скотом «потравили весь подножный корм, сберегаемый тщательно калмыками для зимовки. Ибо на этих местах всегда произрастает аржанец и оного накапливалась до ста тысяч снопов сена коего продавалось калмыками каждая тысяча от 8 до 10 р. серебром. Аулы именуются: 1-й Харпитовым, 2-й Азовым и 3-й Хпчаковым. Старшины оных: Кокюх Аджигильдиев, Аджигиль Мулла Некаков и Хоромбай Толавлаев».

Ситуация требовала вмешательства, а потому коллежский асессор решил лично встретиться со старшинами и урегулировать возникший инцидент. Когда «по прибытии с казаками и калмыками в те аулы Кавтарадзев усмотрел, что караногайцы ставят свои кибитки на арбы для кочевки с этих мест на другие, остановя их, требовал к себе старшин, но они скрылись. Для отыскания оных поехали караногайцы тех аулов, а он оставался около возов у торгующего там разными товарами кизлярского из армян жителя Лукьяна Макарова Муратова. Но не прошло после того 5-ти минут, как собрались из всех аулов верхами более 80 человек караногайцев с дубинками, палками и чаканами. Впереди их ехал, как выше упомянуто, известный кочевому народу хищник Азова аула караногаец Абуй-Хаяр Аджигильдиев, а около него следовал приехавший неизвестно откуда вооруженный караногаец по имени тоже Абуй-Хаяр на один глаз кривой, держа на руках чекан. За ним ехали Ураз Мамбет Кохаев, Магитык Казимов, Аджигильды

Кокюшев, родственники его Юсуп и Кюзегин, Курмамбай и Ефенди Тасбулаевы и другие по имени неизвестные. Из них первый, абуй-Хайяр Аджигильдиев кинулся на Кавтарадзева с зверским видом, кричал прочим караногайцам, ехавшим за ним бить всех без пощады до смерти, не глядя ни на что, и сам первый толкнул Кавтарадзева имевшеюся у него в руках длинною дубиною в грудь, а потом этою же дубинкою ударил стоявшего при нем казака Мартемьянкина. Прочие же караногайцы исполняя его разбойническое приказание, кинулись на казаков и калмыков, начали бить их несчадно почем не попало и разогнав их от Кавтарадзева в разные места по воде и камышам».

Пытаться убедить разъяренных кочевников попечителю было затруднительно, т.к. находящиеся с ним переводчики «Генде и Зайдан Зоре успели кинуться в камыш и простояли в камыше в воде по самую грудь и тем, только избавили себя от побоев». Над самим Кавтарадзевым нависла смертельная опасность. Его «окружили около 20 человек караногайцев с дубинками и чеканами замахивались оными бить». Но даже в такой ситуации он думал не столько о своей безопасности, сколько старался предотвратить, казалось бы, уже неминуемое кровопролитие. И эта выдержка позволила сбить накал страстей, т.к. караногайцы «видя, что он ни сколько их разбойнического поступка не убоялся и кричал казакам, чтобы они в защиту свою отнюдь не употребляли огнестрельного оружия, а старались сблизиться с ним, они бросились до 10 человек в камыши и там захватив калмыка Сарыка Хапатыкова бесчеловечно его избили дубинками и втолкнули в воду. Увидев это, Кавтарадзев вырвался из окружавших его караногайцев, кинулся на помощь к тому калмыку, отнял его у караногайцев и вытащил на берег полумертвого». Видимо взаимная неприязнь между караногайцами и калмыками зашла далеко, т.к. судя по описываемым событиям последние вызывали у них куда большую ярость, чем казаки и русский чиновник. Когда караногайцы увидели, что попечитель спас Сарыка Хапатыкова, они окружили его и попытались «отнять

у него этого калмыка и покушались его бить, но он и тут не убоясь их зверства и угроз, калмыка им не отдал и не допускал к нему никого из караногайцев». Перелом в ситуации произошел после того, как «разбойник и зачинщик бунта сего Абуй-Хайяр Аджигильдиев вторично подскакал к Кавтарадзеву, взмахнул дубинкою для удара по голове, от коего он успел увернуться и выхватил у Абуй-Хайяра из рук ту дубинку, сказав ему, что приехал к ним ни с тем, чтобы вести драку, даже не намерен от их буйственного поступка ничем себя оборонять, и при виде многих караногайцев, ту дубину кинул в сторону, чем только и мог успеть остановить их от дальнейшего буйства, ибо они стали друг друга удерживать и отгонять бунтующих караногайцев от казаков».

Не совсем понятно, как мог разобрать слова попечителя Абуй-Хайяр. Если Кавтарадзеву нужны были переводчики, резонно предположить, что сам он тюркским языком не владел. Возможно, смутьян Аджигильдиев говорил по-русски. Но вероятнее не столько слова, сколько дела чиновника умиротворяюще подействовали на толпу. Отброшенная дубинка и не прозвучавшие выстрелы охраны Кавтарадзева лучше всего демонстрировали добрую волю и мирные намерения представителя российской власти.

В конечном итоге, «собрав всех избитых, пригнали обратно захваченных у казаков подводных лошадей, окружив вскоре их и держа до того времени, пока все те три аула откочевали из виду. Потом из тех караногайцев Аджигильдиев, вырвав у казака подводную кобылу, сказал, что оная у него украдена и вынудил Кавтарадзева дать записку по словам его о каком-то хозяине кобылы, калмыке Чурюме Джамбаеве. После чего вскоре караногайцы, проводив Кавтарадзева с казаками от того места за версту, удалились к своим кочевкам, захватив турецкое ружье с серебряными бляхами, принадлежащее Зайсангу Убушеву, стоющее ему не менее ста пятидесяти рублей серебром».

Произошедшее столкновение нельзя было оставлять без последствий. Вместе с тем, местные приставы не желали ссо-

риться с находившимися под их присмотром кочевниками. Нужен был человек со стороны, который бы не был замешан в местных распрях и мог произвести беспристрастное расследование. Поэтому начальника кавказской области просили «о командировании на Мажарскую соляную заставу благонадежного чиновника для обнаружения виновных в грабежах и буйстве ногайцев, для взятия их под стражу, в особенности зачинщика Аджигильдиева...». Кроме того, предлагалось предпринять незамедлительные меры по предотвращению впредь возможных столкновений, а для этого «не оставить дать кому должно строгое подтверждение, чтобы ногайские племена не смели входить в калмыцкие земли и чтобы они были надежными и решительными мерами удержаны от подобных своевольных и зловредных поступков...» [8].

Действуя в рамках закона, Кавтарадзев велел снять следы побоев со своих людей, чтобы иметь возможность на фактах подтвердить собственную правоту. Он прибыл на Можарскую соляную заставу и просил находящегося здесь старшего фельдшера Константина Нариуса освидетельствовать потерпевших. Со слов врача оказалось, что у «Астраханского казачьего войска первого полка казаков 1-го Анисима Ковалева, на спине шесть синих пятен от ударов и опухоль на правом локте. 2. Андрея Разуманова, опухоль и два пятна на спине от удара круглоконечным орудием. 3. Илья Мартемьяшкина на плече и поперек спины багрового цвета четыре полосы. 4. Федора Коновалова, на спине несколько полос и ссадин и на голове два небольших волдыря. 5. Маркела Полякова на спине четыре большие пятна синеватого цвета и волдырь на задней части головы. 6. Павла Габун Ишинова поперек спины рубец багрового цвета и ссадина на левой руке выше локтя. 7. Калмыка Яндыковского улуса Сарына Хашатынова (ранее его имя и фамилия звучали иначе. – Ю.К.) на спине восемь пятен багрового цвета и распухшие локти обеих рук. 8.Калмыка Икицохуровского улуса Джамба Мокуванова поперек пальцев широкая полоса багрового цвета, на правом плече опухоль, с багровым пятном и от удара кругло-конечным орудием, на

спине рубца синеватого цвета и опухоль на правом локте. И те люди, у коих означена опухоль и волдырь жалуются на болезненные припадки, чувствуемые ими от понесенных побоев...» [9]. Таким образом, команда Кавтарадзева еще легко отделалась и всем удалось избежать серьезных увечий.

В конечном итоге, 27 апреля 1845 г. дело было передано в Кизлярский окружной суд. Каково было его решение, сведений не сохранилось, но в любом случае, очевидно, что российские власти действовали по закону и тщательно собирали факты, чтобы своими действиями не допустить произвола по отношению к людям, чья вина, на первый взгляд, была очевидной.

Судя по следующим эпизодам, конфликты между различными кочевыми народами случались довольно часто, и российской администрации приходилось неоднократно вмешиваться во взаимоотношение между ними. Не успели довести до сведения местных чиновников директиву о необходимости «удержания кавказских инородцев от вторжений их в калмыцкие земли и об учреждении для того пикетов, с тем что если и за этою мерою будут продолжаться со стороны подведомственных им ногайцев набеги и злоупотребления, то вся ответственность падет на приставов, коим подведомственны ногайцы, кочующие близ калмыков, как за слабый надзор местного начальства», как в январе 1847 г. пришло сообщение о новых происшествиях [10]. На этот раз в сводках фигурировали трухмены. В рапорте исправляющего должность попечителя Эркетеневского улуса Шахова на имя Астраханского военного губернатора от 27 января 1847 г. говорилось, «что неизвестные из татар вооруженные 20 человек хищников, наехали на пикет, выставленный от Икицахуровского улуса...». Малочисленность находившихся на пикете охранников не позволила им остановить набежчиков, «и когда казак Исаев, решившийся спросить их, куда они едут, то с ударом плети получил от одного из наездников дерзкий ответ, «нет ему дела, едут воровать в Эркети». И, действительно... хищнике те, не кто другие были, как трухмяне, в один и тот же день с наездом

на пикет, отогнали у калмыков Эркетеневского улуса Будбулова рода Джанбо Чидынгова с товарищами 22 верблюда и три лошади. И когда калмыки совокупными силами решили пуститься в погоню, то трухмяне обороняясь произвели военную стычку, следствием которой было, трое из калмык остались ранеными». Пострадавшим оказали помощь, а на имя пристава трухменского народа было отправлено сообщение, в котором содержались приметы хищников и угнанного ими скота [11].

Об аналогичном случае сообщал и «Заведывающий Икицахуровским улусом» коллежский секретарь Бачей. Из его рапорта от 22 января 1847 г. на имя Астраханского губернатора стало известно, что в ночь на 18 января из общественного табуна было украдено тринадцать голов рогатого скота. Пойдя по следу грабителей, калмыки вышли «к аулу трухмян Сюнджже Эджиева рода, где кочует из трухмен называющий себя Мурзой Ирслам Юсубаев. Калмыки по прибытии в этот аул просили Юсубаева об отводе следов покраденного у них скота или же о возвращении оного. Но Юсубаев в просьбе им отказал, почему опекун просил меня о принятии законных мер к удовлетворению как его, так равно и хозяев прочих за покраденный скот».

Обстоятельства этого происшествия Бачею сообщил опекун Икицахуровского улуса Эрдени Ользетаев. Коллежский секретарь, не мешкая, собрал команду казаков и калмык, взяв переводчика Хундруева и «отправился в аул вышеприписанных трухмян с требованием об отводе следов или о возвращении покраденного скота и обнаружении виновных в воровстве онаго, куда прибыв на другой день, т.е. 21 числа, часу в 8-м утра, а не успев подъехать к кибиткам их был встречен толпою трухмян, вооруженных разным орудием, а некоторые из них палками. Бывший же в числе этой толпы Мурза Ирслам Юсубаев был вооружен одним ружьем, двумя пистолетами, шашкой и кинжалом первый сделал несколько выстрелов на бывших под калмыками двух верблюдов. Казаки же и калмыки, не делая выстрелов, отступили несколько шагов назад». Си-

туация могла в любой момент закончиться непоправимой бедой. Шальная пуля, либо толпа, явно настроенная разделаться с дерзкими пришельцами, привели бы к убийству кого-то из отряда Бачея, а то и гибели всех его людей. И тогда он, «видя таковую дерзость трухменца Ирсламба Юсубаева, от которой легко могло бы случиться и смертоубийство, чтобы укротить оную, подъехал к толпе трухмян, в которой находился и Юсубаев, направляя имевшееся в руках его ружье на стоявших не в дальнем от него расстоянии казаков и калмыков, отклонил его от выстрела... Наконец, по убеждению моему, Юсубаев вовсе оставил свои противозаконные действия, отдал ружье стоявшему возле него неизвестному мне татарину».

Хотя угроза перестрелки миновала, но положение российского чиновника по-прежнему оставалась шатким. Его ждал очередной «сюрприз», явно предназначенный для того, чтобы разъярить толпу. Находящийся рядом с Юсубаевым «один из трухмян вынес из кибитки нагое тело мертвого дитяти, бросив на землю говоря, что его убили калмыки выстрелом из ружья. И когда я хотел было приступить к освидетельствованию раны, от которой будто бы последовала смерть, то трухменец не допустил меня к этому, схватив тело отнес оное в кибитку», – писал в своем рапорте Бачей. Вслед за этим «вышепрописанный Ирслам Юсубаев находившимся при нем татарам, велел прогнать от аула бывших со мною казаков и калмыков, что ими в то-же время и исполнено. Мне же и находившемуся при мне одному казаку, по отобрании трухменами бывших под нами одной лошади и одного верблюда, велел идти в его кибитку, куда, спустя после того несколько часов, прибыл старшина того рода, трухменец Бака Аджиев, который посоветовавшись, как я мог заметить с Юсубаевым, заставили меня написать от себя старшине Бака Аджиеву подписку в том, что я с казаками и калмыками прибыл в их аул не для отыскания покраденного скота, а на охоту для стреляния птиц и зверей, и что в их ауле неприятностей никаких не происходило».

Последнее требование видится примечательным. Тузем-

цы оценили преимущества российского порядка и стремились максимально использовать его для собственного блага. Расписка, по их мнению, служила гарантией защиты от наказания, т.к. выдавалась официальным лицом. Еще не научившись выполнять обязанности, они уже знали о своих правах.

Помощник попечителя, «находясь в руках дерзких трухмян, чтобы спасти жизнь свою и бывшего при мне казака 2-го полка Астраханского казачьего войска Гаврилы Носова, не имея более никаких средств к этому по случаю отдаленности местного трухменского начальства, вынужден был написать старшине Бака Аджиеву вышепрописанного содержания подписку и от опекуна Икицахуровского улуса в том, что я точно ездил в кочевые трухмян на охоту и что он опекун с трухменцами Сюндже Аджиева рода живет мирно и претензии к ним не имеет. Каковая подписка для подписи к опекуну была с нарочным отослана. Опекун, не имея кроме этой подписки также никаких средств к скорому освобождению меня и казака Носова с под ареста трухмян, по переводе на калмыцкий диалект, подписав оную прислал к Юсубаеву, который по получении оной, а равно и моей подписок вечером того дня велел трухмянам отпустить меня и казака Носова, что ими, и исполнено, возвратив нам отобранных от нас лошадь и верблюда».

Донося об этом Астраханскому губернатору, Бачей добавил, что в ауле трухмян «...возле кибиток их было несколько штук рогатого скота, в числе коих, как калмыки мне объяснили, были и из числа уворованных у икицохуровских калмыков, но этот скот в то-же время трухмянами угнан в камыш вблизи кибиток их состоящий». Таким образом, коллежскому секретарю не удалось восстановить справедливость, но зато обошлось без потерь, если не считать убитого верблюда, принадлежащего одному из калмыков, сопровождающих Бачея в этой поездке [12]. Российский чиновник сумел не допустить кровопролития и своим вмешательством направил конфликт в мирное русло. Однако виновные не понесли заслуженного наказания, а потому разбирательство продолжилось.

К следствию подключился пристав трухменского наро-

да капитан Занаревский. Хорошо знакомый с ситуацией, он дал грабителям весьма нелицеприятную характеристику. По его словам, они «с давнего времени составляют гнездо самых дурных качеств людей и известных в изобретательностях к покрытию своих пороков. И эта статья так ими достигнута, что ни только умеют оправдаться, но даже правого сделают виновным, что совершили и в этом событии...». Получить доказательства их вины было невероятно сложно, но «спустя после того несколько дней, один почетный Соин Аджиевец (иное прочтение названия рода. – Ю.К.) Даут Аджимуллаев, не желая, чтобы это было скрыто, или по вражде, подал Народному Голове Нур Мухаметову прошение с объяснением всех подробностей о происходившем вышеозначущемся событии». Произошедшее было редкой удачей для следователя. Как правило, действовал принцип круговой поруки, и общество не выдавало преступника. Но, видимо, личная неприязнь подтолкнула Аджимуллаева на такой шаг, и он решил руками государства разделаться со своими недоброжелателями.

Однако надежды на скорое расследование оказались тщетными. С прибытием Занаревского в кочевье он «тотчас потребовал Народного Голову, которого хотя и следовало застать в ставке, согласно моего распоряжения – писал капитан, – но он ни исполнил, как и все распоряжении, не только мои, но и Главного пристава магометанских народов, не исполняет. И за все неисполнения и неповиновения оставался и остается на своем месте. На спрос же мой о вышепоясненном событии Народный голова совершенно отказался, только подал прошение, принятое им от трухменца Даут Аджимуллаева, которое по переводе оказалось, что он выносит жалобу, на неудовлетворение его за опознанную лошадь, назад тому несколько лет. Наконец, истребовал и просителя, который, конечно все, подтвердил объявленное мне головой. Итак, если допустить вероятие (?) дошедшим до меня слухам, то прошение по убеждению преступников переменено...», а потому приставу пришлось возвращаться обратно и просить вышестоящее начальство распорядиться о его дальнейших действиях [13]. Вообще

складывается впечатление, что чиновники не желали проявлять инициативу и брать на себя какую-либо ответственность. При этом они могли с явным риском для жизни вмешиваться во взаимоотношения между кочевниками, если была необходимость для предотвращения столкновения между ними. С одной стороны имела место негибкость бюрократического аппарата империи, с другой – желание не навредить скороспелыми шагами в разрешении весьма запутанных отношений, характерных для местных народов.

Параллельно с расследованием обстоятельств грабежа скота и насильственного удержания коллежского секретаря Бачея шло изучение причин о «самовольной и беспорядочной перекочевке и о вторжении трухмен в оброчные калмыцкие земли». Это дело также было поручено капитану Занаревскому, но выполнить его он не мог, т.к. по состоянию здоровья оказался не в состоянии следовать за кочевьями трухмен [14].

Тогда решено было командировать сюда чиновника особых поручений коллежского асессора К. Позе. Кроме того, к следствию был привлечен депутат с калмыцкой стороны. Им, по решению Совета калмыцкого управления, стал попечитель Иницохуровского улуса Шахов [15].

Сохранившийся рапорт Позе, адресованный Кавказскому областному начальнику ген.-л. Н.С. Завадовскому, наглядно демонстрирует стремление российской администрации максимально учитывать интересы всех народов края. В ходе выполнения своего задания коллежский асессор не столько искал виновных, сколько старался узнать нужды трухмен, чтобы оказать им необходимую помощь и поддержку. По его словам, «для исполнения в точности и с должною отчетливостью этого поручения, я ездил в кочевья трухмянского народа, расспрашивал всех и кроме того собрал по 10 человек почетных стариков из каждого рода, с которыми входил в подробное рассуждение об этом предмете». В итоге складывалась следующая картина: «Весь трухменский народ почти в одно время (в последних числах минувшего января) оставил свои зимовья и выступил в кочевья за р. Куму на Высочай-

ше предоставленные им места, не объявив предварительно о том приставу по случаю нахождения его в то время в отсутствии. Поводом к столь раннему оставлению зимовников были следующие обстоятельства: 1. недостаток и дурное качество корма на зимовках, отчего скот стал худеть; и 2. усилившееся воровство со стороны караногайцев, Ачикулак-Джембулуковцев и калмыков, находящихся в соседстве.

Какого вероятия заслуживает последняя причина перекочевки, определить трудно. Что же касается до первой, то она весьма уважительна. Трухмяне народ кочевой, не имеющий не малейшей оседлости. Главное, или лучше сказать, все состояние его заключается в обширных стадах, круглый год находящихся на подножном корму, ибо сено трухмяне никогда не заготавливают, да и не имеют к тому никакой возможности. При таком положении весьма естественно, что трухмяне для выступления с зимовок и при кочеванье сообразуются с большею или меньшею суровостию зимы, качеством корма и другими уважениями, имеющими влияние на сохранение и даже улучшение скотоводства как единственного источника их благосостояния. От этого-то происходит и то, что трухмяне оставляют зимовья свои иногда раньше, а иногда позже, а потому и назначать для этого определенного времени нельзя».

Далее следовали предложения К. Позе по обеспечению взаимодействия трухмян с российской администрацией. Предполагалось постоянно сопровождать номадов во время их перекочевок «для отстранения медленности во внутренней расправе и разбирательстве разных дел, возникающих в народе как между собою, так и с соседями, а равным образом для ограждения трухмян от притеснений...» [16].

Предложения чиновника особых поручений не носили репрессивный характер. Это скорее была попытка впредь не допустить повторения инцидента и выработать механизм оптимальных взаимоотношений власти и подданных.

Имелись претензии к властям и у самих трухмен. Помимо упомянутых жалоб на воровство их имущества со стороны соседей, они поведали на действия четырех дуванщиков, кото-

рые заготавливали лошадей для проезда пристава. По словам потерпевшего владельца, прибыв в кочевье, дуванщики «стали ловить их табуна. Когда же я сказал, что нужных лошадей мы поймаем сами, то они, не послушавшись, набросили арканы на жеребца неука. Жеребец этот, вырвавшись, бросился на переправу, а за ним весь косяк. От этого сильного напора лед провалился, и 32 лошади потонули. Кто из дуванщиков накидывал аркан, не знаю... Вознаграждения за погибших лошадей я не желаю и не ищу с дуванщиков, но просил бы покорнейше сместить их. Это удержит по крайней мере тех, которые будут назначены на их места от самодурства» [17].

Г.Г. Гагарин. Партия черкесов спускается с гор, для набега

Эта информация также была доведена до сведения Кавказского областного начальника, получившего таким образом возможность составить разностороннюю картину происходящего.

Российскую систему наказания нередко обвиняют в мед-

лительности и нерасторопности. Все это так. Но вместе с тем следует помнить о затруднениях, с которыми сталкивались следователи при разборе дел, аналогичных вышеописанному, а также тщательности проверки доводов сторон, привлекаемых к дознанию. Для того, чтобы убедиться в этом, стоит ознакомиться с представлением, направленным Астраханскому военному губернатору Советом калмыцкого управления. Из него мы узнаем, что прибывший в Астрахань К. Позе 7 июля 1847 г. докладывал следующее: «а) икицохуровские калмыки кочуют почти в 400 верстах отсюда; б) прикосновенные к делу казаки астраханского казачьего войска в числе прочих спущены к своим местам, и с) Опекун означенного улуса Ользетаев также прикосновенный к делу, уволен на грязи для излечения болезни. По этим обстоятельствам он полагал бы гораздо удобнейшим производство настоящего дела отложить до осени, к чему, кроме изложенного, могут убеждать следующие уважения, а осенью калмыки Икицохуровского улуса будут кочевать в соседстве с туркменами Соин-Аджиева рода. Следовательно как те, так и другие без обременения могут быть требуемы к спору, а главное к очным ставкам, чего в настоящее время по чрезвычайной отдаленности кочевых означенных народов между собою сделать не представляется никакой возможности. По предварительному сношению доставятся к назначенному числу как для допроса, так и для очных ставок (что можно будет сделать почти в одно время) казаки. Следовательно, они будут не обременены напрасным проживанием в кочевьях; д) возвратится опекун Ользетаев и соберутся в один пункт находящиеся весьма вероятно теперь в разных местах по своим хозяйственным делам калмыки, прикосновенные к делу, которое таким образом не встречая остановок при требовании людей и скорее и аккуратнее может быть произведено. И, наконец, е) будет удобно при депутате с калмыцкой стороны, заведывающем Икицохуровским улусом и прикосновенных к делу осмотреть место, где случилось происшествие, присовокупляя, что если даже в настоящее время он и отправится в Икицохуровский улус, то поездка его мало

подвинет дело, будут спрошены только те калмыки, которых он найдет в улусе. Очные же ставки, осмотр места происшествия, требование к спросу к очных ставкам казаков по необходимости надобно будет отложить до осени...» [18].

Во время проведения следствия чиновник особых поручений заболел и уже не мог передвигаться вслед за кочевниками. Он просил «передать это дело кому-либо другому» и считал лучшей кандидатурой «Трухменского пристава, которого ставка в настоящее время находится в Соин Аджиевом роде. Это будет удобнее, что не потребуется отвлекать особого чиновника и отпуска денег на разъезды», писал К. Позе ген.-л. Завадовскому 12 ноября 1847 г. [19]. Само расследование К. Позе также обошлось казне в копеечку. Он не только израсходовал казенные 100 рублей серебром, но еще и затратил собственные 12 рублей 17 ¾ копейки. Эту сумму в дальнейшем предполагалось взыскать с виновных [20].

Так, пусть медленно, но зато с учетом мнения всех сторон конфликта осуществлялось судебное разбирательство по одному из многочисленных эпизодов хищничества, процветавшего в рассматриваемый период на Северном Кавказе. Можно предположить, что все привлеченные стороны остались недовольны либо решением суда, либо затянувшейся процедурой расследования. Но возникает закономерный вопрос, а была ли альтернатива такой практике? Эффективность других подходов вызывает куда большее сомнение.

Закончившаяся активная фаза вооруженного противостояния на Кавказе еще не означала, что присущие региону проблемы, среди которых не последнее место занимало хищничество, окончательно исчезли. Российским властям не раз приходилось заниматься ликвидацией различных грабительских шаек, от которых страдали все без исключения жители порубежья.

Так, исправляющий должность Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии 4 сентября 1865 г. обратился к губернатору с прошением, в котором изложил обстоятельства ликвидации опасной шайки, промышлявшей

разбоем, и просил наградить участников этого дела. Преступникам первоначально удалось вырваться из окружения, но благодаря настойчивости преследователей они были настигнуты и понесли заслуженную кару. От «караногайца Якуба Атул Керимова, взятого раненым», стало известно, что хищники «отличились» в нескольких громких преступлениях, в частности, ограбили «в сем году в Астраханской губернии в Эркетеновском улусе калмыков на огромную сумму и помещика Скаржинского под гор. Ставрополем (шайка разбойников была из 24 человек, в числе их и Атул Керимов)».

Найти и обезвредить преступников было непросто. Главный пристав незадолго до описываемых событий побывал в этих краях и лично убедился, «что в таких местах, где разбойники могли и имели скрытый притон, разъезжая на огромном пространстве степной волнистой местности, не только трудно, но и невозможно нападать на следы их без особого знания местности, что известно только кочевым народам.

Коллежский асессор Эсмонт, его помощник губернский секретарь Рудановский неутомимо, подвергая жизнь свою опасности, преследовали разбойников, сумев привязать к себе народ, и с избранными инородцами после неудачи в июле, напав на след части шайки разбойников, успели ее разбить.

Во всем этом участвовали отставной капитан Иванов, служивший частным приставом в магометанском управлении, и бывший помощником караногайского пристава, губернский секретарь Красновский, хорошо знакомый с местностью.

Поимка Абдулкеримова весьма важна. Он своею отвагою и удальством наводил страх на обезоруженный кочевой народ, в чем я лично в Трухменском и Ачикулакском приставствах убедился...».

Проявленное мужество и верность долгу должно было быть вознаграждено, а потому пристав сообщал, что «г. Эсмонт, его помощник Рудановский, так равно и все участвовавшие в разбитии разбойников из коих караногаец Абдулгани Муталим Аджиев убит на повал, ранены и взяты: караногаец Абдулкеримов и едишкулец Ораз Аипов, заслуживают поощ-

рения начальства». Он просил наградить Эсмонта и Рудановского орденами Св. Владимира 4-й степени, а участвовавших вместе с ними в деле инородцев медалями. Для Иванова испрашивалась сумма в 100 рублей, а для Красновского 50 рублей серебром [21].

Из приводимого формулярного списка стали известны некоторые подробности биографии упомянутых чиновников. Так, «коллежский регистратор Платон Осипович Рудановский, помощник Ачикулак-Джембулуковского, Едисанского пристава, двадцати семи лет, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет, жалованья получает в год – 400 руб., из обер-офицерских детей. Воспитание получил в Нальчикской гимназии и, не окончив полного курса наук, в службу вступил в Ставропольскую казенную палату канцелярским служителем 2 разряда тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года июня двадцать шестого дня...

По постановлению Ставропольской казенной палаты, состоявшегося на 26 число февраля 1859 г. определен помощником Столоначальника 1 стола питейного отделения». Но видимо роль «бумажного червя» мало подходила молодому и энергичному мужчине, а потому он «согласно прошению перемещен в управление кочующих народов Ставропольской губернии письмоводителем при приставе Ачикулак Джембулуковского и Едисанского народа 17 марта 1860 г.

Указом Правительствующего Сената от 6 ноября 1861 г. №227 за выслугу лет произведен в коллежские регистраторы со старшинством с 26 июня 1860 г.

С утверждения начальника Ставропольской губернии перемещен на должность помощника Ачикулак-Джембулуковского, Едисанского и Едишкульского пристава 13 ноября 1861 г. Исправлял должность того пристава с 13 марта по 17 августа 1862 года. Указом Правительствующего Сената от 12 июля 1865 г. произведен в губернские секретари со старшинством 26 июня 1863 г. Под судом и следствием не был и ныне не состоит» [22].

Отмечалось, что «25 июля, губернский секретарь Руда-

новский вновь открыл ту-же шайку разбойников, который, охватив ее цепью бывшими с ним людьми, завязал перестрелку...». После того, как части грабителей удалось скрыться, Рудановский вновь обнаружил их следы и «совместно с приставом Эсмонтом и другими отправились на урочище Коштебе» и пленили предводителя набежчиков [23].

О начальнике П.О. Рудановского сообщалось следующее: «Пристав Ачикулак-Джембулуковского, Едисанского и Едишкульского народа, коллежский асессор Иван Дмитриевич Эсмонт. По определению Правительствующего Сената произведен в первый чин сенатского регистратора со старшинством с 31 октября тысяча восемьсот сорок четвертого года. В настоящем чине коллежского асессора, в который он произведен за выслугу лет указом Правительствующего Сената, от 18 января 1862 года №9, со старшинством с третьего января тысяча восемьсот шестьдесят первого года. Приказом по Управлению наместника Кавказского, от 5 июня 1864 №20 назначен в настоящую должность пристава Ачикулак-Джембулуковского, Едисанского и Едишкульского народа».

Иван Дмитриевич имел за спиной богатый жизненный опыт. На службе Отечеству ему пришлось поучаствовать во многих сражениях, о чем свидетельствовали пожалованные ему награды: «Высочайшим приказом по Государственному подвижному (?) ополчению 12 июня 1856 г. за №33, разрешено носить на груди, без ленты Крест ополчения. Имеет светлобронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 годов. По высочайшему повелению, объявленному в приказе Главнокомандующего Кавказскою армиею, генерал-адъютанта князя Барятинского, от 6 апреля 1859 года за №121, за отличие, оказанное в делах против горцев, во время летних экспедиций майкопского отряда в 1857 году, всемилостивейшее награжден в числе прочих знаком отличия военного ордена Св. Георгия 4 степени под №5330. Награжден орденом Св. Анны 3 степени и имеет высочайше утвержденный крест в память покорения Кавказа».

Почти все свое время Эсмонт проводил на службе. За всю

свою биографию «в отставке находился без награждения чином: в 1846 году с мая по 18 августа, в 1855 году с 8 марта по 1 ноября, в 1856 году с 12 июля по 4 мая 1857 года и с 2 августа того же года по 9 октября. В отпуску был в 1847 году на 28 дней, и этот отпуск отсрочен был еще на 28 дней».

Обстоятельства дела, за которое начальство хлопотало о награждении И.Д. Эсмонта орденом, демонстрируют личную храбрость коллежского асессора. Сообщалось, что «в июле, когда открыты были разбойники в Ачикулак-Джемболуковском приставстве, в числе 6 человек и успели укрепиться в падине, позиции трудно недоступной, пристав Эсмонт сначала оцепив их, требовал положить оружие. Разбойники с своей стороны требовали переговоров. Эсмонт обезоружил себя, обратился к переговорам и повторил требование о сдаче, но успеха не было, и разбойники, воспользовавшись наступлением ночи, сделали залп на оцепивших и успели прорваться сквозь цепь, бежали. 28 июля участвовал в перестрелке, где главный разбойник Абдулкеримов ранен и взят». Можно только предположить, что чувствовал пристав, когда, оставив оружие, шел на переговоры с отчаянными набежчиками, которым нечего было терять. Но даже в этой ситуации верность долгу и желание избежать кровопролития заставляли его, забыв о личной безопасности, использовать все способы по нейтрализации грабителей [24].

Примечательно, что вместе с русскими чиновниками шайку преследовали «11 лиц ногайцев» [25]. Для них грабители были не соплеменниками, а враждебной силой, от которой страдали все люди независимо от национальности. Представляется, что такие примеры лучше всего демонстрируют возникающее осознание общности интересов и судьбы жителями единого многонационального государства.

В силу объективной необходимости, присоединив Северный Кавказ, российское государство взвалило на свои плечи тяжкий груз ответственности по обеспечению здесь мира и законности. Сделать это было нелегко, т.к. местные народы не спешили отказываться от традиционной для них набеговой практи-

ки, смириться с которой империя, естественно, не могла. Порой вынужденно применяя силу, но в большинстве случаев действуя методами убеждения, российская власть боролась с этим явлением. Среди тех, кто преграждал подобные проявления «буйной вольности», были находящиеся на статской службе чиновники, многие из которых честно старались выполнить свой профессиональный долг, не жалея сил, а порой и жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.1092. Л.6-7 об.
2. Там же. Л.2-3.
3. Там же. Л.1-8.
4. См. очерк: «Хищничество. Из истории северокавказской повседневности первой половины XIX века (по материалам ГАСК)».
5. ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.1515. Л.2-3.
6. Там же. Л.5-5 об.
7. ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.1515. Л.6 об-7об.
8. ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.1038. Л.1-6.
9. Там же. Л.7-8.
10. ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.1463. Л.2-2 об.
11. Там же. Л.5-5 об.
12. Там же. Л.6-7 об.
13. Там же. Л.17-18 об.
14. Там же. Л.21-21 об.
15. Там же. Л.25.
16. Там же. Л.29-30 об.
17. Там же. Л.33-33 об.
18. Там же. Л.50-51.
19. Там же. Л.56.
20. Там же. Л.62-62 об.
21. ГАСК. Ф.101. Оп.5. Д.1. Л.1-3 об.
22. Там же. Л.4-7.
23. Там же. Л.10.
24. Там же. Л.8-11.
25. Там же. Л.11.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ПЕРСИДСКО-ПОДДАННЫХ В КИЗЛЯРЕ В 1842 Г.

Отношения с соседями всегда предпочтительно иметь добрые, а уж тем более, когда речь идет о тех, с которыми не так давно приходилось ожесточенно воевать. И когда к наместнику кавказскому обратились с просьбой от имени персидского шаха, он не преминул отреагировать на нее незамедлительно. В своем обращении к начальнику Кавказской области от 5 мая 1845 г. М.С. Воронцов изложил суть возникшей проблемы, рассказав, что «находящийся в Тифлисе персидско-подданный житель города Зейнал Абдин Имам Верди Оглы, подал мне просьбу, об ограблении его три года тому назад, во время бытности в Кизляре, с товарищем татарином Али Гасан Мирза Магомет Оглы на квартире разбойниками, на сумму 255 червонц. Хотя проситель и жаловался тогда же кизлярскому местному начальству, но не получил никакого удовлетворения».

Дело получилось резонансное, и за своих обиженных подданных стал хлопотать сам «Его Величество Шах Персидский». Он обратился «к Главноуправляющему генерал-адъютанту Нейдгарту, об оказании персианину Зейнал Абдин Имам Верди Оглы покровительства, почему и было предписано Кизлярскому коменданту о доставлении по сему делу сведений, но не получено от сего никакого донесения».

Российская сторона несла ответственность за безопасность приезжающих на ее территорию купцов, и наместник высказывал свою озабоченность не только по поводу произошедшего инцидента, но и по причине столь халатного отношения к своим обязанностям местных властей. Он настоятельно просил «по всем вышеозначенным обстоятельствам и по принимаемому в этом деле участию персидского правительства, войти в рассмотрении просьбы помянутого персианина и разузнав о причинах такой непростительной медленности Кизлярского коменданта, дать делу законный ход, уведомив меня о последующем» [1].

Чтобы ввести руководство Кавказской области в курс дела, наместник переслал им и прошение пострадавшего купца, в котором он обрисовывал свои злоключения. Так, «города Ардибиля житель» поведал, что «назад тому 3 года я с товарищем моим татарином Али Гасан Мирза Магомет Оглыем отправились в Кизляр для торговли, и остановились у тамошнего жителя татарина же Али Хана». Зейнал указал, что не знает об этом татарине ничего, и возможно кандидатуру для съема квартиры предложил ему его попутчик в расчете, что соплеменник побеспокоится об их удобстве и безопасности. Но эти расчеты не оправдались, ночью «пришли разбойники, сломали двери, вошли к нам ранили вышепоименованного товарища моего Мирза Магомет Оглыя, вынесли наличными деньгами и товарами на сумму 255 чер. голландскими. Тогда же мы принесли жалобу кизлярскому местному начальству, но местная полиция разыскав виновных 7 человек и посадив под арест, а ныне в числе оных только два человека осталось арестованными, а прочие все освобождены, по неизвестной нам причине». Лишившись средств и не найдя справедливости у кизлярских властей, персиане вынуждены были покинуть негостеприимный для них город и «вынуждены были отправиться в Тейран (Тегеран. – Ю.К.) и жаловаться нашему персидскому шаху, от коле мы доставили бумагу о том и представили уже 4 месяца предместнику Вашего Сиятельства господину Нейдгарту, но и до сих пор не получили никакого удовлетворения».

Надо отметить, что купцам опять не повезло. На Кавказе происходила смена власти, и прежнему руководству было не до возни с персианами. Между тем время шло, и Зейнал, возможно сгущая краски, поведал, что «здесь в городе не имею никаких знакомых, что по крайней мере несколько брать взаимообраз денег, потому остался без дневного пропитания, потому осмеливаюсь подвергнуться со слезами к стопам благотворной великой особы Вашего сиятельства с убедительной просьбой не оставить приказать кому следует поскорее решением моего дела, и не оставить до разрешения дела, из щедрот

Ваших оказать мне, сколько ни будь вспомоществования и дневного пропитания» [2].

Получив указание М.С. Воронцова, местное начальство затребовало материалы дела, чтобы узнать, «когда и где последовало в означенном деле решение, исполнено ли оно, или нет и почему?» [3]. Из полученного уведомления стало известно, что «состояли под судом при Кавказском линейном №12-го (что ныне «16-го) баталионе, Семейного Кизлярского казачьего полка казак Арсламбек Шейдяков и Тарковские татары Магомет Али Солтанов и Качалай Муртазалиев (в последствии умерший), о которых судное дело представлялось на рассмотрение бывшему командиру Отдельного Кавказского корпуса, г-ну генерал-адъютанту Нейдгарту, и по конфирмации его, изъясненного в рапорте бывшего Начальника Штаба корпуса генерал-майора Траскина от 25 октября прошлого 1844 года №1301-й присуждено подсудимых: казака Шейдякова оставить по этому преступлению в сильном подозрении, и как человека бывшего на пред сего под судом за воровство, отправить в арестантские роты на пять лет, Тарковского же татарина Магомета Али Солтанова и умершего товарища его Качалая Муртазалиева, равно прикосновенного казака Ису Мустаниева, как по делу сему никакого подозрения не открыто, освободить от суда без всякого оштрафования. Кизлярского же тезика Алихан Болатова по подозрении участвования в сказанном грабеже, предать гражданскому суду, для поступления с ним по законам...» [4].

Таким образом, было видно, что это дело не оставили без последствий. Более того, судя по представленному подробному отчету, расследование проводилось достаточно тщательно и с привлечением большого числа свидетелей. Из него можно получить представление о том, как раскрывались такого рода преступления. Но при этом, учитывая интерес к делу со стороны наместника, решили вновь разобраться с обстоятельствами происшествия, а потому «в Кавказском областном суде слушали дело начавшееся 7 февраля 1842 года, а на ревизию поступившее 19 сего февраля из Кизлярского окружного суда

о кизлярском тезике Алихане Болатове, преданном суду по сомнению ограбления персиян Али Магомет Оглы и Зейнала Имамвердыева. Приказали: 6-е под 7-е число февраля 1842 года во время квартирования находившихся в Кизляре Ардебильских персиян... у кизлярского тезика Алихан Болатова в особой от него комнате, ночью ворвались к ним семь человек неизвестных злодеев, вооруженные кинжалами, ограбили разные вещи и товары всего по показанию хозяев на 2300 руб. ассигнац. И нанесли притом Магомет Оглы три незначительные раны кинжалом, и затем скрылись. Подозрение в этом персиане возвели на казака Арсламбека Шейдякова, Тарковских татар Качалай Муртазагальдыева, Магомета Али Султанова, казака Ису Мустапаева и на хозяина своего тезика Болатова. Потому на первого, что в числе злодеев был один косноязычный, а подобного человека в Кизляре кроме Шейдякова по следствию не оказалось На Муртазагельдыева и Султанова потому, что они квартировали в одном доме с Шейдяковым. На Мустапаева потому, что он за несколько дней пред грабительством, покупая у Имамвердыева товары, видел, где хранились деньги. И, наконец, на Болатова потому что он в ночь происшествия дома не был, и когда во время грабительства один из злодеев намеревался зарезать Имавердыева, то Болатов, смотрясь со двора в окно, разбитое разбойниками, говорил не убивай Имамвердыева. По уходе же разбойников Болатов тот час пришел к ним в комнату с весьма веселым видом». Таким образом, купцы не смогли четко указать на того, кто участвовал в налете. Возможно, грабители скрывали лица, но вероятнее всего ночь и отсутствие освещения и без этой предосторожности делали их неузнаваемыми. Следствию предстояло по косвенным данным определять виновность названных людей, а это было непросто. Тем более, что никто из обвиняемых сознаваться не пожелал. Так, «при следствии все означенные заподозренные в злодеянии не признались, и дело о них, кроме Болатова рассматривалось уже военным начальником и по конфирмации корпусного командира, один Шейдяков оставлен по ограблении персиан в сильном подоз-

рении, прочие же все оставлены от дела свободными. О Болатове же обстоятельства преданы обсуждению гражданского ведомства». Как видно, суд подошел к делу не формально и обеспокоился доказательной базой обвинения. Против «косноязычного» Шейдякова говорил его физический недостаток, но подтвердить обвинения остальным не представилось возможности.

Другое дело - хозяин дома, который явно пытался выгородить себя и запутался в показаниях: «При следствие Болотов, противу обвинения показал, что 6 числа с вечера он по наряду отправился из дома к воротам на против мечети для караула где и находился с другими караульщиками тезиками Атаем, Исою, Султамбеком и другим Исою по фамилиям неизвестным и пробыл безотлучно на карауле до 12 часу ночи, а в это время желая развесть огня, чтобы обогреться пошел с Атаем и взяв у соседа его три снопа камышу возвратились и развели огня, а когда камыш прогорел, то он Болотов пошел с Султамбеком к себе в дом взять дров и не доходя до онаго, услышали шум в его дворе и придя туда увидели, что дверь у сеней дома растворена и окно разбито, а персиане на спрос его отвечали, что их ограбили. Потом Болатов зашел в свою комнату, застал жену свою и сестру не спящими, которые тоже рассказывали ему об означенном происшествии. За сим он Болатов отправился вновь на караул и более никуда не отлучался, и полиции не дал знать о происшествии, боясь отлучиться с караула. Но, когда жена Болатова на допросе опровергая показания его, объяснила, что 6-го числа во всю ночь он домой не приходил, уличала его в этом на очной ставке, то Болатов с изменою в лице и дрожащим голосом объяснил, что он приходил в дом для взятия дров и услыша в комнате персиан шум, зашел к ним в комнату и узнав о причине такового ушел в свое место, не заходя к жене».

Но не только жена не подтвердила показания Болатова. Его рассказ отвергли и находившиеся с ним в карауле горожане, «тезики Атай Ражен (?) Алиев, Атай Навруз Алиев, Султамбек османов и Иса Мустапаев». По их словам, «действительно

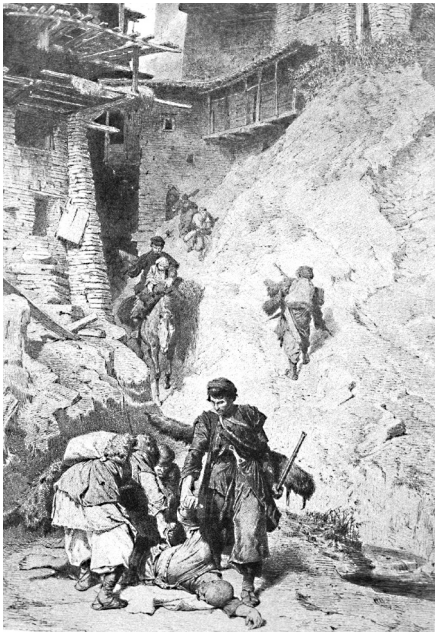
6-го числа Болатов был с ними на карауле и из них никто в продолжении ночи никуда не отлучался, а Болатов часу в 12-м ходил один неизвестно куда и пробыв короткое время принес камышу, а более уже никуда не отлучался». Пришлось ему в очередной раз менять свои показания, объясняя, «что он действительно ходил раз только и один с места караула для взятия камышу у соседа и взяв возвратился на свое место. Притом заходил и домой с того поводу, что увидел свечу горящую в комнате персиан».

Обыск на квартире Болатова ничего не дал, а тем временем персидские купцы уехали в Астрахань. Возможно поэтому приговор суда был довольно мягкий. Хотя Болатова решили «по участии в ограблении квартировавших у него персиан, знанием о настоящих злодеях и сокрытии их оставить в глубочайшем подозрении», но никаких действий против него не приняли. Постановили «отдать на поруки одобрившим его в поведении обыскным людям с личным ответствием за будущие противузаконные поступки его». В чем причины такого «гуманизма» суда, можно только строить предположения.

Что касается ограбленных персов, то для них решение российской Фемиды носило без преувеличения издевательский характер. Оставив без реального наказания грабителя, постановили предоставить «с тем вместе обиженным персианам отыскивать удовлетворение за пограбленное, если пожелают на виновных с ясным доказательством на изобличение от сего дела особо». Как это могли сделать иностранные подданные, лишившиеся имущества, в чужом городе и чужой стране, остается загадкой. Но с формальной точки зрения справедливость была соблюдена. Областной суд согласился с мнением Кизлярского окружного суда и сослался при этом на 1145 и 1148 статьи тома 15 Свода уголовных законов издания 1842 г. [5]. Dura lex, sed lex.

Но М.С. Воронцов недаром обмолвился, что: «Если бы нужно было здесь исполнение законов, то государь не меня бы прислал, а свод законов!» [6]. Этим он подчеркивал невозможность формального решения тех запутанных проблем, с кото-

рыми столкнулся на Кавказе. И в данном случае наместник не пожелал оставить преступления без наказания. Находясь во Владикавказе, он 27 июня 1846 г. отправил начальнику Кавказской области письмо следующего содержания: «Вследствие представления вашего превосходительства... о решении Кавказского областного суда состоявшемся о кизлярском тезике Алихан Болатове, который был судим по делу об ограблении квартировавших у него двух персиян и оставлен по решении в глубочайшем подозрении, я соглашаюсь с мнением вашим, что человек этот, как совершенно неблагонадежный не может оставаться на теперешнем месте в Кизляре, где при содействии злонамеренных людей подобные поступки могут повторяться, а потому покорнейше прошу вас, милостивый государь, распорядиться об отправлении его на временное жительство в Новочеркасск сроком на восемь лет, где он должен будет находиться под присмотром тамошнего начальства» [7]. Правда, потом срок ссылки был сокращен до пяти лет. Как знать, может на графа повлияло его нахождение на курорте в Кисловодске, откуда он отправил свое новое решение 16 августа 1846 г. [8].



Т. Горшельт. Разорение аула

Нельзя сказать, что решения о ссылке преступников на Дон приходились по душе местной власти. Оно и понятно, кому понравится терпеть у себя разбойников. В этой связи был отправлен соответствующий запрос, в котором сформулировали претензии по поводу такой практики. В нем, в частности, говорилось, что «департамент военных поселений... относится к

начальнику Главного штаба войск на Кавказе находящихся, что в 1846 и 1847 годах, доставлены на Дон в Новочеркасск, для временного жительства, уздень Назис Лафишев, за побег с места к непокорным горцам с сотником Атарщиковым и по подозрению в убийстве купцов Афанасьевых, погрaблении их, и кизлярский тезик Алихан Болатов, судимый по сомнению в ограблении персиян и по решению оставлен в глубочайшем подозрении, так как он по неблагонадежности не может оставаться в Кизляре, где при содействии злонамеренных людей преступные действия могут повторяться. Из них Лафишев передан в станицы войска Донского, а последний Болатов прибывший в Новочеркасск только 25-го мая, содержится еще в войсковом остроге.

Наказной атаман войска Донского имея в виду, что Высочайшим повелением 19-го июня и 7-го июля 1840 года горцы доставляются в Новочеркасск только в двух случаях: взятые в плен, для распределения в арестантские роты, и добровольно являющиеся под покровительство России – для поселения в войске Донском; о временном же водворении на Дону людей, присылаемых за преступление, никаких законных постановлений нет, – вошел... к г. управляющему Военным министерством с представлением испрашивая разрешение, куда подобного рода люди подлежат к обращению.

К сему генерал Власов присовокупил, что люди сии, будучи порочного поведения оставаясь в войске Донском, могут быть вредными для обитателей Дона и притом неминуемо должны терпеть крайность в содержании себя, ибо им вовсе не назначено и не производится никакого пособия». За ответом на эти вопросы обратились и к наместнику Кавказскому [9].

В ответ была прислана выписка «Св. Зак. 6-го продолж. тома XV-го ст. 1400», в которой пояснялось, что «отсылаемым под надзор полиции во внутренние губернии, как из столиц, так и из других мест обыкновенного и постоянного их пребывания, и не имеющим никакого состояния, ниже средства к пропитанию себя, нанимать квартиры от казны, примерно

рубль двадцать копеек или в рубль пятьдесят копеек серебром ежемесячной платы, и производить каждому на содержание по пятнадцати копеек серебром в сутки». Впрочем, дополнительно оговаривалось, что здесь нужно исходить «судя по состоянию и потребностям нуждающегося в оном» и стараться, чтобы эти деньги доставались арестантам «в таком единственно случае, когда по старости или болезням они не способны ни к каким работам или слугам», но в любом случае, видимо, оплата должна была быть не меньше казенного содержания [10].

Учитывая упомянутые средства, затрачиваемые на проживание преступников, поневоле можно задуматься, а кому на Руси жилось хорошо? Для сравнения, в 1846 г. суточное содержание муллы, с помощью которого пытались оказывать воздействие на непокорных горцев, а, следовательно, старались, чтобы он как полезный посредник ни в чем не нуждался, оценивали в 20 копеек серебром. Когда же ему стали платить еще 30 копеек, то это вообще стало восприниматься как нечто из ряда вон выходящее [11]. Но это была временная мера, в порядке, так сказать, эксперимента. Ранее казенные крестьяне, проживавшие в Кавказской области, платили подати с души в размере 12 рублей 30 копеек [12]. На этом фоне не такой уж безжалостной начинает выглядеть имперская система наказания.

Из всей этой истории так и осталось неясным, получили ли персидские купцы компенсацию за потерянные ценности. В то же время нужно отметить, что российское судопроизводство старалось действовать в рамках существующих законов. Но в чрезвычайных условиях северокавказской окраины, где на «хищничество» зачастую смотрели не как на преступление, а как на доблесть, эффективность такого подхода вызывала большие сомнения и заставляла порой идти на его нарушение. Насколько это было оправданно, однозначно сказать нельзя.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.1258. Л.1-1 об.

2. Там же. Л.2-3.

3. Там же. Л.6 об.

4. Там же. Л.11-11 об.

5. Там же. Л.26-27 об.

6. Огарков В.В. Воронцовы и их жизнь и общественная деятельность. Биографические очерки. – СПб., 1892. – С.95.

7. ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.1258. Л.33-33 об.

8. Там же. Л.39-39 об.

9. Там же. Л.45-46.

10. Там же. Л.47.

11. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. – М., 2005. - С.369.

12. Наш край. (Документы, материалы. 1777-1917 гг.) – Ставрополь, 1977. – С.76.

О БЕДНЫХ АРТИСТАХ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО, ИЛИ НЕТЕАТРАЛЬНЫЕ СТРАСТИ НА ВОДАХ В 1849 Г.

Для пятигорского коменданта полковника П.А. Принца день 17 августа 1849 г. прошел в обычных хлопотах и не предвещал никаких осложнений. Но «по полудни в пять часов» к нему ворвался посетитель, оказавшийся кассиром театральной труппы известного актера и антрепренера К.М. Зелинского и поведал о произошедших с ним и его товарищах злоключениях. По его словам, «Зелинский отправил свою труппу на нанятых подводах у колонистов колонии Николаевки, куда они прибыли и поджидали остальных имевших прибыть к ним из Пятигорска, где наежало на них вооруженною партиею офицер Кузьминский с гг. Якунчиковым, Томилиным, Кончиным собственным человеком отставного генерала генерал-лейтенанта Иловайского и казаками и требовали выдачи девицы Гончаровой, находящейся в труппе и когда прочие актеры стали противиться, то стал их брать и вязать и что он один оттуда успел уйти...» [1].

Комендант за время своей службы насмотрелся на всякое. Кавказские курорты не отличались спокойствием, и господа курсовые позволяли себе большие вольности. Оказавшись вдали от дома, «одни проводили дни и ночи за картами, проигрывались в коммерческие и азартные игры; другие увлекались до излишества танцами, волокитством и любовными интрижками, кончавшимися иногда скандальными ссорами и даже дуэлью» [2]. Но описываемый случай явно выходил за рамки обычных инцидентов. Остроту ситуации придавало еще и то, что К.М. Зелинского лично знал наместник, который пригласил его на Кавказ из Киевской губернии [3]. М.С. Воронцов поручил Карлу Михайловичу построить в Пятигорске театр и кредитовал на это весьма приличную сумму в 3500 рублей серебром [4]. Одним словом, содержатель театра был человеком известным, и отнестись к постигшим его неприятностям следовало со всей ответственностью.

Не откладывая дело в долгий ящик, комендант «послал с

казаками плац-адъютанта капитана Свенцицкого дабы есть ли еще найдет там насилие, виновных доставить в Пятигорск. Но он возвратившись донес, что труппа уже выехала и никого там не застал». В своем рапорте Ставропольскому гражданскому губернатору полковник доносил, «что как оное случилось в уезде, я предложил Пятигорскому земскому исправнику сделать законное дознание и о последующем донести начальству. За сим Ставропольского Егерского полка прапорщика Кузьминского, рапортом 18 августа за №28 мне донес, что сего числа в три часа по полудни дворянин Гладков объявил публично в присутствии отставного генерал-лейтенанта Иловайского, командира Донского №25 полка, полковника Иловайского и его Кузьминского, что у Зелинского скрывается в должности кассира политический преступник, участвовавший в бунте 1830 и 1831 года ротмистр Михайловский, офицер Польской службы, приговоренный правительством к смертной казни, а так же, что московский мещанин Орлеанов, а здесь он г. Шумский, который разыскивается уже более полутора года правительством, без паспорта проживает у Зелинского и что у Зелинского есть много подобных людей, которые живут у него в актерах без всякого вида и паспортов» [5].

Таким образом, дело приобретало неожиданный поворот. Под личиной артистов могли скрываться политические преступники. Чтобы распутать клубок взаимных обвинений, Пятигорский городничий поручик фон Липхарт по поручению вышестоящего начальства начал проводить расследования и собирать факты. Их он изложил в своем рапорте на имя Ставропольского гражданского губернатора А.А. Волоцкого от 20 августа 1849 г. со всеми подробностями, поведав в частности, что «Пятигорский комендант и уездный начальник господин полковник Принц, по дошедшему к нему извещению дал мне 17 числа сего месяца знать, что за городом пятигорском откупщиком питейных откупов купцом Николаем Якунчиковым управляющим пятигорскими питейными сборами, купцом Сергеем Томилиным и офицерами Каншиным и Кузьминским делается отнятие якобы у актеров театральной труппы

дворянина Карла Зелинского девицы Гончаровой, то чтобы я тот час отправился туда для разбирательства и узнания справедливости того события.

С повода этого отправляя по пути следования труппы дворянина Зелинского от Пятигорска до колонии Николаевки и по догнании на дороге делал я допрос девицы Гончаровой и труппы г. Зелинского, которые объявили, что управляющий здешними питейными сборами Сергей Томилин придя до отъезда еще труппы в театр за кулисы во время представления пьесы «Невесты под замком», т.е. 10 августа предлагал девице Гончаровой, чтобы она оставила театр и поступила в компаньонки к генералу, но не сказав его фамилии, быть может потому, что Гончарова его не спросила».

Однако тайный поклонник не оставлял своих попыток добиться расположения актрисы, и «по прошествии нескольких дней родная сестра Гончаровой г. коллежская регистраторша Гладкова приходила к ней и уговаривала согласиться на предложение Томилина. Накануне же выезда труппы из Пятигорска 17 числа сего месяца августа после спектакля Гончарова получила две записки от г-жи Гладковой, в которых Гладкова просила ее придти к ней, когда все лягут спать, если она придет, то будет счастлива, ибо она, Гладкова получила уже 50 целковых от Якунчикова. Гончарова же отдала записки эти г. Зелинскому. Спустя несколько времени г-жа Гладкова пришла сама к девице Гончаровой и посидев несколько времени у нее в квартире, просила старуху Бригиду надзирательницу, чтобы она с Гончаровой пришла домой, но ни Гончарова, ни Бригида не согласились, ибо видели коляску генерал-лейтенанта Иловайского у подъезда своего».

Так стал известен тайный воздыхатель, воспылавший к Гончаровой своей низменной страстью. Между тем, «на другой день по выезде труппы 17 числа августа, куда в след за ними Якунчиков, Каншин, Томилин, Кузьминский, урядник и 5 человек казаков Донского казачьего №25 полка догнали их в колонии Николаевке, где часть труппы находилась по случаю остановки извозчиков той колонии в оной по надо-

бности, которые также прибыв в колонию прописанные лица все вооруженные кинжалами, без всякой причины связали парикмахера и Григория Шибина на улице, потом вошли в дом колониста Каспара, где находился Шумский с беременною женой и актер Лавров. С азартом офицер Кузьминский обращаясь к Шумскому сказал: «Я вас всех должен арестовать по приказанию г. Пятигорского коменданта, если не отдадите девицы Гончаровой...», потом увидел Лаврова, и не говоря ему ни слова, позвал казаков 4 человека велел его связать и бросить на землю, что и было сделано казаками, которые бросили его так, что правая нога от колена вся от сильного ушиба посинела и опухла, что может посвидетельствовать вся труппа сия. На крик детей и испуганной жены Шумского сбежались жители колонии в числе коих пришел и театральный портной Фадей Вышеславцев, который начал говорить казакам чтобы они освободили Лаврова, то один из казаков ударил его по лицу кулаком и грозил, что и его свяжут. Добавляя к сему г. Якунчиков и офицер Кузьминский сильно угрожали и требовали отдать Гончарову, потом успокоясь немного, видя, что Гончаровой нет, просили Шумского, что если они скажут, где Гончарова и дадут ее им, то Шумский с женою и Гончарова будут счастливы, а если нет, то клялись торжественно мстить всей труппе».

Надо отдать должное фон Липхарту, он честно и самоотверженно исполнял свой служебный долг и, «когда по записке г. Пятигорского коменданта, отправился я верхом совместно с Кисловодским плац-адъютантом капитаном Свенцицким и несколькими казаками в колонию Николаевку для исследования сих важных обстоятельств, то плац-адъютант Свенцицкий с казаками отстали, и я с одним казаком войска Донского №25 полка Солодковым прибыл в колонию Николаевку, где никого из актеров не застал». Почему отстал капитан Свенцицкий, сказать трудно. Может кони притомились или сам плац-адъютант выбился из сил, но нельзя исключать и того факта, что участие в этом деле генерала Иловайского не добавляло оптимизма местному начальству, не желавшему

видимо ссориться со столь серьезной фигурой. По крайней мере, дальнейшие события заставляют подозревать Пятигорского коменданта в желании замять это происшествие. Возможно, он дал Свенцицкому соответствующие инструкции, и тот не торопился производить расследование.

Но фон Липхарт решил раскрыть преступление по горячим следам и «отправился в след по дороге в станицу Александрийскую за труппою, которую и догнал около станицы Александрийской, не доезжая пяти верст в 11 часов вечера, где нашел девицу Пелагею Гончарову и прочих актеров за исключением гг. Зелинского, Гладкова, Иванова, Кравченко и кассира. По моему спросу я удостоверился, что преступление вышеписанное действительно было сделано упомянутыми лицами, бывшими при том в трезвом виде. Тотчас же на месте долгом счел донести обо всем Пятигорскому коменданту, написав ему письмо карандашом за неимением в степи чернил и отправил с казаком Солодковым в 12 часов ночи на Лысогорский пост, прося г. Пятигорского коменданта полковника Принца немедленно главных преступников гг. Якунчикова, Каншина, Томилина, Кузьминского, Гладкова и жену его арестовать, но почему донесение мое г. комендантом не разрешено, мне неизвестно». Тогда же городничий «просил по желанию труппы, дабы г. полковник Принц мне тотчас выслал три тройки дабы, не останавливая труппы на мой счет перевести для очных ставок в г. Пятигорск девицу Гончарову, актеров Шумского, Лаврова и Кузнецова и тем поспешным действием уличив преступников, кончить дело в один день, не заводя переписки. Причем я согласен был в тот же день на мой счет возвратить Гончарову и прочих актеров к следовавшей труппе, с тем, чтобы они еще могли отправиться в г. Ставрополь».

И вот здесь поручик фон Липхарт столкнулся с явным саботированием следствия со стороны... самого господина коменданта Принца. Как он отметил в своем рапорте, «все мною сделанное осталось тщетно. Г. комендант по возвращении моем в г. Пятигорск 18 августа вечером, ибо я в колонии Николаевке

еще приостановил выезд г. Гладкова с супругою, объявляя мне, что я слишком далеко уехал и напрасно так строго действую, полагая, что преступники успеют еще быть арестованными, невзирая на то, что г. коменданту я тогда же доложил, что одно из прикосновенных лиц, о котором я только лично буду иметь счастье доложить Вашему превосходительству, торжественно объявило при свидетелях, что 300000 руб. жертвует, чтоб или похитить Гончарову или отомстить защитнику правого дела». Не трудно догадаться, что за лицо могло пообещать выложить такую сумму за актрису и фактически заказать расправу над государственным чиновником, находящимся при исполнении своих служебных обязанностей.

Все попытки фон Липхарта продолжить свою работу пресекались его непосредственным начальником, и как отмечал поручик, «преступники по настоящее время ходят по г. Пятигорску свободными и мне воспрещено их арестовывать, так что я для предупреждения всего противозаконного назначил рядовых Кулакова и Григорьева, которые с 18 августа с 9 часов вечера постоянно наблюдают за поступками Якунчикова и Каншина». Убедившись в нежелании П.А. Принца решать это дело, он просил А.А. Волоцкого «о назначении для исследования сих важных обстоятельств чиновника по усмотрению вашему, а для доклада вашему превосходительству об секретных обстоятельствах по этому делу разрешить мне на несколько часов отпуск в г. Ставрополь, о чем уже просил я ваше превосходительство рапортом 18 сего месяца августа посланным через разгонные посты» [6].

Тем временем и противная сторона стремилась представить актерскую труппу как «разбойничье гнездо» и мотивировать свои незаконные действия желанием обезвредить политических преступников. 19 августа Пятигорский земский исправник обратился в городскую полицию с поручением проверить сведения, сообщенные прапорщиком Ставропольского егерского полка Кузьминским о том, что среди актеров труппы К.М. Зелинского скрываются польские бунтовщики, да и вообще много лиц, не имеющих паспорта [7].

Пояснение по этому вопросу дал сам Карл Михайлович. Он сообщил в Пятигорское городовое полицейское управление, что «донос господина Кузьминского не справедливый. У меня в труппе нету никакого государственного преступника. 1. Станислав петров сын, которого знаю более уже 24-х лет, после отставки своей службы в Павлоградском гусарском полку, как он сам говорит, он служил при мне в Житомире у содержателя труппы у дворянина Залевского, потом тоже служил со мною в Киеве у содержателя дворянина Ленковского, потом тоже в Киеве служил со мною у содержателя Киевской труппы коллежского секретаря Штейна, потом у Млотковского, потом у содержателя Пилони (?) в Екатеринославе, а теперь уже у меня лет пять. Известный всем губерниям русским и в течение лет 24-х ничего об нем против правительства не заметил и не знаю.

2. Орлеанов по театру Шумский мой зять, тоже не беглец, он у меня уже два года, театральной московской школы ученик, московский мещанин, известный Ставропольскому начальнику, имел вид, который отослан в Московскую Думу, хочет поставить за себя рекрута и уже послано на тот предмет 200 р. сер. Но с чем господин Кузьминский выдумывая такой донос, не знаю, и чем он может по закону ответить за подобную клевету тоже не знаю. При чем осмеливаюсь просить начальство взять обеспечение с г. Кузьминского до окончания дел. Я же с своей стороны объявляю, что ни Михайловский, ни Орлеанов-Шумский не будут удалены из моей труппы из города Ставрополя тоже до окончания дела» [8].

Таким образом, обвинения в адрес содержателя труппы были отвергнуты. По крайней мере, в деле не содержались более сведения о проверке подлинности паспортов актеров, т.к. местное начальство, видимо, само прекрасно осознавало всю абсурдность подобных заявлений.

Между тем за дело взялась Ставропольская прокуратура. Уже по своим каналам она вышла на Ставропольского гражданского губернатора и просила предпринять меры против виновников нападения. В своем отношении от 30 августа 1849 г.

губернский прокурор приводит еще одну любопытную деталь. Все нападавшие были «одеты в азиатские костюмы». Можно предположить, что изначальный замысел похитителей заключался в том, чтобы представить нападение, как горский набег и таким образом скрыть следы своего участия в этом деле [9].

Дело явно набирало обороты, и виновники происшествия могли оказаться под судом. Однако, учитывая, что среди обвиняемых были военные, из Штаба войск Кавказской линии и Черномории 11 октября 1849 г. пришло письмо с пожеланием передать им все материалы этого дела. Остается лишь строить догадки и домыслы, но процесс расследования стал затягиваться. Может армейские чины не пожелали выдавать своих, может сыграла роль обычная следственная волокита, как знать, но завершение этой истории оказалось вполне мирным. Судя по сообщению от 29 января 1851 г., выслушав доклад о ходе следствия, генерал-лейтенант Завадовский, «принимая в соображение, что антрепренер труппы дворянин Зелинский, по иску которого возникло следствие, примирился с обвинявшимися в этом происшествии лицами, приказать изволил дело это оставить без последствий, которое и счита-

Л.Ф. Лагорио. Горские типы

ется конченным» [10]. На каких условиях и почему произошло это примирение, сведений не сохранилось.

Такого рода финал можно считать счастливым. Да, призвать к ответу старого ловеласа Иловайского и его подручных «беспристрастной» российской Фемиде не удалось, но, по крайней мере, обошлось без жертв. Между тем пятигорские курорты знали истории с куда менее счастливым финалом. Пьянящий воздух курортной свободы сыграл с некоторыми жертвами амура весьма злую шутку. Об одной из таких историй поведал отдыхавший на курорте в 1832 г. Ф.И. Кабанов. Он был свидетелем, когда на Воды приехал со своей супругой отставной майор, а ныне помещик Московский и Тульский – Терпигорев. На беду Терпигорева его жена приглянулась начальнику штаба Кавказского корпуса генералу Панкратьеву, который был «молодой, статный, ловкий и видный собой мужчина». Он начал напропалую ухаживать за ней, и дело закончилось дракой между генералом и мужем-помещиком. Тот поспешил увезти ветреную супругу с кислых вод, на которых произошел инцидент, «к горячим, а потом отправился к железным, думая укрыться от гонения Г. П<анкратье>ва. Но не тут-то было: П<анкратье>в везде их преследовал по пятам». Ситуация явно накалялась, и Терпигорев жаловался, что «по настройству Г. П<анкратье>ва привязывались к нему и вызывали несколько раз на дуэль один штаб- и другой обер-офицер, каким образом посланы были к нему линейные казаки, в виде черкесов, с приказанием увезти в ущелье гор и там прекратить бытие, и как он от них щастливо отделался: кои получа от него вознаграждение за спасение по целковику, рассказали ему откровенно обо всем, и как, наконец, дано ему с лекарством яду, от коего у него сделался кровавый понос и беспрестанное кровохарканье». Здоровье страдальца стремительно ухудшалось, и побывавший у него доктор пришел к выводу, «что ему непременно скоро должно умереть». Помещик поспешил покинуть негостеприимные курорты и отправился домой, но вслед за ним отбыл и Панкратьев. Как отмечал автор мемуаров, «неизвестно, чем окончится сия пиеса» [11].

Российская публика жаждала экзотики и, попадая под очарование «дикой вольности» Кавказа, порой допускала поступки, которые в обычной жизни, наверно, даже не пришли бы ей в голову. Что же говорить о тех, кто долго прослужил на Кавказе, проникся его духом, воспринял менталитет его народов. М.Ю. Лермонтов посвятил этим людям свой очерк «Кавказец», назвав их «существом полурусским, полуазиатским». И своих целей они зачастую добивались так, как это было принято у их земляков-соперников горцев. Россия оказывала культурное воздействие на Кавказ, но и Кавказ влиял на русское общество. Увы, такое влияние не всегда было полезным...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАСК. Ф.101. Оп.1. Д.728. Л.1-1 об.

2. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – СПб., 2003. – С.161.

3. Барнаш А.В., Лазарян С.С. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начало XX вв. – Пятигорск, 2006. – С.101.

4. Пятигорск в исторических документах 1803-1917 гг. – Ставрополь: Кн. Изд-во, 1985. – С.155.

5. ГАСК. Ф.101. Оп.1. Д.728. Л.1 об.-2.

6. Там же. Л.5-9.

7. Там же. Л.15-16.

8. Там же. Л.18-18 об.

9. Там же. Л.23-23 об.

10. Там же. Л.36.

11. Филин М.Д. Люди Императорской России (Из архивных разысканий). – М., 2000. – С.183-186.

«СОСТРАДАЯ К НЕСЧАСТНЫМ ПЛЕННЫМ...» ИЗ ОПЫТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕВОЛЬНИКОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ

Предметом затянувшегося судебного разбирательства стала афера, которую провернул нахичеванский армянин Парот Солнцев (или Барон (Парон) Сонцев. – Ю.К.) и фигурантом, по которому проходил известный на Кавказе генерал Г.Х. Засс. Это дело не только прекрасно иллюстрирует весь трагизм северокавказской повседневности п.п. XIX в., но и заставляет задуматься о правомочности тех или иных шагов российской администрации, вынужденной порой делать весьма нелегкий с нравственной точки зрения выбор.

Суть произошедшего заключалась в следующем. В конце ноября 1841 г. к Ставропольскому коменданту обратился однодворец села Донского Сафрон Стребков и поведал, «что в исходе сентября или в начале ноября, приехав из Закубани в третий верхний аул поселенный на речке Грачевке, неизвестный азиатец остановился у ногайцев Тагата и Тагатара, коим и продал двух пленных женщин у них находящихся, а сам с двумя пленными женщинами неизвестно куда уехал». Произошедший случай явно требовал проверки и реакции со стороны местных властей, строго следивших за пресечением практики пленопродавства, и уж тем более на подконтрольной территории, потому «полковник Масловский, считая, что обстоятельство весьма важным, приказал взять от однодворца Стребкова подробный допрос и представил его к г. командующему войсками на Кавказской линии и Черномории..., а между тем, вследствие словесного приказания его Превосходительства, послал ставропольского плац-майора, майора Генуша в третий верхний аул на речке Грачевке поселенный заарестовать и доставить в Ставрополь ногайцев Тогата и Тогатара и других прикосновенных к сему делу людей, что им и исполнено».

Задание было выполнено, и «заарестованные майором Генушем ногайцы Тагат и Тагатар Кубаноглы, Раскильде и

Телянис показали, что два первые из них купили у армянина Барона Солнцева по одной женщине из пленных азиаток с платою за каждою по 700 руб. ассигнациями, и что Солнцев, кроме купленных ими двух, привозил для продажи еще девять женщин, а генерал-лейтенант Засс в бытность в ноябре месяце сего года в Ставрополе лично объявил полковнику Масловскому, что из числа пленных женщин, препровожденных к нему с левого фланга Кавказской линии для отдачи за Кубань на обмен русских, он действительно отдал несколько таковых нахичеванской 3-й гильдии купцу армянину Барону Солнцеву в замен доставленных им из Закубани наших пленных». Дело принимало неожиданный оборот, и начались интенсивные консультации, «как поступить с заарестованными ногайцами и двумя пленными женщинами, кои отданы армянину Солнцеву за доставленных из Закубани наших пленных, и, следовательно, подлежавших не к продаже, но к отдаче за Кубань».

Судя по тому, что полученные пояснения датируются 20 мая 1843 г. решение для местных властей далось нелегко, что не удивительно. В деле фигурировало имя Г.Х. Засса, человека, который в силу служебных обязанностей должен был пресекать подобную практику. Тем не менее, Кавказскому областному управлению разъяснили, что «в 1840 году последовало Высочайшее повеление, о воспрещении выкупа и вымена от горцев наших пленных, для этого дабы лишить их приобретаемых от того выгод, чем в некоторой степени они поощрялись к частным нападениям». Но это в целом здравое суждение на практике порождало целый ряд проблем, т.к. альтернативного эффективного механизма возвращения невольников предложено не было. А потому власти на местах вынуждены были идти на нарушение императорского распоряжения, тем более что «в истекшие последние годы попалось к горцам значительное число наших пленных. Во уважение просьбы родственников их и сострадая к несчастным пленным, находившимся у горцев, бывший начальник Правого фланга Кавказской линии генерал-лейтенант Засс, сделав отступление от означенного Высочайшего повеления, дозволил жительству-

Григорий Христофорович фон Засс

ющему в Прочном Окопе нахичеванскому армянину Парону Сонцеву, взять у горцев наших пленных на обмен за их пленных, у нас находившихся, что им и исполнено. В то время в ведомстве начальника Правого фланга вовсе не было азиатских пленных, а потому в следствии ходатайства его, по сделанному предшественником моим распоряжению, были присланы к генерал-лейтенанту Зассу с Левого фланга 60 человек пленных и часть их выдана армянину Сонцеву для отдачи за взятых им у горцев наших пленных. Но вместо этого он распродал их в ногайских аулах гражданского ведомства...» Что касается русских пленных, то их купец предпочел выкупить у горцев «на деньги и товар», чтобы получить дополнительный барыш [1].

Расследование имело продолжение в 1855 г., и из сохранившихся документальных свидетельств стала известна последующая судьба как купца, так и его покровителя. По словам А.И. Барятинского, которому выпало разбираться в этом деле, «армянин Сонцев поселившись в 1830 году в станице Прочноокопской (на правом фланге Кавказской линии) завел торговлю с Закубанскими непокорными горцами и, сблизившись с ними с 1833 года стал заниматься выкупом русских пленных увлеченных горцами, показывая вид, что делает сие из сострадания к пленным и из усердия к правительству. Но на самом деле побуждался к тому более корыстью, нежели усердием, ибо, когда с разрешения начальства выдавались ему азиатские пленные для размена на русских пленных, то

Сонцев, отвозя их в горы, не выменивал на них наших пленных, а продавал горцам за наличные деньги, за товар и скот. Русских же пленных он выкупал на деньги и более выменивал на товар, соблюдая в том и другом случае собственную свою выгоду, т.е. он русских покупал дешевле у горцев, а им продавал азиат дороже.

Одним словом, Сонцев завел с закубанцами торг людьми, строго воспрещенный законами и, наконец, получивши в 1841 году от начальника Правого фланга Кавказской линии, генерал-лейтенанта Засса 18-ть пленных тавлинок (горских женщин) в замен возвращенных из гор наших пленных, распродал из них 12 подвластным России татарам, 3-х сотнику Атарщикову, передавшему этих женщин карачаевцам и потом бежавшему к непокорным горцам, а остальных продал за Кубань».

Но этим коммерческая деятельность пронырливого торговца не ограничилась, и «сверх того Сонцев взял у калмыка Лазунова 400 руб., а также у казаков Невинномысской и Барсуковской станиц: у вдовы Анны Жуковой 120 руб., Лукерьи поцвировой 286 руб., Прокофия Рыбисова 400 руб., Афонасия Капустина 184 р., урядника Долгова и других той же Невинномысской станицы жителей 11 человек деньгами и скотом на 1315 р. на выкуп пленных их детей и родственников, но обещания своего не выполнил».

Для человека, далекого от Кавказа, ситуация могла показаться чудовищной, и все участники произошедшего, а особенно Парот Сонцев, достойны строгого наказания. Но вот сами «виновники» так явно не считали, и скрывать свои поступки с целью уйти от ответа не собирались. Например, «армянин Сонцев против обвинений в производстве им торга пленными и в распродаже ногайским татарам пленных тавлинок отданных ему для вымена русских пленных, сам сознался, показывая, что он не считал это противозаконным, ибо производил торг с дозволения генерал-лейтенанта Засса. На счет же взятия у разных лиц денег, для выкупа из плена их родственников Сонцев сознался только в получении от калмыка Лазунова 400 руб., казаков: Рыбисова 120 руб., Капустина 100

руб., Жуковой 120 руб. и у Поцвировой не помнит сколько, но от возврата этих денег отказывается, выводя разные причины, по коим он не мог исполнить своего обещания, издержки употребленные будто им в горах при розыске пленных. Однако же эти показания Сонцева не заслуживают уважения».

Впрочем, далеко не все претензии купец считал обоснованными. Так, «во взятии на этот же предмет денег и скота всего на сумму 1315 р. ассиг. От прочих 12 человек жителей Барсуковской станицы Сонцев не сознался и нет ясных улик по делу к изобличению претендателей и показанием армянина Карпарова утверждающего, что Сонцев точно получил с Барсуковских казаков деньги и скот за выкуп пленных навлекается на него Сонцева, одно подозрение» [2].

В свое время Сонцев выразил готовность вернуть взятые деньги, но «не имел к тому возможности по нахождению его под арестом и потому что имение его все описано. Сверх того Сонцев присовокупил, что бежавший в горы сотник Атарщиков остался должным ему 2500 руб. ассигнациями, а потому он просит находящиеся при Кубанском казачьем полку принадлежащие Атарщикову 70-т лошадей, приказать продать и деньги выдать ему на удовлетворение претендателей» [3].

Среди потерпевших были и те, кто считал купца скорее жертвой, нежели виновником. Некий «комиссионер Штейн предъявил было претензию на Сонцева, что он получивши от генерал-лейтенанта Засса одного важного пленного горца за освобождение его, Штейна из плена, взял сверх того с мены Штейна 2000 руб. ассиг., но в последствии Штейн оставил эту претензию отозвавшись, что Сонцев был только слепым орудием генерала Засса, торговавшего русскими пленными».

От генерала потребовали объяснений, и «на запрос губернского правления уклонившись от прямого ответа на счет дозволения Сонцеву продавать тавлинок татарам отозвался, что тавлинки выданы Сонцеву за доставленных им из гор наших пленных, вместе с тем препроводил он в губернское правление копию с билета данного Сонцеву, 7-го августа 1841 года на свободный проезд с 12 тавлинками по Куме, а в этом

билете именно сказано, что Сонцев отправляется для продажи по Куме этих пленных».

Дело осложнялось отсутствием четкого юридического обоснования действий Сонцева, т.к. торг «пленными и взятие им с разных лиц денег за выкуп пленных, происходило до Всемилостивейшего манифеста 16 апреля 1841 года, а продажа им пленных тавлинок татарам состоялась после сего манифеста».

Проведя расследования и взвесив все обстоятельства данного дела, «Ставропольская палата уголовного и гражданского суда, решением своим определила: армянин Сонцев за выше изъясненные поступки, подлежал бы наказанию по всей строгости законов, если бы сам непосредственно производил торг сей. Но он увлечен был в настоящее преступление и мог не знать что по закону положено за это лишение всех прав состояния..., но за всем тем ясно видны корыстолюбивые поступки Сонцева, палата, принимая все сие во внимание... полагала, его Сонцева не подвергать личному за торговлю пленными наказанию по тому собственно уважению, что он производил оную с дозволения генерал-лейтенанта Засса. Но вместе с тем, как вредного по корыстолюбию и по сношению с горцами, выслать из Ставропольской губернии и впредь воспретить ему иметь в оной пребывание, что и означать в выдаваемых ему паспортах. Взятые им на выкуп пленных деньги в получении коих он сам сознался, всего 1026 р. ассиг., взыскать с него и удовлетворить претендателей, а во взятии у прочих 12 человек жителей Барсуковской станицы денег и скота, оставить его, Сонцева в подозрении, предоставив тем лицам, а так же Рыбисову и Капустину о претензиях своих на Сонцева просить особо от настоящего дела с ясными доказательствами». Таким образом, купец отделался довольно легко, учитывая усиливавшуюся борьбу с пленопродавством, которую последовательно проводила российская власть.

Не оставили в стороне несмотря на былые заслуги и барона Г.Х. Засса. Палата постановила, «поступок генерал-лейтенанта Засса дозволившего армянину Сонцеву торговать пленными, предоставить рассмотрению г. главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом».

П.Н. Грузинский. Оставление горцами аула при приближении русских войск

Учитывая, что проданные горянки являются российскими подданными и, следовательно, обладают такими же правами как и остальные, поручили «Ставропольскому губернскому правлению предоставить сделать распоряжение, чтобы проданных Сонцевым подвластным нам татарам тавлинки не находились более в рабстве, а немедленно даровать им свободу с предоставлением тем лицам искать вознаграждение буде пожелают с армянина Сонцева гражданским порядком».

Впрочем, на этом разбирательства не закончились, и «управлявший Ставропольскою губерниею возвратив дело в палату уголовного и гражданского суда, обращал внимание на то обстоятельство что палата, не имея положительного отзыва от генерал-лейтенанта Засса, на счет дозволения им армянину Сонцеву торговли пленными, обвинять в том генерала Засса, а Сонцева освободить от личного наказания за продажу пленных тавлинок».

Дело вновь было рассмотрено, но «Ставропольская судебная палата сообразив это замечание управляющего губерниею с делом, не нашла убеждений ни к изменению, ни к

дополнению решения оной». Были даны следующие пояснения: «1-е, что армянин Сонцев занимаясь выкупом пленных с дозволения местного военного начальства, увлекся при этом случае корыстию и именно: он брал в свою пользу боле того сколько платил горцам за пленных. Но и этот неблаговидный и постыдный поступок заслуживает снисхождения тем, что Сонцев сблизившись с горцами, освобождал от них русских претерпевавших, как известно в плену всевозможные лишения и даже истязания и в таком случае всякий пленный готов отдать все свое достояние лишь бы избавиться от тягостного плена, и 2-е, что продажа армянином Сонцевым полученных им от генерал-лейтенанта Засса пленных тавлинок Закубанским и подвластным русскому правительству татарам, тогда бы только заключала в себе особенную важность и влекла бы за собою определенное... наказание, если б Сонцев не доставил из гор взамен сих азиаток русских пленных и если бы сам непосредственно производил торг сей, но и здесь увлекшись и взявши в замен их азиаток, решился продать их на наличные деньги Закубанцам и подвластным России лицам».

Что касается Засса, то он, по мнению членов палаты, «имел власть и возможность остановить действия армянина Сонцева, а не только не исполнил сего, но дал способы и средства продать Сонцеву тавлинок: он снабдил его открытым предписанием на продажу сих азиаток, кочующим по Куме татарам. Имея у себя такое позволение от главного начальника правого фланга кавказской линии, армянин Сонцев не мог считать для себя преступлением продавать пленных тавлинок, да и другие более Сонцева сведущие в законах лица, почитали действие это позволительным. Генерал-лейтенант Засс в отзыве своем хотя и не написал того, что он точно дозволил Сонцеву продавать азиаток, но представленный по делу в копии билет, данный им Сонцеву, ясно объясняет дозволение. В этом билете положительно сказано, что армянин Сонцев уволен не за Кубань к горцам, а по реке Куме до карачаевских народов и не для размена пленных, а для продажи 12 душ азиатских пленных отданных Зассом Сонцеву». Особо подчеркивался то факт, что «отечест-

во тавлинок за Тереком, а не за Кубанью, куда они назначены на размен пленных, то они должны были поступать к горцам в неволю, там участь их была хуже той, какой они подверглись, поступив в работы к подвластным России татарам, действия коих ограничиваются законами и от коих в силу настоящего решения они должны получить свободу».

Эти доводы были признаны основательными, а потому приговор относительно Парота Сонцева оставили без изменений. Учитывая, что генерал Г.Х. Засс не входил в юрисдикцию гражданского суда, Ставропольский гражданский губернатор просил военное ведомство дать оценку его действиям. Он пояснял, что лишь в этом случае можно говорить о новой трактовке в деле Сонцева.

Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, «находя, что по выбытии генерал-лейтенанта Засса с Кавказа, отдаленности происшествия от настоящего времени и во внимании к тому, что пленные продавались в границах наших, где они, по закону должны воспользоваться свободою, о чем гражданским начальством предположено уже сделать распоряжение, полагали: ограничиться объявлением генерал-лейтенанту Зассу за действия его по этому делу выговора».

Безусловно, с формальной точки зрения Г.Х. Засс должен был понести наказание, и «полевой аудиториат Отдельного Кавказского корпуса, в который передано было настоящее дело, признал генерал-лейтенанта Засса виновным: в отступлении от Высочайшего повеления, воспрещающего выкупать и выменивать от горцев наших пленных дозволением армянину Сонцеву взять у горцев наших пленных на обмен за их пленных, и в противозаконном и самовольном дозволении этому же армянину продавать этих пленных... За таковые действия, по мнению полевого аудиториата, генерал-лейтенант Засс подлежит ответственности по законам».

Казалось бы, после этого вина генерала полностью доказана и никаких снисхождений быть не может. Но жизненные реалии оказались куда более сложными и неоднозначными, чем любой, даже, на первый взгляд, разумный закон. Поэтому, когда

«относительно вымена наших пленных у горцев на их пленных у горцев на их пленных у нас находящихся, была сделана в корпусном Штабе выправка и оказалось, что на размене пленных особых правил и постановлений хотя не было, но это допущено на Кавказе с давнего времени. Выкуп пленных делался иногда ближайшими местными начальниками, а иногда и с разрешения главного здесь начальства. В 1840 г. по воспоследовании Высочайшего повеления, объявленного в отзыве бывшего Военнаго министра от 19 апреля 1840 г. за №2361, коим решительно велено прекратить повсеместно вымен и выкуп наших пленных, бывший корпусный командир генерал от инфантерии Головин входил с представлением о дозволении вымена, а в некоторых случаях и выкупа наших пленных до коле запрещение сделается более известным, вследствие чего и воспоследовали Высочайшим Государя императора повеления сообщенные генерал-адъютантом Чернышевым от 18 июня и 5 октября того 1840 г. за №3647 и 615, которыми разрешено предположение генерала Головина допустить, но только в виде частной и временной меры». Если уже на самом высочайшем уровне было осознание того, что невозможно буквально следовать принятому закону, что же говорить о местном кавказском начальстве, каждый раз сталкивающемся с горем и просьбами родственников оказавшихся в плену несчастных. И, «таким образом», говорилось в постановлении, «генерал-лейтенант Засс не подлежит ответственности за дозволение армянину Сонцеву выменивать наших пленных на находившихся у нас в плену азиатцев, ибо это допущено было на Кавказе повсеместно и полевой аудиториат при обвинении в том генерала Засса не имел в виду вышеприведенных Высочайших разрешений по сему предмету».

Решение командующего отдельным кавказским корпусом было следующим: за то, что Г.Х. Засс допустил продажу женщин-горянок, он «...подлежал бы за это строгой ответственности, но, принимая во внимание во 1-х, отдаленность таковых действий от настоящего времени, чрез что весьма трудно восстановить теперь следствие по сему предмету; во 2-х что из проданных тавлинок находящиеся в наших пределах согласно судебному реше-

нию получат свободу из рабства и в 3-х что генерал-лейтенант Засс во время продолжительного служения своего на Кавказе постоянно отличался мужеством, личною храбростью и военною распорядительностью в делах против горцев, генерал-адъютант Реад полагал за вышеизложенное провинение генерал-лейтенанта Засса объявить ему выговор и тем кончить это дело, но не приводя сего в исполнение представлял на Высочайшее воззрение Его Императорского Величества». Император одобрил это решение, и, таким образом, наказание, имеющее явно формальный характер, было произведено [4].

Представляется, что в этом случае и Парот Сонцев, и барон Г.Х. Засс стали жертвами обстоятельств. Ни тот, ни другой даже не представляли, что их шаги будут оцениваться как нарушение закона. Оба действовали в соответствии с теми нравами и порядками, которые царили на Кавказе. Один зарабатывал деньги и не понимал, как можно торговать в убыток, другой обязан был всячески помогать вверенному его попечению населению пограничья, а потому действовал с горцами по-горски. «С волками жить, по волчьи выть», так охарактеризовал поступки генерала один из его сослуживцев [5]. Но времена менялись, и российская государственность неумолимо ломала такие «традиционные ценности» северокавказских народов, наказывая в том числе и тех, пусть и заслуженных военачальников, которые слишком адаптировались к местным реалиям, восприняв их отвратительные стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.620. Л.1-8.
2. ГАСК. Ф.101. Оп.1. Д.2928. Л.11-11 об.
3. ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.620. Л.19 об.
4. ГАСК. Ф.101. Оп.1. Д.2928. Л.11 об.-14 об.
5. Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. – 1870. – №8. – С.316.

СПИСОК УБИТЫХ И ПОХИЩЕННЫХ ГОРЦАМИ КАЗАЧЕК КУБАНИ С КОНЦА XVIII ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.

Целью составления предлагаемой таблицы было проведение статистических подсчетов, позволяющих отследить сезонность, локализацию и практический результат горских нападений на российских женщин. Информация не носит абсолютного характера, так как содержит в себе лишь фрагментарные сведения. Причинами этого является следующее:

1) неполная сохранность архивных фондов исследуемого периода;

2) большой разброс подобной информации по различным фондам (нередко в связи с передачей подобных дел от одного ведомства другому в XIX веке);

3) отсутствие каких бы то ни было централизованных статистических подсчетов военной администрации в указанный период по плененным гражданским лицам;

4) недостаточные сведения о судьбах пленниц, так и не вернувшихся домой, в силу отсутствия необходимости (и возможности) документирования у самих горцев.

В целом, не позволяя сделать глобальных выводов о набеговой практике горцев и вытекающей из нее специфики пленопродавства на Северном Кавказе, приведенные в таблице факты заставляют в то же время задуматься и по новому взглянуть на реалии военной повседневности российских женщин в регионе в указанный период.

	ГОД	СЕЗОН, ДАТА	МЕСТО СОБЫТИЯ	ИМЯ	ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА	ПОСЛЕДСТВИЯ	ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
1.	1795	осень (26 октября)	около г. Екатеринодара	Марина Крутофал (жена порутчика; из ст. Джерлиевской)	при вырубке леса на берегу Кубани попала под обстрел черкесов, ехавших по другой стороне реки	ранена в ногу и 30 октября 1795 г. умерла от гангрены (врач отказался извлечь пулю из раны)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.319, Л.л.52-53.; Кияшко И.И. Именной список генералам, штаб и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сраженьях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 г. – Екатеринодар, 1911. – С.2.
2.	1796	осень (2 октября)	около г. Екатеринодара	Варвара Жолоб (жена казака; из Платнировского куреня)	на обратном пути с ярмарки к куреню	плен (вместе с малолетним сыном; муж убит во время нападения)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.365, л.24.; Кияшко И.И. Указ. соч. – С. 43.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
3.	1803	зима (январь)	Александровский кордон	Анастасия Коротняк, Марья Коротняк (жена и сестра хорунжего; из ст. Величковской)	при разбитии Александровского кордона	плен (вернулись по обмену в мае того же года)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.448, Л.л. 76-76об.; Кияшко И.И. Указ. соч. – С.3.
4.	1803	лето (август)	дистанция Ольгинского кордона	Татьяна Седельник (дочь черноморского казака, девица)	при нападении черкесов на повозку, в которой она с отцом везла из леса дрова (отца ранили в затылок саблей)	плен (вернулась по обмену в октябре того же года)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.448, Л.л. 166об.-169.
5.	1804	осень (16 сентября)	пригород Екатеринодара	Мария Белоус (жена казака; из г. Екатеринодара)	при нападении горцев на «подгородние хутора»	плен (вместе с мужем и малолетней дочерью Натальей)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.484, Л.л. 82-82об.; Кияшко И.И. Указ. соч.–С.46.
6.	1804	осень (октябрь)	около селения Видного	Агафья Баранина (дочь черноморского казака, девица)	при неизвестных обстоятельствах	плен (вернулась по обмену в апреле 1806 г.)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.505, Л.л. 15-30об.
7.	1806		Ведмедовский курень	Александра Петрова (19 лет)	при неизвестных обстоятельствах	плен (освобождена под именем абазинки Кюлум в числе пленников контрабандного турецкого судна в 1810 г.)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.605, л.3.
8.	1807	весна (20 марта)	хутор Петровский	Варвара Шанька (жена казака; жительница этого хутора)	при нападении горцев на Курчанские хутора	убита (вместе с мужем)	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.49.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
9.	1807	весна (20 марта)	хутор Дядьковский	Мария Рыжак (дочь казака, девочка, жительница этого хутора)	при нападении горцев на Курчанские хутора	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.49.
10.	1807	весна (май)	ст. Воровсколесская	179 женщин и девочек	при нападении закубанцев под предводительством Султан-Гирея на ст. Воровсколесскую	плен (вместе со 136 мужчинами)	Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – С.65.
11.	1807	лето (19 августа)	ст. Пластуновская	Анна Блакитная (дочь черноморского казака, девица; жительница этой станицы)	проникшие в станицу ночью горцы хотели взять в плен спавшую в сенях Анну	ранена в руку при оказании сопротивления нападавшим, которые ушли без добычи из-за подхода по тревоге кордонной команды	ГАКК, ф.249, оп.1, д.526, Л.л. 97-97об.
12.	1807		ст. Темнолесская	6 женщин	при нападении горцев на станицу	плен	Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – с.44.
13.	1809		черноморское селение Канабродное	Прасковья Иванова (16 лет)	при неизвестных обстоятельствах	плен (освобождена под именем абазинки Айше в числе пленников контрабандного турецкого судна в 1810 г.)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.605, л.3об.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
14.	1810	зима (12 января)	хутор Ивановский	Аксинья Гусар (жена казака)	при нападении на х. Ивановский	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.53
15.	1810	зима (12 января)	хутор Ивановский	Мария Головко (жена казака)	при нападении на х. Ивановский	убита (зарублена горцами при попытке побега, а муж-отставной и сын-малолеток попали в плен)	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.53.; Тернавский Н. Казачьей славы имена. – Краснодар, 1994. – С.17.
16.	1810	зима (январь)	«черноморская слобода Стеблиевская»	Стефанида Донкова (40 лет)	при неизвестных обстоятельствах	плен (с сыном 3 лет; освобождена в числе пленников контрабандного турецкого судна в 1810 г.)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.605, л.4.
17.	1810	осень (11 сентября)	около Нижестеблиевского куреня	Дарья Белая (жена казака)	при нападении горцев на хутор, где она жила	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.58.
18.	1810	осень (14 октября)	форштадт около г. Екатеринодара	Ольга Винникова (дочь казака; из г. Екатеринодара)	при нападении горцев на форштадт	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.58.
19.	1810	осень (26 октября)	Новонижестеблиевские хутора	Анна Титаренко (жена казака)	при нападении горцев на Новонижестеблиевские хутора	плен (вместе с мужем и 4-мя детьми)	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.58.
20.	1810	осень (26 октября)	Новонижестеблиевские хутора	Зиновия Даниленко (жена казака)	при нападении горцев на Новонижестеблиевские хутора	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.58.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
21.	1811	весна (март)	в степи недалеко от Батуринского куреня	Евдокия Косогор (вдова-казачка)	при неизвестных обстоятельствах	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.60.
22.	1812	зима (1 февраля)	хутор Ивановского куреня	Наталья Житная (жена казака)	при нападении горцев на хутор	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.61.
23.	1812	весна (24 апреля)	в степи недалеко от Васюринского куреня	Марфа Кобец (жена казака; из Васюринского куреня)	при неизвестных обстоятельствах	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.61.
24.	1812	весна (30 мая)		Ульяна Трухляк (дочь казака, 5 лет)	при неизвестных обстоятельствах	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.61.
25.	1812	лето (16 августа)	хутор Полтавского куреня	Дарья Завальная (жена казака)	при нападении горцев на хутор	плен (вместе с малолетним сыном; муж и пасынок были убиты)	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.61.
26.	1813	весна (12 мая)		Мария Гладченко (дочь казака, 15 лет; из Динского куреня)	при неизвестных обстоятельствах	плен (вместе с малолетком 16 лет; двое казаков, бывшие с ними, зарулены)	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.64.
27.	1813			две дочери казака Семенихина (из ст. Темнолесской)	при неизвестных обстоятельствах	плен	Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – С.44.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
28.	1818	зима (1 января)	около г. Екатеринодара	Ульяна Хандусь (жена казака; из г. Екатеринодара)	при проникновении горцев в пригород Екатеринодара	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.69.
29.	1820	зима (январь)	в дистанции Ново-Екатериновского кордона	Елизавета Чухрай (жена казака), Анна Чухрай (ее дочь 13 лет)	при разграблении горцами х. Джерлиевского	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.72.
30.	1820	зима (январь)	в дистанции Ново-Екатериновского кордона	Татьяна Ворона (жена казка), Матрена Ворона (ее дочь 3 лет), Ульяна Ворона (дочь Татьяны 1 год)	при разграблении горцами х. Минского	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.72.
31.	1820	зима (январь)	в дистанции Ново-Екатериновского кордона	Марина Галушка (жена казка), Елена Галушка (ее дочь 5 лет)	при разграблении горцами х. Переяславского	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.72.
32.	1820	зима (январь)	в дистанции Ново-Екатериновского кордона	Анна Твардовская (жена казака), Галина Твардовская (ее дочь 4 лет)	при разграблении горцами х. Кущевского	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.72.
33.	1820	зима (январь)	в дистанции Ново-Екатериновского кордона	Марья Рожай (девочка 7 лет)	при разграблении горцами х. Щербиновского	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.72.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
34.	1820		хутор около Екатеринодара	Анна Шевченко и дочь ее Мария	при разграблении горцами хутора	плен (вместе с мужем Анны и тремя сыновьями). Анна с мужем Иваном были выкуплены из плена. Их дочь Мария была освобождена в 1834 г. в числе пленников турецкого контрабандного судна под именем кабардинки Лезь.	ГАКК, ф.249, оп.1, д.1335а, Лл. 317-317об.
35.	1822	осень (ноябрь)	хутор около ст. Григориполисской	жена казака Гаврилы Максимовича и 6-летняя дочь казака Бомбардина	при нападении на хутор Максимовича	плен	Скиба К.В. Кубанская линия в военно-полити-ческих событиях 1801–1835гг. /Дисс… к.и.н. – Армавир, 2004. – С.151.
36.	1823		ст. Темнолесская	дочь казака Харланова	при неизвестных обстоятельствах	плен	Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – С.44.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
37.	1824		ст. Кругло-лесская	Прасковья Фандеева (30 лет)	при разграблении горцами ст. Кругло-лесской	плен (Захвачена черкесским князем, у которого была впоследствии украдена неизвестными горцами и продана мирным черкесам, от которых и была выкуплена российской стороной осенью 1834 г.)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.1335а, л.399.
38.	1825	весна (май)	ст. Воровско-лесская	дочь казака Григория Дьякова (7 лет), дочь казака Федора Минаева (6 лет)	трое закубанцев под видом «мирных» подъехали к станице и неожиданно схватили девочек, игравших около нее	По тревоге караульного Василия Очакова отряд казаков бросился за ними вдогонку. В результате схватки была отбита дочь казака Дьякова. Другая же девочка так и осталась в руках горцев.	Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – С.67.
39.	1825			Василиса Попова (девица из ст. Темижбекской	при неизвестных обстоятельствах	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.88.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
40.	1828		около ст. Темнолесской	две девочки из ст. Темнолесской	во время работы в поле были захвачены семью горцами	отбиты солдатами Пенгинского пехотного полка, которые несли службу в Темнолесской крепости	Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – с.44.
41.	1831	осень (12 сентября)	Марьинский курень	Федора Мостовая, Устинья Шинкаренкова	при нападении большой партии горцев на Марьинский курень	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.118.
42.	1831	осень (октябрь)	ст. Григорополисская		при нападении горцев на станицу в тумане	1 женщина убита, 4 – ранено, 103 – взято в плен	Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.2. – Краснодар, 1992. – С.397.
43.	1832	зима	хутор в Таманском округе	вдова Сношевская	при разграблении хутора горцами	плен (вместе с ее рабочими)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.1273.
44.	1832			Матрена и Елена Кельины (из ст. Новотроицкой)	при неизвестных обстоятельствах	плен	ГАСК, ф.63, оп.12, д.508, Лл. 23, 44, 79, 99.
45.	1833	лето	ст. Елисаветинская	Христина Ровная (жена казака)	при проникновении малой партии черкесов в станицу	плен (вместе с мужем; отпущена в обмен на соль в 1834 г.)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.1392, Лл. 3-6.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
46.	1833		в дистанции Александровского поста	Прасковья Ковалева (18 лет; из г. Екатеринодара)	при нападении горцев на бричку майора Севастопольского пехотного полка Лоцкого	плен (освобождена в июне 1834 г. в обмен на «соответствующую» ей черкешенку из числа пленных, захваченных на турецких судах в январе 1834 г.)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.1335а, Лл.339-350.
47.	1834	осень (сентябрь)	Воробьевский лес	Марфа Бунина (жена неслужащего казака из ст. Каменнобродской)	при сборе хвороста	плен (с двумя малолетними сыновьями)	РГВИА, ф.15264, оп.1, д.22, л.10.
48.	1837	лето	на дороге к Ольгинскому посту	Аксинья Петренкова (20 лет; жена казака из куреня Поповичевского); Евдокия Петренкова (свекровь)	Аксинья поехала со свекровью на парово-ловой подводе к мужу на Ольгинский пост; на отдыхе на них напали черкесы	плен (Аксинья выкуплена в марте 1838 г.)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.1552, л.86.
49.	1837	осень (сентябрь)	в 12 верстах от г. Екатеринодара	Зиновия Чубова (жена казака)	при неизвестных обстоятельствах	плен (выкуплена в январе 1838 г.)	ГАКК, ф.249, оп.1, д.1552, л.2.
50.	1837		около ст. Марьянской	Феодосья Логвинова (жительница этой станицы)	во время работы в поле	плен (с племянницей Авдотьей 11 лет и работником; выбежала из плена в 1843 г.)	ГАКК, ф.254, оп.1, д. 242 «б», л.1.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
51.	1839	лето (12 августа)	хутор Васюринский	Дарья Животовская (дочь есаула, 12 лет; жительница этого хутора)	при нападении горцев на хутор	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.11.
52.	1839		около аула Лоова на р. Куме	Прасковья Шелкоплясова (девица), Меланья Гречкина обе из ст. Бекешевской)	при неизвестных обстоятельствах	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.146.
53.	1843	осень (5 сентября)	не доезжая 8 верст до ст. Кавказской	Елена Пономарева (линейная казачка; имела 12-летнюю дочь; из ст. Кавказской)	при возвращении вечером на телеге с тыквенной бахчи подверглась нападению 4-х горцев	плен (при захвате был зарублен, находившийся с ней канонир Журавлев)	ГАКК, ф.256, оп.1, д.61.
54.	1842	осень (10 ноября)	ст. Темнолесская	87 женщин и детей (например, жена и дочь казака Лукьяна Дрокина)	при нападении горцев на станицу	плен	Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – С.54.
55.	1843		ст. Бекешевская	Пелагея Тетеревятникова	при нападении горцев на ст. Бекешевскую	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.162.
56.	1850		ст. Чакмлыкская	Матрена Махова	при неизвестных обстоятельствах	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.179.
57.	1852			Авдотья Морозова (девочка из ст. Урупской)		плен	ГАКК, ф.256, оп.1., д.167.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
58.	1852	осень (сентябрь)	ст. Темнолесская	две казачки – Иванова и Бородина	при неизвестных обстоятельствах	плен	Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – С.53.
59.	1854	зима (20 января)		Татьяна Самойленко (жена казака; из ст. Новонижестеблиевской)	при неизвестных обстоятельствах	убита (зарезана горцами вместе с мужем)	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.192.
60.	1854			Татьяна Осипова Потапова (жена казака; из ст. Тенгинской),	при неизвестных обстоятельствах	пропала без вести	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.192.
61.	1854			Агафья Петрова Комарова (девочка; из ст. Тенгинской)	при неизвестных обстоятельствах	пропала без вести	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.192.
62.	1855		около ст. Урупской	Марья Зеленская (жена линейного казака; из ст.Урупской)	поехала к мужу в ст.Лабинскую из-за домогательств со стороны свекра в сопровождении казака, который передал ее горцам в обмен на желтую черкеску, пистолет и шаровары	плен (вышла от горцев через 12 лет - после прекращения военных действий на Кавказе)	ГАКК, ф.254, оп.1, д.1044.
63.	1856	осень (14 сентября)	ст. Новонижестеблиевская	Мария Рудь (жена отставного казака)	при нападении горцев на хутор при станице	убита (вместе с мужем и 5-летним сыном)	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.223.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
64.	1857	лето (14 июня)		Пелагея Тетеревятникова (жена казка; из ст. Бекешевской)	при неизвестных обстоятельствах	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.227.
65.	1857	осень (27 октября)		Марфа Семенова («девица 13 лет»; из ст. Бекешевской)	при неизвестных обстоятельствах	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.229.
66.	1857			Ксения Полуэктовна Филимонова (жена урядника; из ст. Григориполисской), Евдокия и Варвара Филимоновы (ее дочери)		Ксения зарезана горцами при попытке взять ее в плен, а ее дочери Евдокия и Варвара похищены	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.233; Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – С.32.
67.	1858	осень (30 сентября)	ст. Зассовская	Марфа Чупракова (из ст. Зассовской)	при нападении горцев на станицу	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.237.
68.	1858		в степи недалеко от ст. Владимирской	София Долгачева (жена казака; из ст. Владимирской)	при нападении горцев на жителей ст. Владимирской, «бывших в степи за сеном»	убита (вместе с другими станичниками)	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.237.
69.	1858			Федосья Столярова (казачка из ст. Ладожской)	при неизвестных обстоятельствах	умерла от ран, нанесенных горцами	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.238.
70.	1858			Мария Сысоева (из ст. Вознесенской)	при неизвестных обстоятельствах	ранена и умерла в плену у горцев	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.240.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
71.	1858	зима (январь)		жена казака Цымлянцева (из ст. Темнолесской)	при неизвестных обстоятельствах	плен	Колесников В.А. Донцы на Кубани. - Ставрополь, 1995. – С.53.
72.	1859	осень (7 сентября)		Анастасия Махнова (из ст. Новонижестеблиевской)	при неизвестных обстоятельствах	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.244.
73.	1860	осень (23 сентября)		Фекла Гречкина (вдова урядника; из ст. Бекешевской)	при неизвестных обстоятельствах	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.248.
74.	1861		в юрте ст. Удобной	Дарья Тимофеева Калитина (дочь казака 12 лет; из ст. Удобной)	при неизвестных обстоятельствах	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.252.
75.	1862	лето (16 августа)	около ст. Прочноокопской	Федосья Лагунова (из ст. Прочноокопской)	в лесу	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.257; Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках-линейцах. – Армавир, 1994. – С. 18.
76.	1862	осень (4 сентября)	Липкинский пост	Марианна Горбатко (жена пластуна)	при нападении превосходящих сил горцев на Липкинский пост, где находилась Марианна и 32 пластуна	убита (застрелила одного из горцев, а другого заколола штыком – после чего была зарублена нападавшими)	Вишневецкий Н.И. Исторические воспоминания. - Краснодар, 1995. – С.79.
77.	1862	осень (3 октября)	ст. Нижнебаканская	Елена Степанова (казачка)	при нападении «огромного скопища горцев» на ст. Нижнебаканскую	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.260.

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
78.	1862	осень (3 октября)	ст. Нижнебаканская	Евгения Павлова Рецева (девица-казачка)	при нападении «огромного скопища горцев» на ст. Нижнебаканскую	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.260.
79.	1862	осень (3 октября)	ст. Нижнебаканская	Евдокия Лазько (девица-казачка)	при нападении «огромного скопища горцев» на ст. Нижнебаканскую	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.260.
80.	1862			Агафья Усачева (из ст. Беломечетская)	при неизвестных обстоятельствах	плен	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.265.
81.	1863			Домникия Феськова (из ст. Крымской)	в степи	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.268.
82.	1863			Агафья Захарова (жена казака; из ст. Ахметовской)	при неизвестных обстоятельствах	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.268.
83.	1864		Корсунская переправа через Кубань	София Ларионовна Лозина (из ст. Терновской)	при неизвестных обстоятельствах	убита	Кияшко И.И. Указ. соч. – С.273.
СТАТИСТИЧЕСКИЙ ИТОГ		осень – **45,5 %** случаев, зима – **25,5 %,** весна – **18 %,** лето – **11 %**		всего выявлено пострадавших – **506** женщин и девочек	при разграблении станиц – **84 %** от общего числа пострадавших женщин и девочек, при разорении хуторов – **6 %**, вне населенных пунктов – **10 %**,	взято в плен – **94 %** от общего числа пострадавших женщин и девочек, легко ранено при попытке захватить в плен – **1 %,** убито и смертельно ранено – **5 %.**	

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Юрий Юрьевич КЛЫЧНИКОВ,
Анастасия Александровна ЦЫБУЛЬНИКОВА

«ТАК БУЙНУЮ ВОЛЬНОСТЬ ЗАКОНЫ ТЕСНЯТ...»: БОРЬБА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ С ХИЩНИЧЕСТВОМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(исторические очерки)

Формат 60х90/32. Печать офсетная, бумага офсетная
Подписано в печать 10.02.2011
Усл. печ. л. 8. Тираж 1000. Заказ № 367
Отпечатано в типографии
ООО «Рекламно-информационное агентство на КМВ»,
г. Пятигорск, ул. Февральская, 54.
Тел. (879-3) 33-36-56, тел./факс (879-3) 39-09-03.